

Учредитель

Ю.Л. Мандрика

Издатель

ТОО «СофтДизайн»

Главный редактор

Ю.Л. Мандрика

Корректор М. Дистанова

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отдел

«Литературные университеты»

В.А. Рогачев

Отдел

«Краеведение»

С.Г. Пархимович

Сдано в набор 10.06.98.

Подписано в печать 14.09.98.

Формат 60x84/16.

Гарнитура «SchoolBook».

Офсетная печать.

Бумага офсетная №1.

Уч.-изд. л 8,2.

Усл.-печ. 9,3.

Тираж 999. Заказ № .

Адрес редакции

(для переписки):

625002, г. Тюмень,
а/я 5579.

Лицензия ЛП №063670

от 24.10.94 г.

Тел. (345-2) 25-12-84

ISBN 5-88709-108-8

Отпечатано с готовых
диапозитивов на ГИПП
«Уральский рабочий».
625219, г.Екатеринбург,
ул. Тургенева, 13.

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

С. Моор. Мелодия ветра 28

ПРОЗА

Е. Волкова. Новогодняя сказка для Нордика 30

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

В. Рогачев. Краткие рецензии 38

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги местных авторов 42

КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ. Ведущая рубрики – Н. РОГАЧЕВА.

Региональный компонент на уроках литературы в V классе 45

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

В. Рогачев. «Шестидесятники»,
рожденные на тюменской земле 50

КРАЕВЕДЕНИЕ

ДАТЫ НАШЕГО КАЛЕНДАРЯ

Ю. Мандрика. С.К. Патканов. Остяцкая молитва 3

К. Омельчук. Ямальский проект Константина Носилова 16

И. Слоцов. Чудеса на Новой Земле, или Таинственное
у самоедов 19

К. Носилов. В защиту обских инородцев. Изыскание пути по
соединению Обского и Печорского бассейнов 22

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛИСТА

Р. Гольдберг. «Объект Збарского» 58

ЧИТАЛКА «ЛУКИЧА»

Ю. Мандрика. Будут ли праздновать 60-летие Шишкина? 67

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

И. Слоцов. Степан Иванович Гуляев 70

СЛОВО СПЕЦИАЛИСТА

С. Туров. Сибирский энциклопедист 126

СООБЩЕНИЯ

Е. Коновалова. История Тюменской книги 132

В. Копылов. Въездные, или парадные, ворота старой Тюмени 145

С. Кубочкин. Тюменская ярмарка. Взлет и падение 149

TRIVIA (мелочи) 160

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 160

С.К. Патканов. Остяцкая молитва

До сих пор о предках Серафима Кероповича Патканова было известно гораздо больше, чем о нем самом. И это при том, что имя его на слуху и у историков, и у этнографов.

А.А. Дунин-Горкавич при написании работы «Север Тобольской губернии» пользовался информацией из книг¹ С.К. Патканова. Авторы пятитомной «Истории Сибири»² не менее десятка раз отсылают читателя к произведениям покойного статистика и этнографа.

Но остро встал вопрос о биографии С.К. Патканова лишь при работе над Энциклопедией ХМАО. Специалиста, занимавшегося его творчеством, не нашлось. Известный сибировед Н.А. Миненко в частной беседе с автором этих строк авторитетно подтвердила: «Биография Патканова еще не написана».

Ученый, оставивший после себя свыше двух десятков работ о Сибири³, некоторые из них в двух, трех и даже в четырех томах, за прошедшие восемьдесят лет после его смерти оказался краоведам не интересным.

«Хотя мне и грустно было слышать о столь низком уровне цивилизации местного населения, но я не удержался, чтобы не улыбнуться на слова нашего добродушного хозяина, который был таким же... как и другие жители города, а все его образование, которое он так подчеркивал, ставя себя на одну ступеньку с европейцами, заключалось в трактирном лоске, который он естественно приобрел по роду своего занятия...»⁴, — так писал Серафим Керопович более ста лет назад о несколько ином явлении, но эти слова, безусловно, касаются на-

¹ «Кроме своих личных наблюдений и расспросных сведений я пользовался официальными документами <...>, а также доступными мне источниками <...>. С.К. Патканов. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XII.» — А.А. Дунин-Горкавич. Север Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VIII. Тобольск, 1897. С.1.

² История Сибири с древнейших времен до наших дней: В пяти томах. Л., 1968–1969.

³ В конце данной публикации приводится список работ С.К. Патканова.

⁴ Патканов С.К. По гациендам и руинам Юкатана. Путевые наброски//Землеведение. 1896. Т. III. Кн. 1. С. 96.

шего отношения к нему. Ибо большая часть работ С.К. Патканова — о Тобольском Севере.

***

Ни в одну из существующих в России энциклопедий имя С.К. Патканова не попало. Правда, в «Материалах для биобиблиографического словаря восточносибирских этнографов» (далее, Материалы — *прим. автора*), которые мыслились как корректурное издание⁵, помещена небольшая справка: «Патканов, Сераф. Кероп., стат.-этногр. Главные тр.: «Статист. данные, показыв. племенн. сост. насел. Сибири» 1912; «По Демьянке», «Опыт географии и статистики тунгус. племен Сибири» 1906 и др. Ум. в 1918 г.»⁶.

Во вступительной статье к Материалам помещен «Вопросник», состоящий из 29 пунктов, получить ответы на которые «было бы необходимо для будущего словаря»⁷.

На момент издания Материалов отсутствовали данные не только о годе рождения... Можно смело сказать, что в списке восточносибирских этнографов

обозначен был лишь объект будущей словарной статьи: Патканов, Сераф. Кероп. Да и то, пожалуй, не совсем точно (*см. сноску*¹⁶).

Правда, список отдельных изданий⁸ и публикаций по этнографии⁹ в периодике был составлен достаточно полно.

Как говорилось выше, предкам Серафима Кероповича повезло больше.

***

Семейные предания о происхождении армян Патканьянов сохранили историю рода с конца XVII века¹⁰.

Тер Петрос был священником армянской церкви под Константинополем. Как раз в то время в Турции миссионеры пытались обратить армян в католиков. И когда янычары, подстрекаемые миссионерами, устроили резню не желавшим принять новую веру, погибло около тысячи человек. Около 100—150 попросили убежища у Тер Петроса, который укрыл их в армянской церкви. После этого случая священника стали называть Минасиб, что в пере-

⁵ Материалы для биобиблиографического словаря восточносибирских этнографов: Предварительный список//Известия ВСОРГО. 1926. Т. LI. С. 194.

⁶ Там же. С. 205.

⁷ Там же. С. 194.

⁸ Патканов С.К. Список народностей Сибири. Петроград, 1923.

⁹ Азадовский М. Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века: Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900. Иркутск, 1924. С. 19. Азадовский М. Сибирь в художественной литературе. Вып. I: Периодические издания Европейской России 1891—1917. Иркутск, 1927. С. 44.

¹⁰ Подробнее историю армянского рода Патканьянов можно прочесть: Н. Веселовский. Керопэ Петрович Патканов: Биографический очерк. Спб., 1890.

воде с арабского означает «достойный», «пристойный».

После смерти Тер Петроса в 1744 году паству принял его сын, служивший и ранее в той же церкви под именем Тер Петроса Минасиб-оглы. Образованный для своего времени человек, он знал хорошо не только армянский, но и арабский, турецкий языки. Своих троих сыновей: Михаила, Гавриила и Серафима (Серовпе родился в 1760 г.) — отправил учиться в Венецию в единственное в то время высшее армянское учебное заведение, известное впоследствии как Венецианская Армянская Академия. Ректор счел неприличным для юношей носить мусульманскую фамилию и перевел ее на армянский язык. Так появились Патканьяны, от глагола *патканим* — «приличествую, приспособляюсь».

Серафим (Серовпе) Петрович Патканьян, закончив учебу, открыл первую армянскую школу в Тифлисе, работал старшим преподавателем армянской словесности, риторики и логики в Астрахани в Агабабовском городском училище.

Один из четверых его сыновей — Петр (род. в 1808 г.) учился в этом же училище. Женился на дочери священника, впоследствии архимандрита Тер Арутюна Аладариана, происходившего от персидских цыган¹¹.

Кероб¹² Петрович Патканьян родился в 1833 году. Его матери шел только пятнадцатый год.

Сведения о К.П. Патканове, отце героя наших заметок, есть практически в любой энциклопедии.

Учился в Ставропольской гимназии и Лазаревском институте в Москве, был студентом камерального факультета Дерптского университета. Знал французский и немецкий, ставший «впоследствии для него языком обыденным»¹³. Переводил на армянский Гёте, Шиллера, Беранже.

Агафон Давидович Акимов, один из учредителей стипендии для армян, идущих в духовенство, узнав о литературных занятиях Керобэ Петровича, прекратил выдачу стипендии студенту Дерптского университета. Прочувшись полтора года, К.П. Патканьян вернулся в Пе-

¹¹ Эта деталь очень важна. В 1900 г. в Москве издана книга «Цыганский язык». Автор ее — Петр Серафимович Патканов (псевдоним П. Истомин). Сын ли это героя наших заметок? На столь сложный вопрос еще предстоит ответить. Ибо в формулярном списке о службе коллежского ассессора С.К. Патканова в 1893 г. значится, что он холост.

¹² Ср. «Серовпе» и «Керобэ». Не являются ли они различной фонетической версией одного имени? Частичным подтверждением этому может быть письмо Д.А. Клеменца графу Д.И. Толстому, в котором Дмитрий Александрович называет Патканова Серафимом Серафимовичем. Ср.: Серафим Керобеч (Серовпеч). — РГИА. Ф. 696: Фонд Толстых. Оп.1. Д.308. Л. 31 об.

¹³ *Веселовский Н.* Указ. соч. С. 10.

тербург, служил дьячком в армянской церкви, учился на историческом разряде филологического факультета Главного педагогического института. Регулярно бывал в это время в доме А.Д. Акимова, где давал уроки армянского языка его детям. Здесь он и влюбился в свою семнадцатилетнюю ученицу Анну. Летом 1858 г. они обвенчались.

В 1861 г. на восточном факультете Санкт-Петербургского университета освободилось место профессора армянского языка. И осенью Керобэ Петровичу предложили взять на себя преподавание словесности на правах адъютанта. Началось восхождение к известности: вначале в качестве профессора-ориенталиста, затем члена-корреспондента Академии наук, секретаря Восточного отделения Археологического общества.

***

В это время, когда Керобэ Петровичу улыбнулась судьба предоставлением места в университете, в его жизни произошло еще одно событие: 28 июля 1861 года¹⁴ у него родился сын Серафим.

В роду Патканьянов все имели гуманитарные наклонности.

Многие писали. Михаил (род. в 1754 г.) издал первую у армян медицинскую книгу «Врачебник Рестэн». Прапрадед Серафима и его тезка Серовпе Петрович сочинял песни и гимны. Михаил Серафимович (род. в 1815 г.) был известен на Кавказе многочисленными публикациями в местной печати. Гавриил Серафимович (род. в 1802 г.) издавал газету «Арарат» в собственной типографии. Прадед (отец бабушки по отцовской линии) писал стихи, издал в Москве в 1821 г. краткий русско-армянский словарь.

В семье Патканьянов, ставших уже на русский манер Паткановыми, отец, кроме выше-названных языков, владел еще и английским, изучал итальянский. Керобэ Петрович к тому же ездил в библиотеки Венеции, Мюнхена, Парижа и Вены¹⁵. Гуманитарный дух, пропитавший весь род Патканьянов, предполагал выбор профессии и Серафимом Кероповичем. Но он изменил традиции рода, поступил на естественный факультет.

«Диплом.

Совет Императорского Санкт-Петербургского университета сим объявляет, что Серафим Керобев¹⁶ Патканов, 24 лет от роду, армяно-грегорианского ве-

¹⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 31—32.

¹⁵ Патканов С.К. вспоминает, что в Голландии «нередко случалось встречать...» (По Демьянке//Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО. Кн. XVI. Омск, 1894. Вып. II—III. С. 48.). Учитывая, что очерк датирован 1888 годом, очевидно, что в одну из таких зарубежных поездок сын ездил с отцом.

¹⁶ Как видим, по записи в дипломе герой наших заметок был все-таки Кербович. Трудно сказать, когда произошло оглушение звонкой согласной, но формулярный список уже гласит о службе коллежского асессора Патканова

роисповедания, поступил в число студентов сего университета 31 августа 1881 г., выслушал полный курс по естественному разряду физико-математического факультета и показал на испытаниях следующие познания <...> за которые физико-математическим факультетом по предоставлении диссертации признан достойным ученой степени кандидата и <...> утвержден в этой степени Советом С.-Петербургского университета 7 октября 1885 г.».

Указом правительствующего Сената утвержден по степени коллежского секретаря с «9 октября 1885 г. и причислен к Министерству госимуществ»¹⁷ в число чиновников, служащих в департаменте общих дел. А через полгода назначен помощником производителя работ по составлению, предъявлению и выдаче государственным крестьянам владенных записей.

Сразу с назначением последовала длительная командировка в Западную Сибирь «для исследования быта сельских обывателей»¹⁸.

При Министерстве государственных имуществ еще в 60-е

годы была образована комиссия по составлению проекта устройства сибирских государственных крестьян и инородцев. Но ее работа зачастую была совершенно напрасной. Всякие предложения комиссии при отсутствии данных о хозяйственном положении населения не получали законодательного утверждения. Для сбора точных сведений «о крестьянском землепользовании, хозяйстве и вообще условиях экономического быта крестьян и инородцев»¹⁹ впервые в 1896 г. были командированы несколько чиновников в Тобольскую и Томскую губернии. Среди них был и С.К. Патканов.

Первый год он «провел в Тюменском округе, а два следующих — в Тобольском»²⁰. И здесь гуманитарное начало взяло верх.

Круг обязательств, вменяемых ему государственной службой, позволил наблюдать за жизнью инородцев — остяков и вогулов — и сделать вывод: происходит постепенное вымирание этих народов. А вместе с ним и исчезновение их культур через обрусение или просто «с утратою родной старины»²¹. «Без предварительной подготовки и без ли-

Серафима КероПовича. Так что М. Азадовский, ошибаясь, был по-своему прав... Кстати, в современных изданиях Патканов-отец значится «Керобэ».

¹⁷ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 4.

¹⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 15—16.

¹⁹ Обзор деятельности Министерства государственных имуществ (ныне Министерства земледелия и государственных имуществ) в царствование Императора Александра III (1881—1894 гг.). Спб., 1901. С. 279—280.

²⁰ *Веселовский Н.И.* О труде С.К. Патканова //Отчет Императорского Русского географического общества за 1891 г. С.-Петербург, 1892. С. 25. — Очевидно, Н.И. Веселовский, указывая время пребывания С.К. Патканова в Западной Сибири, ошибся. См. сноску ²⁹.

²¹ Там же. С. 25.

тературных пособий под рукою занятия представляли большую трудность; но эту трудность г. Патканов преодолевал с настойчивостью, тем более замечательной, что он старался усвоить язык, вовсе не пригодный к потребностям государственной службы»²².

В конце декабря 1887 г. в С.-Петербург на имя директора департамента общих дел приходит телеграмма²³ из Омска от коллежского секретаря Патканова. Он просит предоставить месячный отпуск по семейным обстоятельствам²⁴. Затем отпуск продляют до 24 февраля 1888 г.

За день до его окончания С.К. Патканов снова обращается к директору департамента с ходатайством: «Приступая к пересмотру отчета по исследованию экономического быта сельского населения пяти волостей Тюменского округа для приготовления его к печати, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне остаться в Петербурге до окончания этих работ»²⁵.

Первый выпуск «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири» увидел свет в 1888 г. Он назывался «Тюменский округ:

5 волостей». И автором этой книги был С.К. Патканов.

... В деле хранится свидетельство департамента общих дел Министерства государственных имуществ на имя Патканова «для свободного жительства в Петербурге по первое мая 1888 г.»²⁶.

«По прибытии на короткий срок в Петербург г. Патканов усердно приступил к изучению лингвистических трудов Кастрена и других финнологов и после этого провел в Тобольском округе еще восемь месяцев, собирая образцы поэзии остяков и составляя словарь южно-остяцкого наречия. Собрались эти материалы при обстановке довольно тяжелой: приходилось жить среди остяков буквально оторванным от остального мира вследствие прекращения на долгое время всяких путей сообщения, приходилось жить в остяцких чумах вместе с больными тифом и оспой»²⁷.

12 мая 1888 г. г-ну Патканову выдано свидетельство «для свободного жительства и проезда в г. Омск» со сроком действия в полтора месяца²⁸.

Собирательство фольклора захватило С. Патканова. То, что удалось разыскать ему, было не замечено ни Кастреном, ни Алквистом. Государственному слу-

²² Веселовский Н.И. О труде... С. 25.

²³ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 6.

²⁴ Последние три года жизни Керобэ Петрович тяжело болел и умер 2 апреля 1889 г.

²⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ Веселовский Н.И. О труде С.К. Патканова //Отчет... С. 25.

²⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 11.

жашему Министерства госимуществ удалось записать былины и богатырские песни остяков²⁹. Автор разысканий считал, что собранный им материал достаточно древний и относится не ранее XIV и не позднее XVI вв. Главным доказательством такой версии служило отсутствие в фольклоре упоминаний о татарах и русских³⁰.

В начале января 1889 г. С.К. Патканов снова телеграфирует в С.-Петербург просьбу: позволить ему выехать в северную столицу по делам службы³¹. В просьбе была откровенная неправда: дома в тяжелом состоянии лежал отец. Дни его были сочтены...

В апреле Серафим Керопович произведен за выслугу лет в титулярные советники, а в мае 1889 г. начинается период «работки и приготовления к печати отчетов по исследованию экономического быта государственных крестьян Тобольской губернии»³².

Но в августе С. Патканов пишет прошение о предоставле-

нии отпуска. Ему разрешают, и он уезжает в сентябре во Францию. Оттуда присылает письмо вместе с заключением врача о необходимости продлить лечение³³...

Девяностый год был богат на события. В апреле в приказе «об отлично-усердной службе» среди награжденных орденом Святого Станислава III степени значится фамилия Серафима Кероповича³⁴. В этом же году он избирается в действительные члены Тобольского губернского музея с ежегодным взносом³⁵. А в декабре столичные газеты писали о его выступлении на собрании этнографического отдела Географического общества, где он докладывал о своих наблюдениях над жизнью остяков. «По словам докладчика, хотя местные остяки заметно поддались обрусению, но они не утратили еще многих характерных черт своего прежнего быта. <...> Г. Патканов³⁶ привез целую коллекцию остяцких женских работ; в ряду их есть вещи, выполненные с большим вкусом и даже с некоторым умом.

²⁹ Веселовский Н.И. О труде... С. 25.

³⁰ Известия ИРГО. Т. XVII. Вып. С.-Петербург. 1891. С. 79.

³¹ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 12. Согласно вышеприведенным документам, С.К. Патканов первый раз находился в командировке не более 1 года 8 месяцев, второй — 7—8 месяцев. См. также сноску ²⁴.

³² Там же. Л. 14 об.

³³ Там же. Л. 15, 17.

³⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 19 об.

³⁵ В действительные члены избирались лица, внесшие единовременно не менее пятидесяти рублей или вносящие ежегодно не менее трех рублей. — Устав Тобольского губернского музея // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 2. Тобольск, 1894. С. СХI. Членство оплачивалось С. Паткановым ежегодным взносом в течение трех лет — 1890—1892. — См. Ежегодн. Тобольск. губ. музея. Вып. 7. Тобольск, 1897. С. 23.

³⁶ Здесь: *господин*, но НЕ ошибка в инициале.

<...> В коллекции г. Патканова имеются также остяцкие охотничьи стрелы на белок и на уток...»³⁷.

Год работы над «приготовлением к печати отчетов»³⁸ не прошел даром. По результатам проведенного исследования в Тобольской и Томской губерниях было издано 22 выпуска «Материалов для изучения экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири». Четыре тома из них принадлежали перу С.К. Патканова³⁹. Но этим не закончилась работа автора над собранными материалами.

За пределами указанного исследования остались этнографические сведения. Начав их обнародовать с выступления на собрании в Географическом обществе, в 1891 г. в журнале «Живая старина» (Вып. III–IV.) была опубликована работа «Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям»⁴⁰. Давая рекомендацию для вступления в

Императорское Русское географическое общество, Н.И. Веселовский сообщал, что в портфеле у соискателя лежат написанный на немецком языке⁴¹ труд «Irtysch-Ostjaken und ihre Volksproesie»⁴² в двух частях, «Южно-остяцкий немецко-русский словарь» и «Грамматика южно-остяцкого наречия»⁴³. Подводя итог сказанному, поручитель за вступающего в общество сказал следующее: «Г. Патканов представляет для наших путешественников на востоке поучительный пример по методу исследования и по приемам; он показал, как следует приниматься за дело, чтобы работать производительно в области этнографии народов Азии. С таким направлением исследователи очень редки; немногочисленны потому и сочинения вроде того, что дано г. Паткановым»⁴⁴.

6 февраля 1891 г. Серафим Керович Патканов был из-

³⁷ Восточное обозрение. 1891. №6. С.5.

³⁸ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 14 об. — На этот период, с 1 мая 1889 по 1 мая 1890 г., к 800 руб. годового содержания С.К. Патканову было при-
бавлено еще 400 руб.

³⁹ См. в конце данной публикации список работ С.К. Патканова.

⁴⁰ В этом же году в Санкт-Петербурге она была тиражирована отдельным оттиском, но под другим именем: «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям».

⁴¹ Н.И. Веселовский пишет: «То, что напечатано в «Живой старине», представляет лишь главные выводы из обширного труда г. Патканова, написанного им, к сожалению, на немецком языке, потому на немецком, что из русских теперь никто не занимается, а стало быть и не интересуется финскими наречиями». — *Веселовский Н.И. О труде...* С. 25–26.

⁴² Эта работа смогла увидеть свет лишь в 1897–1900 гг. — См. в конце данной публикации список работ С.К. Патканова.

⁴³ Последние две работы пока не найдены. См. в конце данной публикации список работ С.К. Патканова. Пункт 9, 15.

⁴⁴ *Веселовский Н.И. О труде...* С. 26.

бран действительным членом Императорского Русского географического общества. Рекомендовавшие его помощник председателя отделения этнографии Николай Иванович Веселовский и секретарь Географического общества Александр Васильевич Григорьев⁴⁵ писали собранию: «Два раза ездил в Тобольскую губернию для изучения быта остяков. Может быть полезен обществу своими сведениями»⁴⁶.

В 1891 г. «за особенно замечательные труды в области географических наук, хотя бы предпринятые независимо от общества, но результаты которых были предоставлены обществу»⁴⁷ по отделению этнографии была присуждена Малая золотая медаль действительному члену ИРГО С.К. Патканову за работу «Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям».

18 марта 1892 г. департамент общих дел Министерства госимущества выдает своему чиновнику справку для предъявления

в Санкт-Петербургский университет, что тот «ни в чем предосудительном не замечен»⁴⁸.

А по осени С.К. Патканов отправляется для «лечения на минеральных водах»⁴⁹ в Америку⁵⁰ вначале на два месяца, потом продляет свое пребывание там.

Тот период жизни героя данного повествования, который можно было изучить хотя бы поверхностно, по продвижению по службе, по отпускам, закончился для автора этих строк 1 апреля 1893 г. «Вследствие отношения от 15 минувшего марта №2899 Центральный статистический комитет имеет честь уведомить департамент общих дел, что коллежский ассessor Патканов назначен с 1 апреля младшим редактором комитета».

В связи с переходом на новое место службы, очевидно, было заведено и новое личное дело. Обнаружить его пока не удалось. Известно по публикациям С.К. Патканова, что он владел искусством фотографии⁵¹, но его портрет пока так-

⁴⁵ См. подробнее: Состав Императорского Русского географического общества. Спб., 1904.

⁴⁶ Архив Русского географического общества. Д.6 от 16 января 1891 г.

⁴⁷ История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества: 1845–1895/Состав. П.П.Семенов. Ч.III. Спб., 1896. С.1000.

⁴⁸ Есть предположение, что с этого времени С.К. Патканов преподает. Архивы университета переданы в РГИА, но помещение на Псковской, 18 пока закрыто на ремонт и исследовать версию пока нет возможности.

⁴⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 14532. Л. 22-23.

⁵⁰ Итогом его путешествия была публикация еще в одном журнале ИРГО «Землеведение». См. сноску ⁴, а также список работ С.К. Патканова

⁵¹ См.: Патканов С.К. По гациендам и руинам Юкатана. Путевые наброски// Землеведение. 1896.

же не удалось найти. Правда, работая в архиве в Петербурге, удалось в описях отыскать дело, в коем значилась фотография, на которой мог быть запечатлен Патканов⁵², но ее в фондах почему-то не оказалось.

Что еще известно о Серафиме Кероповиче? То, что в 1905 г. по отделению этнографии ИРГО он был удостоен Большой золотой медали за труд «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири» и за всю совокупность предыдущей ученой деятельности.

В 1912 г. шла речь о командировке за границу с целью изучения иностранных статистических бюро⁵³. Случилась ли командировка? Пока неизвестно.

То, что он вырос от обыкновенного статистика до исследователя, пытающегося понять и с помощью статистики, как вымирают первобытные племена, «вопрос, который помимо своего высокого демографического интереса мог бы помочь пролить свет на многие неясные стороны в настоящее время еще мало изученного явления — упадка исторических народов»⁵⁴. В этом же издании автор в приложении публикует перечень мер, которые необходимо принять на государственном уровне, чтобы улучшить

экономическое положение населения Северной Сибири: запрещение хищных приемов рыбы; упорядочение и облегчение снабжения предметами первой необходимости, принадлежностями и припасами, необходимыми для промысла; улучшение организации повсеместно существующих на севере рыбозапасных магазинов на случай голодовки; строгий надзор и установление более значительных взысканий за незаконную продажу инородцам спирта; помощь местному населению в сбыте пушнины и мамонтовой кости; облегчение инородцам бремени податей; улучшение путей сообщения; забота о народном здравии; упорядочение правового положения; учреждение на всем севере Сибири школ грамотности⁵⁵. Как видим, у советского режима был повод забыть исследователя инородцев.

Хочется процитировать еще одно мнение из той же работы: «...в те отдаленные времена, когда Русь была еще слаба и, так сказать, собиралась, эта верная и значительная по тогдашнему времени материальная поддержка (речь идет о ясачной подати мехами в казну царя — прим. автора) со стороны инородцев содействовала укреплению царской власти и несомненно помогла нашему оте-

⁵² РГИА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 423.

⁵³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Ед. хр. 129. Л. 135.

⁵⁴ Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Спб., 1911.

⁵⁵ Там же. СС. 187–197.

чувству выйти из своего трудного положения, преодолеть своих многочисленных врагов и создать мировую державу, раскинувшуюся на 1/6 часть суши. И вот если не за свою настоящую деятельность и за свою нынешнюю скромную лепту, то по крайней мере за свои прошлые заслуги, за те богатые дары, которые они свыше трех веков вносят в сокровищницу русского народа, сибирские инородцы имеют право рассчитывать на признательность и на посильную помощь со стороны своего отечества»⁵⁶.

***

Нынче исполняется восемьдесят лет с того дня, когда он «безвременно и трагически»⁵⁷ нас покинул. Дата его смерти пока также не установлена автором данной публикации⁵⁸. Л. Штернберг, автор предисловия к единственной посмертно изданной в России книжке С.К. Патканова⁵⁹, писал: «В нашей комиссии (по изучению племенного состава населения России, входившей в Российскую Академию наук, — *прим. автора*), объединявшей десятки отдельных работников, были две такие личности, оба, увы, безвременно и *трагически* нас поки-

нувшие, — это академик А.А. Шахматов и С.К. Патканов».

А.А. Шахматов пережил С.К. Патканова на два года и умер своей смертью — от болезни желудочно-кишечного тракта. Как умер С.К. Патканов? Может, обстоятельства его смерти заставили автора предисловия одну трагическую смерть в цензурных соображениях прикрывать другой? Хотя, как «пояснила» одна из сотрудниц архива, в те времена уже революция, разруха, голод были трагедией для русской интеллигенции. Даже будучи великим, можно было умереть для всех и навсегда...

А может, в то время «трагически покинуть» говорили обо всех безвременно ушедших?

***

...В следующем году в приложении к журналу «ЛУКИЧ» выйдет двухтомник сочинений Серафима Патканова «Остяцкая молитва»:

«Ты, семеричный Бог, шестиричный Бог, отец людей! С пятью сосчитанными пальцами нашей руки мы стоим перед тобой без шапки и без рукавиц. Прости нам все! Не лишай твоих людей пищи».

⁵⁶ Там же. С. 186.

⁵⁷ Патканов С.К. Список народностей Сибири. Петроград, 1923. С.1

⁵⁸ «17 декабря 1918 г. на заседании всех четырех отделений общества Ю.М. Шокальский произнес речь о скончавшемся С.К. Патканове». — См.: Известия РГО. Т. LV: 1919–1923. Вып. II. М.-Пг., 1924. С. 183.

Не исключено, что биография Серафима Кероповича Патканова публиковалась в советское время, но этот факт пока не известен автору этих строк.

⁵⁹ Патканов С.К. Список народностей Сибири. Петроград, 1923. С.1

Главнейшие труды С.К. Патканова

1. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири/Издание Министерства гос. имуществ.

Тюменский округ (5 волостей). Вып. I. 1888.

Тобольский округ. Вып. X, XII и XX. 1891—1893.

2. Волости и населенные места. Вып.: 10; Томская губ. 1893/Изд. Центр. стат. комит.

3. Dépouillement des données sur la nationalité et classification des peuples de l'empire russe d'après leur langue/Изд. Центр. стат. комитета для VII сессии Междунар. статист. института. 1899.

4. По гациендам и руинам Юкатана: путевые наброски//Землеведение. 1896. Т. III. Вып. 1—4; Наблюдатель. 1895. VI. С. 98—130; Север. 1895. №№ 6—12.

5 По Демьянке: Бытовой и экономический очерк//Зап. Зап.-Сибир. отд. ИРГО. Кн. XVI. Вып. II—III.

6. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям: Отд. оттиск, 1891; Живая старина. 1891. III—IV.

7. «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie/Изд. Имп. Русск. Акад. наук.

I. T. Ethnographisch-Statistische Uebersicht, 1897.

II. T. Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erläuterungen mit einer phototypischen Tafel, einer Tafel in Farbendruck u. einer Karte. 1900.

8. Ueber das Volk der Sabiren//Revue Orientale. Budapest. 1900. I. 4.

9. Irtysch-Ostjakisch-Ungarisch-Deutsches Wörterverzeichniss//Nyelvtudományi közlemenyek. XXX köt. 4 füz. 1900. XXXI köt. 4 füz. 1901; Irtisi-osztják szojegyzék//Ugor Füzetek. 14 szám. 1902.

10. Aperçu statistique et ethnographique de la province de l'Amour//Изд. Центр. стат. комит. для VIII сессии Междун. статист. института. 1901.

11. Главнейшие данные по статистике населения крайнего востока Сибири — Приморская и Амурская области и о. Сахалин//Временник Центр. стат. комит. 1903. № 52.

12. Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Sibérie//Изд. Центр. стат. комит. для IX сессии Междунар. статист. института. 1903.

13. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Т. I. Вып. 1—2. Т. II (с 3 племенн. картами). 1906//Зап. ИРГО по отд. этногр. Т. XXXI. Ч. 1—2.

14. «Versuch einer Geographie u. Statistik der Tungusenstämme Sibiriens//Revue Orientale. IV—VI Jahrg. 1903—1905; в виде отдельного

издания в Public. du Com. Hongr. de l'Assoc. Intern. pour l'explor. de l'Asie Centr. et de l'Extr. Orient.». I.) — Сокращенное издание труда под № 13.

15. «Laut- u. Formenlehre der Süd-Ostjakischen Dialekte» (auf Grund der Sammlungen u. grammatischen Aufzeichnungen von S. Patkanov bearbeitet von D. R. Fuchs)//Revue Orientale. 1906. VII. 1—3; 1909. X. 3; 1910. XI. 1—4; в виде отдельного издания, 1911.

16. Племенной состав населения Российской империи//Свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 1897 г./Изд. Центр. стат. комит. Т. I т. 1906. 1—39.

17. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: Поселенные и поволостные таблицы и выводы из них. — Результат специальной разработки автором подлинного материала переписи 1897 г. — Печатается в «Зап. ИРГО по отд. стат.» Т. XI.*

18. Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами за период времени 1897—1907 гг.//Ежегодник России. 1909/Изд. Центр. стат. комит.

19. Краткий очерк колонизации Сибири//Ежегодник России. 1907.

20. Лекции по отечествоведению: Сибирь и Средняя Азия. 1905—1906/Гектограф. изд. Центр. стат. комит.

21. О приросте инородческого населения Сибири**//Ежегодник России. 1908. — Краткое издание настоящего труда. — То же по предварительным данным под заглавием: Ueber d. Zunahme d. Urbevölkerung Sibiriens//Revue Orient. 1908. 54—94.

22. Эмиграция из России в Соед. Штаты С. Америки за десятилетие 1900—1909 гг.//Ежегодник России. 1910. — Печатается.***

23. Проект составления племенной карты России//Живая старина. 1915. С. 217—244. — Отдельный оттиск: Спб., 1916.

24. Список народностей Сибири. Петроград, 1923.

---

* Работа вышла в 3-х томах (Спб., 1912).

** Отдельным изданием вышла в 1911 г.

*** Пункты 1—22 печатаются по изданию: Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Спб., 1911. С. 209—210.

17 (29) октября исполняется 140 лет со дня рождения путешественника, писателя, исследователя Константина Дмитриевича НОСИЛОВА (1858–1923).

Нижепубликуемая подборка посвящена этому имени.

Ямальский проект Константина Носилова

Я узнал недавно: его приглашали в Сибирское правительство. В какое?

Их, сибирских правительств, в те смутные годы случилось немало. Приглашали в Омск. Петр Вологодский ли — премьер Временного Сибирского правительства? Или сам «верховный правитель» — адмирал Колчак?

Это неведомо. Скорее — Колчак. Они должны были знать друг друга по полярным скитаниям и проектам. Как полярные исследователи они во времени совпали и наверняка были наслышаны друг о друге.

Каким министром? Скорее — по экономической части. Но какой из Константина Носилова экономист? Он — писатель, путешественник, он — исследователь, журналист, он — просветитель и общественный деятель. Но тогда в сибирские правительства брали (и они шли!) интеллигентов.

Константин Дмитриевич отказался, скорее всего, по семейным обстоятельствам, несмотря на то, что к этому времени он уже был немолод, у него были маленькие дети и молодая жена.

Но факт о многом говорит: не только о необыкновенной популярности, но и государственной влиятельности этого частного человека в среде и российской, и сибирской интеллигенции. Впрочем, один большой проект Константин Дмитриевич деятельно хотел осуществить. Это был его ямальский проект, которым он был одержим с тех пор, как в конце XIX века добрался до полярного полуострова Ямал. Еще летом 1897 года, путешествуя по Ямалу, он задался целью отыскать легендарный Мангазейский путь.

«Я ехал на полуостров, чтобы найти этот исторический путь, что и сделал. Но река Муг-

ная оказалась маленькой речонкой, Зеленой вовсе нет, и путь оказался гораздо севернее, по другим рекам, через устье реки Морды. Волок тоже не между реками, а между озерами, целой системой озер, и всего в 60 сажен, и леса на нем нет».

Кстати, с этих времен и загорелся Константин Дмитриевич идеей сделать Ямальский волок судоходным. Мысль его начала приобретать реальные и конкретные очертания лишь с началом русско-германской войны, когда царское правительство принуждено было искать альтернативные пути сообщений. Погодился со своим проектом и сибирский уроженец Шадринска энтузиаст Носилов.

В начале 1915 года практически все сибирские газеты сообщили, что «высочайше» царем утверждено положение Совета министров о предоставлении концессии путешественнику Носилону на устройство речного водного пути через полуостров Ямал между Обской и Байдарацкой губами Карского моря. Вот как выглядел носиловский проект по словам сибирских газетчиков.

«Не обходя на судах, следующих из Западной Сибири по Обскому и Енисейскому бассейнам к европейским портам, полуострова Ямал и совсем оставляя ледяное Карское море в стороне, буксировать суда из Обской губы в губу Байдарацкую через реку Салетта (Лымбани по-самоедски), озеро Талын-То, лежащее на

водоразделе Ямала, реку Тыловку и на незначительном расстоянии, так как они достаточно в летнее время снабжены водой, река Юрибей в месте слияния с рекой Тыловкой не имеет менее двух сажен глубины до своего устья».

Этот вариант Северного морского пути, по мысли Носилова, не только сокращал на 2000 километров расстояние, но и исключал встречу со льдами Карского моря, которые, главным образом, препятствовали тогда установлению постоянного торгового сношения Сибири с Европой.

В следующем, 1916 году Носилов снарядил экспедицию во главе с инженером И. Эльпортом и сам провел рекогносцировочное обследование варианта пути, который условно назывался южно-ямальским.

Корреспонденту журнала «Русское судоходство» Носилов рассказывал:

— Весь путь будет заключаться в следующих пунктах: у Мыса Каменного будет оборудована пристань Обская со зданиями и нужными приспособлениями для остановки и ошвартовки судов, на водоразделе Ямала на озере Талын-То будет оборудован канал длиной 36 сажен, на реке Салетта и северной вершине реки Юрибея будут устроены шлюзы с расчетом пропуска судов грузоподъемностью 75 тысяч пудов и осадкой в 5 футов, и, наконец, у мыса Марра-Салэ будет устроен порт Ямал, где находится словно

нарочно созданная к услугам этого пути глубокая и просторная гавань у острова Литке, где могут останавливаться морские суда с самой глубокой осадкой.

Все оборудование этого ямальского речного пути будет, по проекту Носилова, добавлял журнал, закончено в 1918 году или — самое позднее — к 1920 году, после чего этот путь будет открыт для всеобщего пользования.

Так писал журнал еще в 1916 году. К этому времени Носилов сумел добиться права концессии на сооружение пути частными средствами. У чиновников тогдашнего Министерства путей сообщения проект встретил «полное сочувствие».

Работы начались в том же 1916 году. В Омске на иртышскую воду спустили яхту «Галяэлия», которая была доставлена из Петрограда по железной дороге, а построена в Соединенных Штатах Америки. Тобольские корабли для целей экспедиции изготовили шхуну «Юрибей». В Тобольске же были зафрахтованы два парохода с баржей, на которую погрузили сруб дома, нужные постройки и груз продовольствия на предстоящую зимовку. Видимо, подготовка потребовала значительного времени, потому что караван двинулся к Обской губе к намеченной стоянке у мыса Ямсалэ только 12 сентября. Экспедиция намеревалась устроить на Ямсалэ станцию, перезимовать там, чтобы в начале будущей нави-

гации — уже 1918 года — тронуться к устью реки Салетты.

Октябрьский переворот приостановил замыслы Носилова, но окончательно с мечтой о ямальском канале Константин Дмитриевич не расстался.

Носилов был человеком политически не ангажированным, белых-красных для него долгое время не существовало, его политика — развитие Полярной России. Говорят, что у него даже состоялась встреча именно по поводу Ямальского волока с Лениным. Факт не подтвержденный, но имеющий косвенное продолжение.

Уже после установления советской власти по ходатайству Носилова была снаряжена известная Ямальская экспедиция во главе с тем же И. Эльпортом. В организации этой экспедиции и оказывал помощь первый председатель Совета Народных Комиссаров. Однако Эльпорт оказался не тем специалистом, которому можно было поручать столь «архиважное» задание. Экспедиция не выполнила своих задач.

К. Носилов путешествовал по всему миру, писал о своих путешествиях и исследованиях, но как-то получилось, что самым любимым его краем оказался наш. Полярный просветитель и словом и делом пытался привлечь всеобщее внимание к богатому краю. И, может быть, отсчет «открытия века» на ямальской земле можно начинать именно с него.

*Чудеса на Новой Земле, или Таинственное у самоедов*¹*

Унаследованные от финских племен рассказы о золотой бабе и о бабе-яге (финск. äka — гнев, эстл. äge — сердитый) на костяной ноге, которая в стародавние времена ворожила на бобах русским богатырям², отнесены в область народного эпоса.

Так мы, по крайней мере, до настоящего времени и думали. Но вдруг на поверку выходит, что яга-то баба, одноглазая, рябая, здравствует до последнего времени, ушла только от людского горя на Крайний Север и обитает на Новой Земле. Открыл ее там почтенный ученый Носилов и наименовал «веселой бабушкой». Хотя сведения о генеалогии, т.е. родопроисхождении сего изумительного существа собрать ему не удалось, ибо бабушка на вопросы, касающиеся сего, только «отсмеивалась», однако же ученый доподлинно выведаль, что она принадлежит чуть ли не семьдесят седьмому мужу и куплена им за десять оленей и ведро водки, несмотря даже на изъян в органе зрения и на ее увядающую красоту. Носилов утверждает, что она была известной красавицей, что из-за нее бывали даже истории... и что к одному из своих

мужей питает она особенно пылкую любовь, доказательством чему служит его портрет, который хранила она под своей подушкой!

Сделав несколько намеков на таинственное происхождение «веселой бабушки», Носилов (он живет в Париже) бойко характеризует ее бесовскую живость, которая «даже собак приводит в недоумение», и дьявольскую способность гримасничать, от которой «весь чум³ постоянно покапывался со смеху». Не мудрено, что такая чертовщина «веселой бабушки» заставила нашего ученого «над нею призадуматься». Более всего заинтересовал его дар ясновидения в этом изумительном существе: точь-в-точь как на бобах ворожит. Посмотрит, бывало, в пламень костра, вскинет потом на тебя единственный черный, как уголь, глаз и скажет, что ждет тебя впереди! «Порой верить не хочется, — повествует Носилов, — так нет, словно по ее заказу так все и случится, как предсказала». Много, говорит автор, записано у него в дневнике про ее ясновидения, но он решился поделиться с публикой самым интересным. Дело в

* Печатается по изданию: Тобольские губернские ведомости. 1894. №8.

¹ «Новое время», № 6441. Статья К. Носилова «Таинственное из жизни самоедов».

² Напр., Катомушка, Катома.

³ Самоедский чум на Новой Земле, где жил Носилов со своими спутниками.

том, что веселая бабушка увидела раз в пламени костра морское судно: «Дыму не видно, а паруса ходят! Ближе, ближе к нам идет, две мачты: одна большая, другая маленькая!» — предсказала самоедская пифия. И что бы вы думали? На пятый день действительно подошли к Новой Земле норвежские суда⁴. Вот какая это бабушка! В чуме на проводинах норвежцев распивали бутылку отвратительного рома. В самом разгаре оргии, как подбодает ведьмам, пьяная веселая бабушка обнимала, целовала и ласкала своего старика. И в это время, говорит Носилов, бросила на меня свой черный глаз. «Тут-то и понял я, что она больше видит в огне, чем я во всех моих книгах!»⁵. (Кажется, это единственно правдивое место всей статьи о таинственном).

Подсел раз Носилов к этой чертовой бабушке и раскрыл перед нею раззолоченную английскую библию. Сгинь, думает, нечистая сила! Не тут-то было: не только не сгнула, но храбро осадила ученого мужа трудным вопросом: «А кто-де это мог написать такую книгу, в которой все есть!». Носилов со стыдливым смирением только и мог ответить: «Такие же-де, бабушка, люди, которым тоже (как

тебе, чертовке) было *кой-что открыто из чудес природы!*!».

«Мы очень дружно жили со старухой, — говорит дальше путешественник, — но все же она так мне и не раскрыла всего, что я хотел!». Когда же, скажите на милость, баба-яга раскрывала пред богатырями всю свою «подноготную!»

Подобные рассказы о веселых и добрых бабушках на севере Сибири между остяками, вогулами и самоедами ходят во многих вариантах. Мне не раз доводилось слышать подобные носиловские рассказы на реке Конде и на Северном Урале, но, должен сознаться, с бабой-ягой я не беседовал.

Не менее распространенный на Севере рассказ о «видении трех оленей» я имел удовольствие проверить на опыте. Дело было вот как.

В 1884 году я экскурсировал на Северном Урале в окрестностях горы Денежкин камень; 21 июля вздумал с проводниками подняться на ее вершину для собирания альпийских трав. Накануне мы сделали сорокаверстный переход через болота и тундру, а в пять часов утра, когда еще не успел рассеяться туман, стали подниматься в гору. К полудню близ вершины мы вступили в

⁴ Вероятнее всего, веселая бабушка слетала ночью к норвежским судам в железной ступе, а потом и след помелом замела! Какое там ясновидение! Людей морочит старая ведьма.

⁵ Отчего бы способность ясновидения веселой бабушки не утилизировать для торгового мореходства между Европой и Енисеем. Как вы думаете, господин Носилов, ведь это надежнее метеорологических наблюдений?

пояс черники и мхов. По небу ходили кучевые облака, горные сопки из отдаленного хребта то обнажались, то кутались в туманный саван. Проводник наш, охотник-зырянин, начал спотыкаться. «Что ты?» — спросил я. «Видится вон три оленя», — ответил он, указывая на окрестные горы. Я ничего не мог рассмотреть в синеющей дали при помощи сильного бинокля-дальномера, а зырянин стоит на своем: видит, да и на поди! (Нужно заметить, что в это время олени уходят очень далеко от Денежкина камня). Посмеялись мы над быстроглазым проводником и пошли дальше. Когда стали спускаться с гор, я приостановился на одном из уступов, чтобы в последний раз насладиться покидаемой природой. Передо мной развернулась чудная панорама Северного Урала, на одну из невысоких сопок налетело облако, пронеслось далее и оставило на месте трех оленей. Даль делала предметы миниатюрными, как на картине: одна секунда — и все исчезло! Очевидно, когда олени неслись через сопку, их застигла тучка, и они по инстинкту «ошаршились»⁶. Тучка пронеслась, а олени, оставшись оторопевшими, казалось, свалились из облака. Разумеется, зырянин через несколько дней не упустил случая отыскать след и всех их перебил.

Подобное же явление Носилов рассказывает следующим образом.

Самоед Вылка так же, как и веселая бабушка, обладал ясновидением, но «мне казалось, что это просто нечто иное, как предчувствие». Однако «один странный случай мне объяснил, что он действительно «видит». Однажды шли они вместе от Карского моря к Маточкину проливу. Погода была теплая, снег мягкий. Вылка постоянно посматривал, «нет ли где тюленя», «не видно ли где оленей», и вдруг, обратившись к Носилову, «говорит, что он видит оленей». На расспросы самоед объяснил, «что пред его глазами мелькает три оленя» и что они наверное их увидят и будут охотиться. Прошли десятка полтора верст, собаки устали, а около полуночи поднялась метель. Сделали привал, и Носилов заснул под пологом, проснувшись под утро, протирает глаза, наводит зрительную трубку на противоположную гору и что же — действительно видит «одного оленя», а через час Вылка убил всех «трех».

Этот, по мнению Носилова, странный случай желает он отнести также к таинственному, из области самоедского ясновидения. «Откуда же взялись эти три оленя, когда мы прошли более трехсот верст и не видали даже следов их на северном острове?» — задает себе вопрос ученый путешественник. Разумеется, не с неба свалились! Следовало бы ему на это ответить.

Подобной же наивностью отличаются рассказы Носилова

⁶ Местн. выражение: остановились.

о цинге, которая будто бы является самоедам в виде нагой женщины, и об явлениях избранным из них давно вымершего народа, называемого «чудью».

Все это можно отнести к ряду сказок «не любо — не слушай». Но автор идет дальше: наряду с этими глупостями (да извинит меня он) о бабе-яге, о нагих женщинах ученый турист ставит видения самоедами святителя Николая в одеждах, якобы похожих на самоедские «савики»! Он утверждает затем, что очень многие самоеды знают в лицо святителя (по указанным выше «видениям») и потому легко отыскивают его образ в обдорской церкви; наконец, будто бы на паперти этой церкви есть даже особая икона для языческих жертвоприношений, «где не

трудно заметить следы крови на устах этого покровителя дикарей...». Позволяю себе думать, что такая ложь и кощунство едва ли могут быть допускаемы печатью, несмотря на авторитетность путешественника, и потому полагаю, что она имеет место на страницах газеты «Новое время», вероятно, вследствие одного только недосмотра редакции.

Оканчиваю свою заметку, перефразируя слова Носилова: как много мы еще не знаем в природе, но это еще ничего, но досадно то, что мы не умеем отличать серьезного, заслуживающего благоговения от суеверий и шарлатанства, и будем всегда такими, потому что не имеем прочного критерия для оценки окружающих нас явлений...

*В защиту обских инородцев¹**

Обдорский, Березовский и Сургутский округа населены исключительно инородцами: осяками, самоедами и вогулами. Эти народности ведут одни полуседлую жизнь, т.е. отъезжают от своих юрт на 100—400

верст на короткое время года для ловли и охоты; другие же кочуют со стадами оленей. Последних менее, потому что оленеводство упало в этом крае и сделалось достоянием уже меньшинства. Большинство или ры-

¹ Печатается по изданию: Восточное обозрение. 1885. №13. С. 2—3.

* Помещая настоящую статью одного очевидца и бытописателя инородцев на Севере, исследовавшего их положение и нужды, мы видим, что она затрагивает весьма существенные вопросы, и мы глубоко благодарны автору за это сообщение.

боловы, или зверопромышленники. Это большинство не имеет скотоводства и других домашних средств пропитания и исключительно стоит на зависимости от хорошего для рыбной ловли лета и для звероводства зимы и многих других условий местности, климата и даже своих экономических обстоятельств и условий. В силу этого оно постоянно находится в зависимости от природы сурового Севера. Та девственная природа, леса и те громадные реки, которые нам известны как неистощимое богатство зверем и рыбой, в действительности так недоступны и тяжелы для инородца, что он тщетно старается обеспечить себя от голода. Если он и мог бы что-либо извлечь более существенно обеспечивающее его жизнь от голода, то он не имеет материальной возможности на это. Кроме того, и сама природа стала значительно беднее. В 1883 году было мало рыбы летом, а зимой совершенно почти не было белки и другого зверя, и остяки голодовали. Нынешним летом повторилось то же. Зима нынешнего года вовсе не обещает звероловного промысла по Оби, и инородцы совершенно теряются в вопросе своего пропитания. Раньше этих годов был недостаток, но не такой, как в прошлый и нынешний годы. Рыба не заходит вследствие заторов льда на Обской губе, и в высокий летний уровень воды она если и захо-

дила, то не могла быть изловленной. Между тем это главный промысел. Звероловство же медленно падает из года в год, и на него уже нет надежды даже среди инородцев.

Еще давно нашим гениальным законодателем Сибири графом Сперанским было доказано, что инородцы этого севера не могут существовать без помощи правительства. Со времени его устроены были хлебные запасные магазины с ежегодным — от 10000 до 50000 пудов — запасом хлеба, сала и пороха со свинцом. Но, к сожалению, разумное законодательство, благодаря местной администрации, дает нам печальные результаты. Смета составляется такими личностями, которые не только не знают состояния и потребностей своего края, но даже численности и географического положения своих подвластных детей природы Севера. К этому нужно прибавить, что высшая администрация края урезывает еще эту смету по своему личному усмотрению, так что получается в результате или ничтожный запас провизии, который далеко не может обеспечить народонаселение от голода, или несоразмерность в количестве одного с другим: так, еще не забыта история распоряжения одного губернатора о назначении такого количества соли, которое едва не превышало количество хлеба.

Наконец, ближайшие распорядители доставки г. исправ-

ники, заведомо посылающие сюда для наживы, так распоряжаются с капиталом, что большая часть его попадает не по принадлежности, за что их почти каждый год меняют. Едва ли и возможно быть честным в таком крае, где соблазн, где само положение дела, где сам народ — все указывает человеку на то, что нужно быть глупым, чтобы быть честным.

В результате выходит то, что инородцы получают хлеб значительно дороже, чем он продается у купцов. Поэтому инородец, когда у него есть что-либо от добычи, променивает это купцу или просто чаще забатрачивается к нему в работу. Почти все наличное население, кроме кочевых самоедов и остяков, уходящих со стадами к морю, к Оби, ныне находится в неоплатном долгу у купцов только благодаря нынешнему порядку дел. В магазин же инородец идет тогда, когда ему совершенно нечего бывает есть. Тогда он получает в долг около 5—10 пудов хлеба, за которые должен скоро и уплатить. Наконец, чтобы получить эту субсидию, ему нужно приехать за 100—400 верст в магазин и еще подарить писаря. В последние два голодные года и к этому прибегали инородцы, но и это оказалось в нынешнюю зиму невозможным.

Но в этом году было так мало по Обдорскому и Березовскому краю засеяно хлеба, что исправник ездил отбирать

еще осенью расписки от купцов, чтобы они не продавали хлеб за Урал в Печорский голодующий край ввиду голода по недостатку казенного хлеба на Оби. К 1 января 1885 года в обдорском магазине было хлеба до 5000 пудов на все население края, численность которого простирается до 2000 человек, т.е. по 2¹/₂ пуда на 6 месяцев на человека. Теперь там стоимость хлеба 2 рубля за пуд. Возможно ли при таких условиях без рыбной ловли и звериного промысла пропитаться инородцу — это понятно всякому знающему, что весь инвентарь имущества этого бедняка заключается в 20—40 р. стоимости, а его домашнее скотоводство в 5—6 собаках. Между тем, у тех же инородцев есть свой большой капитал для продовольствия и запасов хлеба от правительства; они имеют право быть застрахованными от голода, но на самом деле ежегодно голодуют, забатрачиваются и вымирают от нужды, но только все это происходит в таком отдаленном, глухом краю и среди такого народа, который еще никогда не заявлял о своих нуждах ни публике, ни печати, и едва ли когда будет заявлять, так как при подобных условиях жизни подорвано его экономическое состояние, при расстройстве которого его преследует природа, присудившая эту расу к вымиранию.

Изыскание пути по соединению Обского и Печорского бассейнов¹

(Письмо в редакцию)

Ввиду того интереса, который представляет в настоящее время открытие пути, или прохода, для соединения рельсовым путем Обского и Печорского бассейнов, и неточных слухов, временно появлявшихся осенью 1884 года в газетах, я решился на страницах вашей газеты, имеющей тесное отношение к интересам Сибири, сообщить те сведения об этом пути, которые мною были добыты при изысканиях этого пути и уже читаны в заседаниях Императорского Русского географического общества и собраниях инженеров путей сообщения в инженерном клубе после возвращения моего из поездки на Полярный Урал.

Мотивами к изысканию пути по проходам через Уральский хребет послужили заботы Министерства путей сообщения по соединению Оби с Енисеем, следствием которого уже прямо является необходимость соединить и реку Обь с Печорой, что может заменить необходимость транзита по уральской железной дороге, Колпе, Выми, и тем путем, который должен служить сибирским товарам для достижения морских портов для выхода в заграничные, так как Сибирь более име-

ет такой продукт, который нуждается в вывозе в заграничные порты, чем такой, который шел бы для нужд и потребностей внутренней России. Затем этот путь должен заменить собой водный путь через Карское море, надежды на который еще долго могут не осуществиться.

Для того, чтобы иметь удобный водный путь со стороны реки Оби к Уралу, я избрал реку Северную Сосьву и приток ее — реку Сыгву, которые подходят очень близко к отрогам Уральского хребта. Лето и осень 1883 года я провел за съемкой на план и промерами этих рек.

Летом 1884 года мной были снова продолжены гидрографические работы над данными реками и их протоками, результатом чего получился вполне основательный и достаточный материал наблюдений, который дает право рассчитывать на полную возможность рек Северной Сосьвы и Сыгвы для судоходства судов с грузами до 50000 пудов при осадке в 4 фута. Конечным пунктом для судоходства, а вместе с тем начальным пунктом для рельсового пути являются остяцкие юрты Хорум-пауль на реке Сыгве.

Из семи проходов на протяжении 320 верст вдоль хреб-

¹ Печатается по изданию: Восточное обозрение. 1885. №15. С. 8—9.

та, осмотренных мной за полтора года моих там исследований, оказался лучшим проход князя Курбского, названный мною в честь князя Семена Курбского, прошедшего еще в 1499 году с Печоры на Сыгву и Обь для завоевания обских инородцев. Этот проход образовался долиной реки Щугор, протока р. Печоры, пересекающей Уральский хребет, благодаря близости высочайшей горы Телл-поос, которая, имея длинную ось перпендикулярно оси Уральского хребта, образовала глубокую и широкую долину на линии Уральского хребта и таким образом отбросила линию водораздела восточнее, где она имеет наибольшую величину над уровнем моря — лишь 1450 футов, и долиной Сыгвы и Печоры — всего около 1100—1000 футов. Таким образом, минув по ровной долине Щугора цепи Уральского хребта, путь свободно поднимается к водоразделу по реке Нонг-Сорья и, свободно достигнув его, полого опускается по долине реки Тупред, притоку р. Чертынь-я, в ровную лесистую равнину, прилегающую к Сыгве.

Все расстояние пути определено в 147 верст, если пристань будет устроена в 22 верстах от устья Щугора на последней, и в 127 верст, если пристань для пароходов будет устроена при устье реки Ичед-Потэк, притока р. Щугора. Река Щугор по гидрографическим

изысканиям дает возможность для устройства по ней сплава от устья Нонг-Сорья, если для этого будут употреблены средства для расчистки фарватера реки, по измерению удобного для сплава судов с 10000 пудов груза при осадке в 3 фута.

С устья же Ичед-Потэк она вполне способна для судоходства плоскодонных речных судов и пароходства и не потребует больших затрат для технических приспособлений. Характер Щугора напоминает реки Чусовую и Белую, которые уже известны давно как реки, по которым сплавлен не один миллион пудов металлов с уральских заводов. Щугор значительно больше их и может рассчитывать на сплав и пароходство вполне. С Щугора суда могут уже свободно рейсировать по Печоре, где уже четыре навигации рейсируют три парохода.

На всем протяжении путь не выходит из пределов леса — это важное преимущество данного пути и прохода перед другими северными проходами, лишенными растительности вследствие сильных буранов, свирепствующих здесь зимой и нередко влекущих за собой смерть путников. Подъемы вполне позволяют для проложения рельсового пути и по нивелировке (барометрической) не превышают высших уклонов, выработанных железнодорожной техникой. Устройство данного пути сравнительно с уст-

роенными уже в России узкоколейными путями, как, например, Брянской железной дороги, Мальцевской и другими, не должно превышать стоимости 12000 рублей на версту с подвижным составом, что на расстояние в 127 верст составит 1524000 рублей. Благодаря дешевизне устройства подобных путей они не тяжело ложатся на общества, устраивающие их, и скоро окупятся. Кроме того, они не требуют от направления громадного количества пудов товара для транзита и могут скорее принести пользу государству и производительности края, чем дорогостоящие ширококолейные. Это направление в первое время не может рассчитывать на значительное количество грузов, хотя, бесспорно, количество отправляемых сырых продуктов через этот путь за границу будет увеличиваться ежегодно; поэтому всего удобнее затрачивать здесь только ту сумму, которая скорее могла бы окупиться эксплуатацией дороги. Теперь посмотрим, каким путем будут подвозиться товары к данному пути. Со стороны Сибири должно направить сюда лишь то сырье, которое теперь не находит себе еще рынка и достаточных потребителей: это — зерновой хлеб, сало, лен, конопля, пенька, шерсть, спирт, кожи и проч. С открытием Обь-Енисейского канала подвоз грузов может быть с громадного райо-

на, захватывающего Ангару, Обь, Енисей, Тобол, Иртыш и пр. Суда, достигнув пристани Хорум-пауль, будут перевезены на Щугор, где на речном судне могут быть сплавлены к устью Печоры, где, перегрузившись на морские суда, они могут свободно направиться к заграничным портам. Все, что требуется для Сибири из заграничных товаров, также может привозиться, входить в устье Печоры, затем подниматься до Щугора, и после короткого рельсового пути оно может быть легко сплавлено в Сибирь по Оби, Енисею или Иртышу, Тоболу.

Важность этого пути, как пути прямого в заграничные порты и по кратности рельсового пути дешевого, вполне ясно будет для всякого, кто обратит внимание на карте на тот незначительный перешеек, представляемый этим путем, который разделяет громадный Обь-Енисейский бассейн от Печорского и морского пути. Незначительные затраты ввиду необходимости дать выход сибирским продуктам в море и за границу и ввиду оживления как Сибири, так и Печорского края, положение которого заставляет глубоко задумываться правительство, едва ли встретят препятствие при осуществлении данного пути, который мог бы заменить путь по Карскому морю и оживить производительность Сибири, нуждающейся в подобном пути.

Мелодия ветра

* * *

Живу, тяжелый груз влача.
 Душа моя осиротела.
 Еще вчера в ночи горела
 Тобой зажженная свеча.
 Не покидай меня, любовь!
 Я без тебя жить не умею.
 С тобой, я знаю, уцелею,
 Дай обрести себя. И вновь
 Живу я, тяжкий крест влача.
 Он — самый лучший.
 Мой!
 Взрастила!
 Я счастье горькое вкусила.
 Казнь!
 Состраданье палача.

* * *

На войне не думают.
 Там не размышляют.
 На войне все просто:
 На войне стреляют.
 На войне опасно —
 Смерть не выбирает:
 Человек прекрасный
 Тоже погибает.

*Лукашино из окна
 дачки № 1*

Смотрю в окно —
 остросюжетное кино:
 Марья Михайловна стареет,
 А кот в повязке — промышляет,
 Девчонке рыженькой смешно.
 Мать с руганью за чадом мчится

(Ребенок к озеру спешит)
 И, что есть моченьки, кричит:
 — Там холодна еще водица!
 И кадр за кадром — сериал:
 Плывет, летит, идет, мелькает....
 Но гонг к обеду призывает —
 Пойду смотреть другой канал.

* * *

Корзина, прими благосклонно
 Обрывки несказанных слов...
 Вновь ночью глубокой, бессонной
 Исписана стопка листов.
 Заплакал апрель благовестный,
 Меня не сумел усмирить.
 И стих мой, пока неизвестный,
 Способен тебя пробудить.

Поиски смысла жизни

Раздумывать —
 Искать ответ.
 Найти слова,
 Которых нет.
 К моим «капризам»
 Ты привык —
 Найти покой
 На краткий миг.
 Все выдумать
 И зачеркнуть
 И снова в тяжкий,
 Долгий путь.
 Все — ложь.
 Не следует искать.
 Все обрести
 И потерять.

Семнадцатое сентября

Любовь как символ —
жизни знак.
Любовь к тому, что сердцу мило.
Бреду по улицам уныло,
Свой взор направив на башмак.
И был мне подан свыше знак,
Что для победы родились
И в жизнь мою
как нить вплелись:
Один — отец, другой — земляк.
Семнадцатое!
Я из пепла как Феникс восстаю.
Жизнь обрела былые краски,
Снимите каменные маски.
С осенней грустью расстаюсь.

* * *

Снег искрится кругом,
Осыпаются звездочки с неба.
Круг за кругом бегом:
То ли была, то ли небыль.
Пролетела звезда за окном —
Траектория больно косая.
Я «не вышла лицом»,

Да я просто босая.
Улетаю с звездой —
Все вперед.
И часы, как всегда,
Не сверяю.
Он простит, он поймет.
Я уже далеко,
Я сгораю.

* * *

Мелодия ветра,
Симфония ночи,
Я с вами сегодня.
И я не одна.
Мне снова удачу
Судьба напророчит,
А утром обманет:
Все смоеет волна.
Волна от прилива,
Волна от отлива:
Качается в небе
Шутница луна.
Разрушится все,
Что я только слепила
Из света и тьмы,
Из воды и огня.

Новогодняя сказка для Нордика

Фонари сонно таращились в темноту, старательно делая вид, будто бы до Нордика им нет никакого дела. Но он-то знал — они любопытные. Эти одноногие всегда подглядывают. Когда приползает Бессонница, они заглядывают в самое окно, и даже сквозь морозные узоры видны трещины на стеклянных зрачках.

У Бессонницы редко хорошее настроение. Обычно она недовольно скрипит половицами или постукивает по стенам, будто хочет отыскать клад. А может, и в самом деле? Тогда она совсем глупая. Дом-то панельный. А когда Нордик просит сказку, она тащит то сломанную игрушку, то какой-нибудь старый, потрепанный детектив. Никакой фантазии.

Нордик стоял в стороне от дорожки, где свет фонарей не мешал глядеть на звездное небо. Он стоял по колено в рыхлом снегу и мечтал. Мечтал и грустил, ведь скоро Новый год, а сказки нет. На елке будет ненастоящий Дед Мороз и ненастоящая... Вдруг Нордик услышал плач. Совсем рядом. Он огляделся.

Под фонарем, вытирая слезы белыми пушистыми варежками, стояла...

— Снегурочка! — догадался Нордик и, оставляя глубокие следы, быстро выбрался из сугроба.

Боясь, что она может исчезнуть, он еще издали крикнул:

— Почему ты плачешь? — А когда подошел, осторожно спросил: — Кто обидел тебя?

— Волчата, — всхлипнула Снегурочка.

— В городе не бывает волков, — улыбнулся Нордик, но на всякий случай оглянулся.

— Я тоже так думала, — разорила Снегурочка. — Но они разорвали моего Снежка в клочья.

— Снежок — это кто? Твоя собачка?

— Совсем щенок был, — вздохнула Снегурочка. — Когда волчата нас окружили, я думала, что сумею его защитить, но их было много. Бой был неравным, — показала она куда-то в сторону и всхлипнула.

В том месте, куда она показала, снег был разбросан, но никаких следов — ни клочков шерсти, ни крови — не было. Нордик недоуменно пожал плечами. Тогда Снегурочка приподняла край шубки — разорванный мех висел клочками. Она

сняла варежки — маленькие ручки были исцарапаны. На правой ладонке атели четкие, глубокие следы от острых зубов. Нордик забеспокоился. Снегурочка грустно улыбнулась:

— Вьюга на своих волчат снега не жалеет.

— Так они были из снега? — облегченно вздохнул Нордик.

— Но кусались как настоящие, — напомнила Снегурочка.

— Ну вот, — отмахнулся Нордик, — из-за чего плакать-то: снежные волчата, снежный щенок. Да мы сейчас другого слепим. Хочешь?

Снегурочка в ответ только расплакалась. Слезы падали, застывая на лету, и с тихим звоном раскатывались по земле. Нордик собрал несколько в ладонь. Они не таяли, сверкая, как драгоценные бусинки, и даже не холодили. Он спрятал их в карман, и тут Нордику пришла Идея. Она наклонилась к самому уху и зашептала:

— Лед. Ледяные. Вода и снег. Снежок.

— Понял, — кивнул Нордик. — Надо сделать Снежка ледяным. Такой будет не по зубам даже настоящим волкам.

— Молодец, — одобрительно шепнула Идея и удалилась.

Снегурочка перестала плакать и только растерянно спросила:

— А воду где возьмем?

— Я сейчас принесу, — завел Нордик и побежал к дому.

У подъезда он остановился. Дверь была распахнута настежь: этой ночью прорвало трубы водопровода. Из-под лестницы выползал густой пар. Сквозь него едва пробивался тусклый свет лампочки, высвечивая черную обивку квартирных дверей. Страшновато, но Снегурочка ждет, и, набравшись храбрости, Нордик ринулся вперед. Перескакивая через ступеньки, он побежал наверх, но поскользнулся и стукнулся о железные прутья перил так больно, что не сдержался и заплакал: «У-у-у...».

— У-у-у! — раздалось где-то внизу.

Забыв про боль, он рванул наверх. Возвращаясь, Нордик боязливо прислушивался. С ведром, полным воды, спускаться было очень трудно. Опасно поблескивали ступеньки. На стенах, как в сказочном дворце, толстым слоем серебрился иней. Медленно, но верно Нордик продвигался вперед. Добравшись до нижней площадки, он задержался и заглянул под лестницу. Там была дверь в подвал. Черное отверстие тяжело дышало паром. Желтые сосульки свисали с потолка и поднимались с пола, как клыки гигантского волка.

И вдруг из этой черноты, из самой глубины раздался вой не то вьюги, не то... Нордик ойкнул и, расплескивая воду, выскочил на улицу.

Слепить щенка оказалось не очень-то просто. Мороз щипал нос и щеки, и почему-то пахло спелыми яблоками. Каждую горсточку снега приходилось смачивать водой. Варежки промокли и обледенели, но друзья не сдавались, и вскоре Снежок был готов.

Любуясь своей работой, Нордик потянулся, разминая косточки, и вдруг опять услышал далекий вой. Он вздрогнул и посмотрел на Снегурочку. Она была напугана. Снежок стоял с вызывающим спокойствием, но все же была какая-то настороженность в том, как высоко он держал мордочку, как бы пригнувшись к морозному воздуху.

— У-у-у! — раздалось совсем близко.

— Волки! — выдохнули враз Нордик и Снегурочка.

Из темноты, дыша паром и сверкая клыками, со всех сторон надвигались волки. Это были не настоящие волки, а снежные волчата, но легче от этого не было. Клыки сверкали, льдом сверкали когти. Нордик попытался, Снегурочка схватила его за рукав.

— Куда? А Снежок?!

Что-то хрустнуло. Они оглянулись: Снежок разминался, переступая лапами. Вот он замер, тряхнул спиной, и ледяной покров со звоном распушился тысячами сверкающих иголок. Друзья на миг даже забыли об опасности, но Снежок в знак приветствия

помахал хвостом и, рыча, вышел вперед.

— Он нас загораживает! — догадалась Снегурочка.

— Силы неравные, — прошептал Нордик. — Это нечестно.

— Что делать?

— Отступить.

Волки завывали и двинулись вперед, переходя на бег.

— Снежок, бежим! — крикнул Нордик. — К дому!

И они бросились наутек. За ними, разбрасывая в стороны хлопья снега, неслась стая волчат. Сквозь клубы пара, заволакивающего стаю, зеленой злостью светились глаза.

У подъезда Нордик задержался, пропуская друзей. Заскочив следом, захлопнул дверь. И вовремя. Дверь тяжело заскрипела. За ней послышались злое хрипение и лязг зубов. В такт тяжелому дыханию из-под дверей просачивался пар. Снежок, покрутившись на месте, юркнул в ледяную пасть подвала. Снегурочка не раздумывая скрылась следом.

— Куда?! — испугался Нордик.

Дверь затрещала, с трудом сдерживая натиск.

— Нордик! — донеслось из-под лестницы.

Выбора не было и, ухватившись за верхние ледяные клыки, он прыгнул в темноту. Поскользнувшись, упал, но успел услышать за спиной громкий щелчок, похожий на лязг зубов. Пасть закрылась.

Нордика несло куда-то вниз по совершенно гладкой поверхности. Но не успел он опомниться, как врезался в кучу снега. Тут же подбежал Снежок и, работая всеми четырьмя лапами, помог откопаться. Снегурочка оказалась тут же.

— Ты живой?

— Кажется, жив.

— Это владения Вьюги, — сообщила Снегурочка и предупредила: — Плохо придется, если она нас здесь обнаружит.

Выбираясь из сугробов, Нордик удивленно крутил головой: позади — ровное снежное поле, впереди на гладкой зеркальной поверхности — сверкающие колонны, уходящие в самое небо, где сияли звезды и светила луна.

— Как же мы сюда попали? — удивился Нордик.

— Попали... Попали... — прокатилось эхо от колонны к колонне.

На вопрос Снегурочка только улынулась и, пожав плечами, заскользила по льду. Нордик засеменял следом, с трудом удерживаясь на ногах. Ледяная площадка заканчивалась тремя широкими ступеньками, ведущими в зимний сад, где нежно-фиолетовые дорожки лучами расходились в разные стороны. Между этими лучиками цвели чудные цветы. Они вздрагивали тончайшими резными листочками, а по стеклянным лепесткам, нежно звеня, скатывалась ледяная роса. Сказочный лес плотной стеной защищал это чудо от

ветра. На пышных елях сверкали причудливые сосульки, похожие на разноцветные леденцы, покрытые сахарной пудрой.

— Красотища! — поразился Нордик, но Снегурочка потянула его дальше.

— Я не это хотела бы тебе показать.

— Но здесь же сказочный сад, — попытался остановить Нордик. — Стеклянные цветы!

— Ерунда, — отмахнулась Снегурочка, — сейчас ты такое увидишь!

Через лес они вышли к небольшой поляне, залитой зеленым светом луны, на которой стояла обыкновенная избушка. В единственном окне горел свет.

— Как ты думаешь, — спросила Снегурочка, — ты попал сюда случайно?

Но вдруг она испуганно вскрикнула и с силой толкнула Нордика, да так, что он не удержался на ногах и уселся в сугроб в буквальном смысле по самые уши. Снегурочка в одно мгновение оказалась рядом и, показывая на поляну, прошептала:

— Молчи! Вьюга!

Зеленая луна вспыхнула и засияла ярче. Мягкий свет волнами прошелся по поляне. С противоположной стороны из леса вышла белокося красавица. Следом, вороша сугробы, вылетел ветер и волчком закружился у ее ног. Вьюга остановилась, досадливо к чему-то прислушиваясь. Ветер усилился. Поднялись снежные столбы и

окружили ее, переплетаясь как змеи. Послышались голоса.

— Сестра, ты погибнешь, погибнешь...

— Не слушай его, не слушай!

— Ах, оставьте, оставьте, — тяжело вздохнула Вьюга. — Зачем мне жить, если он умрет?

— Любовь губит.

— Это безумно, безумно...

— Оставьте меня, оставьте. Он умирает.

— Не слушай его! Не слушай...

— Он погубит тебя! Погубит...

— Вы не можете мне помочь, — горько усмехнулась Вьюга.

— Не можем. Не можем...

— Так не мешайте же мне! Не мешайте... — застонала Вьюга, в мольбе заламывая руки.

— Безумна! Безумна...

— Прощай! Прощай...

Снежные змеи рухнули на землю и, скользя, скрылись в лесу. Вьюга подошла к избушке и заглянула в окошко. Свет и боль сверкнули в ее черных больших глазах. Неслышно ступая, сзади подошла седая старушка.

— Бедная моя безумная дочь.

Вьюга не оглянулась.

— Оставь его, — попросила старуха Зима. — Ты не поможешь.

Вьюга покачалась и застонала, обхватив голову руками:

— Как он страдает, — холодные слезы заструились по щекам.

— Он хочет, чтобы я улыбнулась, но как? — Она прислонилась к стене, не отрывая глаз от окна.

— Красавица моя, — покачала Зима головой, — тебе ли не знать, что приходит срок, когда мы перестаем улыбаться и ничто не может тронуть нашу, пусть очень красивую, но маску. Ледяную маску. — Старушка заглянула в окно и лишь вздохнула. — Он замерзает. — В ее глазах не отразился даже свет.

— Он умирает, умирает, — застонала Вьюга.

Старушка пожала плечами и пошла прочь.

Вьюга гневно сверкнула глазами:

— Если Художник умрет, никто в нашем царстве не будет счастлив. Я отомщу! Отомщу.

— Ты безумна, — не оборачиваясь, бросила старуха и слилась с темнотой.

Вьюга вдруг завывала, вскинула руки и через мгновение там, где она стояла, лишь сверкал снег под холодным светом луны.

— Что это было? — испуганно спросил Нордик, выбираясь из укрытия.

— Самая грустная сказка, — вздохнула Снегурочка.

Подойдя к избушке, они заглянули в окно. За столом сидел Художник. Черные кудри вились по плечам, красиво обрамляя бледное худое лицо. Он бормотал, кутаясь в пушистый плед:

— Я хочу нарисовать розу, но у Зимы нет таких красок.

Роза. В ней цвет жизни. Я забыл его. Как холодно. Бедная моя Вьюга. Скоро она превратится в красивый кусок льда. Она поет мне песни, но они уже больше похожи на вой. Она приносит мне холодные стеклянные цветы и уже почти не улыбается. Холодно. Как холодно. Зачем такая боль?

— Это очень грустная сказка, — прошептала Снегурочка, отходя от окна.

Они возвращались той же дорогой. Через лес, через сказочный сад по ледяной площадке с громадными колоннами вышли на заснеженное поле.

— А вообще-то, о чем она, эта сказка, и как закончится?

— Все очень просто, — объяснила Снегурочка. — Вьюга любит Художника. Он — ее. Ему нужна живая роза.

— В ней цвет жизни, — вспомнил Нордик слова Художника.

— По этой сказке, — кивнула Снегурочка, — роза должна оживить Вьюгу. Ее сердце. Иначе что получается: он — человек, она — кусок льда, хоть и очень красивый.

— А ты? — спросил Нордик и сам испугался своего вопроса.

Вдруг вдалеке послышался шум, и на горизонте возникла сплошная стена снега. С огромной скоростью она двигалась навстречу друзьям, и вскоре, они увидели странную картину.

Огромная волчья стая рыча неслась к отливающей сталию

воде, широкой полосой из края в край разрезавшей поле. Стертый в пыль, снег сливался с клубами пара, клочками выскакивающими из хрипящих легких злобных щенков. За ними, трясая лунной гривой, мчался черный стройный жеребец. В седле, размахивая хлыстом, сидела красавица Вьюга. Слепительно белые косы разметались по плечам. Звонко щелкал хлыст, взмывая высоко в воздух и хлестко опускаясь на спины волчат. Они визжали, огрызаясь на боль, но страх подгонял. Волчата падали в воду один за другим. Выскакивая по другую сторону трещины, они стряхивали сверкающую тысячами игл шкуру.

— Они ледяные! — испугался Нордик.

Конь под Вьюгой заржал и, сильно оттолкнувшись, взмыл над водой. Красавица Вьюга безумно хохотала. Топча хрустящий снег, конь опустился прямо перед Снегурочкой и Нордиком.

— Ну, как вам моя армия? — смеясь спросила Вьюга и прыгнула с коня.

Смех был недобрый. Снежок, рыча, вышел вперед.

— Думали перехитрить меня? — усмехнулась Вьюга, скользя хлыстом по ледяной шерсти Снежка. — Хороша сестренка, нечего сказать.

Снегурочка виновато опустила голову.

— Ты хочешь помочь ему вернуться? — вьюга указала на

Нордика. — Ты что же, хочешь, чтобы он вот так просто ушел из сказки? — Она гневно свела брови. — Ты забыла, что так делать нельзя?

Снегурочка молчала.

— Она не забыла, — усмехнулась Вьюга, обращаясь к Нордику. — Но не сказала. За это она будет наказана. Но если ты не хочешь, чтобы ее наказали... Ты ведь не хочешь этого?

— Нет! — испугался Нордик.

— Хорошо, — продолжала Вьюга, — но за нее ты должен пожертвовать чем-нибудь дорогим. Таково условие этой сказки. Ну, чем ты можешь пожертвовать? Подумай. Это должно быть очень дорогим.

«Дорогое, дорогое...» — начал изображать Нордик.

— побыстрее! — нетерпеливо топнула Вьюга.

«Дорогое... драгоценное...»

— Есть! — крикнул Нордик и начал шарить по карманам. — Вот! — Он протянул Вьюге руку и разжал кулак: на ладони лежали маленькие бусинки. Застывшие Снегурочкины слезы. Они сверкали всеми цветами. — Они драгоценные! — Радовался Нордик.

Вьюга вдруг начала смеяться. Она смеялась все громче и громче. Поднялся ветер. Снег заметался. В злом смехе Вьюга рассекала воздух хлыстом. Снежные столбы окружили Снегурочку, загораживая ее от Вьюги.

— Безумна!

— Безумна!

Хлыст молнией сверкнул у самого лица Нордика. Защищаясь, он поднял руку и вскрикнул от боли.

С расщепленной ладони слетели бусинки, окрашенные кровью. Только они не упали в снег, а, покружив, опустились прямо на распущенные косы Вьюги и вдруг... Расплываясь алым цветом, они превратились в большие розы. Наступила тишина.

— Что это? — вздрогнула Вьюга. — Что это такое?

Розы адели. Их лепестки пугливо вздрагивали. Нежный аромат заполнял морозный воздух.

— Что это в самом деле? — Снегурочка осторожно прикоснулась к лепесткам.

— Они живые?

Нордик и сам был удивлен не меньше.

— Это розы!

— Розы?! — выдохнула Вьюга. — Живые?

Она метнулась в сторону, подхватила с земли одного из волчат и, подняв его к лицу, как в зеркало, заглянула в ледяную шкуру. Она разглядывала цветы, слегка наклонив голову.

Розы. Живые.

Осторожно опустила волчонка в снег. Слезы, серебрясь, катились по ее щекам. Она улыбалась. Нордик почувствовал приятное щекотание на больной ладони. Волчок, встав на задние лапы, зализывал ему рану, которая затягивалась прямо на

глазах. Щелкнул хлыст. Нордик испуганно оглянулся. Вьюга была уже в седле. В ее больших глазах светилась радость.

— Тебе, думаю, будет приятно узнать, — обратилась она к Нордику, — что ты спас Художника, и не только его. — Вьюга жадно вдохнула морозный воздух. Розы вздрогнули. На белых щеках алым цветом заиграл румянец. — Спасибо. А теперь мне пора. — Она играя щелкнула хлыстом, и конь, тряхнув гривой, помчался, поднимая снежную пыль.

— Теперь ты знаешь, как закончилась сказка, — засмеялась Снегурочка.

— Все произошло так быстро, — рассеяно ответил Нордик, наблюдая, как снежные змеи, искрясь, сплетались в большой клубок, который, катаясь по сугробам, увеличивался в размерах. Когда же он оказался рядом со Снегурочкой, то задрожал, меняя форму, сверкая, как бриллиант, и, наконец, превратился в сани изумительной красоты.

— Ну, теперь и мне пора, — протянула Снегурочка на прощание руку, и не успел Нордик ничего сообразить, как сани подхватили ее и понеслись, поднимаясь в самое небо.

— Прощай, прощай! —донеслось уже издалека, и вско-

ре сани затерялись среди сверкающих крупных звезд.

— А я... — растерялся Нордик. — А как же я?

И тут поднялась пурга. Снег заметался, обжигая лицо. Волчата таявкали, боязливо вжимаясь в сугробы. Защищаясь от сильного ветра, Нордик зажмурился и опустил на колени. Он чувствовал, как его заносит снегом, но страха не было. Ему до слез было обидно, что все закончилось, и беспокоила мысль, что никто не подсказал, как вернуться обратно домой. Хотя, может, еще не все закончилось? Ну конечно, он же еще в сказочных владениях Вьюги. Он пойдет к Художнику. Вьюга, конечно же, там. Они помогут, а может, будут еще какие-нибудь приключения...

И тут только Нордик заметил, как вдруг стало тихо. Он осторожно открыл глаза... Фонари сонно таращились в темноту. Из двора доносились смех ребят и озабоченные крики родителей. На дорогах сигнализировали машины, предупреждая зазевавшихся пешеходов.

На краю дорожки, сверкая ледяной шкурой, гордо подняв мордочку, как бы приносиваясь к морозному воздуху, стоял Снежок.

Снег лежал ровно и спокойно.

Книжный проспект

Истомин И.Г. Живун: Роман, повесть, рассказы. Т. 1 / Предис. Афанасьева Ю.Г. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 432 с.

Истомин И.Г. Первые ласточки: Роман, пьеса, стихи, песни, сказки, воспоминания. Т. 2. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 352 с.

Избранные сочинения в двух томах одного из зачинателей ненецкой литературы Ивана Григорьевича Истомина стали крупной книгоиздательской акцией недавно образованной писательской организации ЯНАО. Издание совпало с 80-й годовщиной со дня рождения доброго и мудрого человека, педагога и автора многих произведений.

Родился И. Истомин 7 февраля 1917 года в селе Мужы у отрогов Приполярного Урала тогдашней Тобольской губернии. Драматическая символика русской истории сопровождала писателя всю жизнь. Начало — Февральская революция, кончина — новая наша смута, более известная как «горбачевская перестройка», когда совсем рядом были распад Союза и гайдаровская шокотерапия.

Горе часто врывалось в его жизнь. В три года мальчик тяжело заболел, получил инвалидность, с девяти лет ходил на костылях, последние десятилетия был прикован к постели. Но духом Истомин оказался крепок, доброму началу жизни был предан полностью.

Писатель закончил в 1938 году Салехардское национальное педучилище, где с товарищами стал выпускать рукописный литературный журнал «Ямал тагу» («Искры Ямала»). Потом Истомин преподавал в школе русский и ненецкий языки, рисование, с 1950 года редактировал ненецкую версию окружной газеты «Нарьяна Нгэрм» («Красный Север»). Самое первое стихотворение «Олень» опубликовано в этой газете в марте 1936 года. Но пришлось ждать около пятнадцати лет, чтобы творения Истомина увидели свет в областном книжном издательстве, во всероссийской прессе. Его печатали популярные журналы «Сибирские огни», «Урал», «Дружба народов», «Нева», отдельными изданиями произведения выходили в Москве, Свердловске, Тюмени. Исто-

мин пробовал свои силы и в живописи — выставлял на вернисажах свои картины.

Последний период творческой жизни писатель провел в Тюмени, где с декабря 1958 года он работал редактором отдела национальных культур в облздате. Юганпелик, Лапцуй, Шесталов... — имена известные, и не только в северных литературах. Почаще бы вспоминать о том, что именно Истомин ставил им «голоса».

В художественном творчестве Иван Истомин раз и навсегда принял реалистические законы, коренные народные традиции отечественного и северного искусства.

Он создал обширное и оригинальное историко-литературное полотно, открыв в нашей литературе Ямал, запечатлев народную жизнь как суровую, но и прекрасную драму XX века. Истомин соткал его из романов «Живун» (1970), «Встань-трава» (1983), повестей «Утро Ямала» (1955), «Последняя кочевка» (1978), многих рассказов, стихов, литературно-фольклорных произведений.

Составитель первого собрания сочинений Н.В. Афанасьева действительно отобрала лучшее: два романа, повесть «Последняя кочевка», рассказы, стихи и песенные тексты, пьесу «Цветы в снегах», ненецкие сказки, произведения для детей. Выделю полную публикацию автобиографической прозы

«Первые ласточки: Воспоминания о юности»; восстановленный еще самим автором подлинный текст «Живуна», отразивший реальные противоречия установления Советской власти на Тюменском Севере, далекого от триумфального шествия народного единодушия.

Но особенно впечатляют своей суровой правдой воспоминания об Истомине вдовы писателя А.В. Истоминой, Е.С. Албычевой, Е.Г. Сусой, северного музыкального деятеля С.Н. Наруя. Вот уж написано, что называется, не кривя душой.

Шабалина И.Д. Березов. — Санкт-Петербург: «Айю-издательство», 1998. — 124 с.

Автор назвала свой труд «Кратким путеводителем», помогающим разглядеть основные вехи в истории Березова и наиболее существенные черты его современной, «тихой жизни». И. Шабалина настаивает, что «это — не справочник, не научное историческое исследование, не пособие для тех, кто интересуется этнографией нашего края».

У Шабалиной получилась в целом хорошая историко-публицистическая монография о Березове: и с путеводителем, и со справочником, и с элементами исторического исследования, и с этнографией.

В книге имеется много интересных деталей, фактов, иллюстраций; помещены легенды

и археологические сведения о начале поселения, описаны сбор ясака, таможня, герб и печать, церкви; обрисованы политическая ссылка, социокультурные контакты пришло-го населения с северянами.

Интересна глава о Ваули — вожде народного восстания против богатеев в XIX веке. Автор книги лишний раз демонстрирует правоту исторического подхода к теме в романе М. Анисимковой «Ваули» (на народного героя покусились нынешние «прогрессоры»; Н. Вануйто и др. культурологи из северян в угоду новым людям показали Ваули как предводителя разбойничьей шайки; к сожалению, известный московский северовед и литературный критик В. Огрызко тоже «увлекся» такой точкой зрения).

Волдин В.С. Так Молупси*: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. — 118 с., 12 ил.

Родился Владимир Волдин 25 мая 1938 года в семье рыбака-охотника в деревне Сынгар в ХМАО, похоронен 5 ноября 1971 года в Тобольске. Между этими датами — жизнь рано погибшего хантыйского поэта, «которому 2 мая 1998 года исполнилось бы 60 лет»

В хорошо написанном предисловии (Т.В. Волдина. Живые

слова поэта) подробно представлен жизненный и творческий путь писателя, его место в истории литературы обско-угорских народов. Мы узнаём, что его известность уже достигла Европы, но при жизни он успел выпустить лишь небольшой сборник стихов на родном языке («Ханты», 1968). Остался неразобраным большой фольклорный архив Волдина. Помимо «Крепкой малицы», в сборнике напечатаны неоконченная поэма «Хантыйская девушка, хантыйская женщина», большой цикл стихотворений на хантыйском языке, еще не переведенных на русский язык.

«Не гулять — на трудную работу Человек выходит на охоту», — сказал уже давно Волдин, сказал, чтобы люди пристрастились и к охоте за разным словом, за сказкой и песней.

Крюкова Т. И. Прощенье: Книга стихов. — Тюмень: Предприниматель Мандрика Ю.Л., 1998. — 128 с.

При поддержке управления культуры администрации ХМАО вышел довольно необычный сборник стихов и репродукций лесной скульптуры талантливого человека Т. Крюковой. Это ее книжный дебют.

Родилась она 25 января 1947 года в Рассказово Тамбовской области. После окончания в

* (хант.) Крепкая малица.

1971 году пединститута в Бельцах (красивый город в тогдашней Молдавской ССР) она преподавала историю изоискусства в alma mater до событий 1991-го. После развала Союза поэтесса вынужденно покинула ставшую независимой Молдову, переселилась в г. Белоярский.

В первом сборнике неплохо смотрятся автобиографические заметки «О себе» и краткое напутствие югорской поэтессы Галины Хорос. Согласен с ней — стихи Крюковой написаны под знаком зажженной ею звезды Любви и похожи на лирический дневник.

Первое впечатление от прочтения сборника: некоторые стихи можно было и не пред-

ставлять на суд читателя — тривиально, трафаретно, перепевно. Из той серии, что зовут «женская лирика»: «Дай мне силы, любовь, сохранить твоё чистое пламя! Только смерти одной я позволю тебя потушить» (смесь Блока с Надсоном) — много парафраз на мотивы Есенина, Лермонтова и даже Ваншенкина. Помолчу про Цветаеву, Веронику Тушнову...

Но у поэта есть свое видение — «Осеннее», «Детство», «Юбилей» и др. В общем, выпускать книгу стоило. Ибо веришь, что автор принимает осень «как награду, за все, за все, что в жизни не сбылось». Зато сбылись стихи и остаются Вера, Надежда с Любовью.

Книги местных авторов

Маргарита Кузминична Анисимова: Библиогр. указ. /Сост. В.И. Чернышова, В.С. Ванюжина; Отв. за вып. В.И. Чернышова — Нижневартовск, 1998. — 26 с.

Указатель включает книги, статьи из сборников, журналов и газет за 1960–1997 гг. Состоит из двух разделов: произведения М.К. Анисимовой; литература о ее жизни и творчестве. Указатель издан к 70-летию со дня рождения писательницы.

Волдин В.С. Так Молупси: Поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. — Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. — 118 с.

Книга посвящается памяти талантливого хантыйского поэта Владимира Волдина, которому в мае 1998 года исполнилось бы 60 лет. В первой части сборника представлена поэма «Так Молупси» (Крепкая Малица) и стихи разных лет, переведенные на русский язык. Вторая часть содержит еще не переведенные на русский язык стихотворения и неоконченную поэму «Хантыйская девушка, хантыйская женщина».

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров: Структура и вариативность — Новосибирск: Наука, 1997. — 160 с.

В монографии рассматриваются иррациональные представления ханты и манси о внешнем мире и чело-

веке, составляющие основу их традиционного мировоззрения. Делается попытка систематизации данных о сверхъестественных существах и жизненных силах человека в представлениях обских угров. Большое внимание уделяется рассмотрению культовой практики в традициях этих народов. Автором выявляются общая основа и особенности локальной вариативности традиционного мировоззрения обских угров. В монографии представлено значительное количество новых материалов, полученных автором в ходе полевых исследований среди различных групп ханты и манси.

Зинченко Н. Двадцать первый бал: Сказка. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. — 32 с.

Король и королева Трампупольского королевства принимают приглашение на зимний бал, куда приглашаются принцессы, которым 17 лет от роду. Все королевство надеется, что наследный принц на этом балу влюбится...

Книга иллюстрирована ребятами из детской школы искусств №2 г. Нижневартовска.

Комаров Б.А. Записки таксиста: Рассказы. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 304 с.

Выпуск цикла рассказов «Записки таксиста» был задуман давно и родился из воспоминаний таксистов,

бесед с пассажирами и личных наблюдений автора. Вышли уже три книжки этого цикла, которые нашли своего читателя. Но жизнь не стоит на месте, продолжается и работа автора над «Записками...».

Судьбы его героев кажутся для сегодняшней литературы нетипичными, но взгляните в души окружающих нас людей и увидите много общего. Два начала постоянно борются в каждом — доброе и злое. И слава Создателю, что главенствует Добро.

Марласов А. Раздумья. — Москва: Издательский дом «Подкова», 1998. — 240 с.

Вторую книгу стихов Анатолия Марласова «Раздумья» объединяет не только философско-ироническое отношение к происходящим переменам в нашей стране, но и чисто формальный признак. Поэт включил в книгу написанные им восьмистишия и... картины известного тюменского художника А.С.

Музей: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея. — Салехард, 1997. — 80 с.

В книгу вошли работы об организации музейного дела, а также исследования жизни и быта живущих на Обском Севере.

Нефтеюганск: Воспоминания, документы, публикации. — Екатеринбург: Архитектон, 1997. — 132 с.

Книга рассказывает о рождении и жизни только одного центра «нефтяной эпопеи» — городе Нефтеюганске, который готовится встретить свое 30-летие. Первая глава посвящена тем, кто начинал освоение Усть-Балыка. Продолжает повествование рас-

сказ о промышленном освоении региона, рождении и развитии города. Завершается книга освещением периода, который мы привыкли называть «перестройкой».

Патрикеев Н.Б. 30 лет со спаниелем: Из записок охотника Северо-Западной Сибири. — Тюмень: Вектор Бук, 1998. — 184 с.

В произведении автор увлекательно рассказывает об охотничьих собаках, окружавших его с детства, и с особой любовью — о своей тридцатилетней охоте с русскими спаниелями на водоплавающую, болотно-луговую дичь, предлагает историко-кинологическую справку о спаниелях, размышляет о высшем смысле охоты как части русской культуры.

«...Право оставаться самим собой»: Библиогр. указ. по творчеству Е.Д. Айпина/Ханты-Мансийская окр. б-ка/Сост. Т. Пуртова. — Ханты-Мансийск, 1998. — 40 с.

3-е дополненное издание библиографического указателя, посвященного творчеству хантыйского писателя Е.Д. Айпина, содержит материалы, появившиеся в печати по май 1998 г.

Сезёва Н.И. Василий Герасимович Федоров. Судьба и творчество: Каталог. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 144 с.

Каталог знакомит читателя с художником второй половины XIX — начала XX века Василием Герасимовичем Федоровым.

Сержантова А.В. Все лугт на свете зеркала. — [Б.м.,б.г.] — 68 с.

Поэтесса из Надыма. Публиковались проза и стихи в периодике Уфы, Надыма, Салехарда, Тюмени, Москвы.

Смирнов Н.П. Рождение подвига: Док. повесть. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 304 с.

Об уникальном нефтяном месторождении — Самотлоре — и о выросшем здесь городе нефтяников Нижневартовске рассказывает эта книга. Много героических, романтических и трагических страниц в летописи месторождения-легенды.

Софронов В.Ю. Кучум. Исторический роман. Книга третья. — Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1998. — 584 с.

В предыдущих двух книгах романа-трилогии автор подробно описывает события, происходящие в эпоху царствования династий Тайбугинов и Шейбанитов, Рюриковичей. Третья книга посвящена наиболее драматическому периоду жизни хана Кучума, когда он, потеряв бывшее могущество, вынужден бежать из Искера, терять близких ему людей, подвергаться преследованиям.

Сулейманов Б.В. «Я — сибирский татарин»: поэзия, проза, публицистика/Предисл. Н. Юсуповой. — Екатеринбург: СВ-96, 1998. — 256 с.

Книга посвящена 60-летию со дня рождения Булата Валиковича Сулейманова — талантливого сибирско-татарского поэта, писателя, общественного деятеля. Это первое издание отдельной книгой произведений поэта на его родине. Адресуется широкому читателю.

Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX — начала XX века /Сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белобородов. —

Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. — 432 с.

В книгу включены сочинения политических ссыльных второй половины XIX — первой половины XX века, показывающие, как жило финно-угорское население Тобольского Севера и на что обращали внимание ссыльные — невольные обитатели этого края. Книга содержит также биографические справки авторов и снабжена комментариями и списком политических ссыльных. Сборник рассчитан на исследователей и на широкий круг читателей, интересующихся историей Отечества и, в частности, Тобольского Севера.

Юван Николаевич Шесталов: Библиограф. указ./Ханты-Мансийская окр. б-ка; Сост. О.Медведева, Т. Пургова, Э. Сургутскова. — Ханты-Мансийск, 1997. — 52 с.

Настоящий указатель предпринят к 60-летию со дня рождения и со рокалетию первой публикации произведений поэта, прозаика и философа мансийской литературы Ю.Шесталова.

Митрофан Алексеевич Тебетев. Каталог-альбом. 25-летию авторских выставок посвящается. — Ханты-Мансийск, 1998. — 40 с.

Воспоминания Борщева Ивана Васильевича (страницы истории Александровского и Ларьякского районов 1928—1938 гг.). — Нижневартовск, 1997. — 40 с.

С. Зонина. Ступени творчества. — Нефтеюганск, 1997. — 46 с.

В книге обобщен опыт выставочной работы по искусству самодеятельных и профессиональных художников.

Региональный компонент на уроках литературы в V классе

Часть I

Региональная литература является закономерным звеном общероссийского литературного процесса. Тем самым и школьный курс литературного краеведения может быть включен в рамки единого предмета литературы. При этом стоит учесть логику программы, по которой ведется преподавание, и соотнести с ней темы уроков, посвященных краевой словесности. Но, с другой стороны, необходимо помнить, что у региональной культуры есть свои особенности, и именно они определяют подход к изучению художественного текста. На первый план во многих случаях будут выступать факты, раскрывающие жизненные связи писателя с нашим краем, в произведении большее внимание необходимо уделить тем аспектам содержания, которые отражают исторические и географические особенности Западной Сибири.

Составляя авторский вариант программы литературного краеведения для V—IX классов, мы в первую очередь должны определить, какое место займут уроки, посвященные краевой словесности в системе всех уроков литературы, насколько естественно они впишутся в уже избранную учителем программу. В данной работе предлагается пробный вариант построения литературно-краеведческого курса в 5 классе, исполняемого на основе программы по литературе, составленной под редакцией Г.И. Беленького. Урокам литературного краеведения отводится до 10% учебного времени (14—15 часов).

Первый раздел программы посвящен изучению **фольклора**. Очевидно, что именно с фольклора и стоит начать знакомство с краевой словесностью.

Тема I. Сказка

Сказки народов Тюменского региона: русские, мансийские, хантыйские, ненецкие, татарские, селькупские*. Проблема национального своеобразия сказки. Картина мира в народной сказке. Можно дать школьникам задание на дом прочитать 1—2 сказки народов нашего региона. На уроке при пересказе выделить в сказ-

* Необходимые тексты можно найти в хрестоматии «Лукоморье» (Тюмень, 1997.)

ке те элементы, которые указывают на национальную принадлежность произведения (имена, названия мест, предметов, указания на бытовые занятия персонажей, элементы пейзажа, обращения к старшим, к природе).

Сказочные формулы.

Жанровый состав сказочного фольклора народов нашего края.

Сказки о животных. Этиологические остатки в сказках о животных. Связь сказки и мифа. Особенности персонажей. Отражение национального быта в сказках о животных.

Волшебные сказки. Начальное понятие о сюжете. Сказка и легенда (Т.С. Чучелина «Золотой город»). Сказка и миф. Реальное и фантастическое в волшебной сказке.

Собиратели и исполнители сказок. И.А. Худяков. Тобольские годы в биографии фольклориста. А.М. Конькова. История жизни. Сказки «Поссам—лучик», «Старший брат» и другие.

Образы сказителей в литературных произведениях писателей нашего края (Ю. Вэлла «О чем плачет кукушка». И.Г. Истомин «Ненецкие сказки». Н.М. Чукмалдин «Мои воспоминания»).

При изучении сказки в школе мы обычно не задаемся вопросом об исполнителе произведения. Нас не интересует, где и когда был записан текст. Но с точки зрения краеведа именно эти проблемы имеют важнейшее значение. Их решение позволяет судить о духовной жизни региона в определенный момент его истории. Таким образом, помимо общих вопросов поэтики сказки и ее содержания, на уроках литературного краеведения стоит обратить внимание на вопросы бытования жанра.

В произведениях разных авторов можно найти рассказы о том, в какой ситуации, кто рассказывает сказку, какое впечатление она производит на героя: это и ребенок в воспоминаниях Н.М. Чукмалдина, мальчик в сказке Ю. Вэллы «О чем кукует кукушка», ребенок в повести Е.Д. Айпина «Я слушаю землю», герой повести В.П. Крапивина «Тополиная рубашка». Можно предложить ребятам поставить себя на место литературного персонажа и реконструировать недостающий текст произведения. К примеру, в «Моих воспоминаниях» Н.М. Чукмалдина бабушка рассказывает внуку сказку о Глинышке, а текста сказки в книге нет. Попробуйте найти его в сборниках русских сказок, если же не сможете этого сделать, придумайте сами, используя известные сюжетные ходы русской волшебной сказки, ее речевые формулы.

Темой отдельных уроков могут стать биографии сибирских писателей — авторов литературных сказок и биографии собирателей и исполнителей произведений фольклора. Конечно,

мы обязательно обратимся к жизни и творчеству П.П. Ершова, возможно, самого известного из литераторов Западной Сибири. Но заслуживает внимания и история жизни И.А. Худякова, важен тот факт, что самые первые сказки он записал в Тобольске, услышав их от бабушки. Заметим, что среди современных писателей края немало тех, кто обрабатывает народные сказки, превращая их в литературные произведения. Особого внимания заслуживают жизнь и творчество А.М. Коньковой, Ю.Н. Шесталова, Ю.К. Вэллы и других писателей Севера, чье творчество непосредственно связано с фольклором. Так, уже знакомясь с творчеством народов нашего края, мы видим людей, которые его сохранили для будущего, писателей, чьи произведения пронизаны духом народного искусства.

Уроки литературного краеведения позволят решить и сугубо филологические вопросы. Все знают, что характерной чертой фольклорного произведения является вариативность. Но представление о том, что это за качество, можно получить лишь в процессе работы с текстом, сравнивая варианты одного сюжета. Именно такую задачу стоит поставить при изучении, например, сказки «Семилетка» (в записях И.А. Худякова) или сказки «О чем кукует кукушка» (в пересказе Ю. Вэллы).

Литературное краеведение открывает широкие возможности для уточнения проблемы содержания фольклорного произведения. Нередко при изучении сказки в школе мы ограничиваемся разговором о «борьбе добра и зла», в то время как сказочный мир несравнимо богаче этической проблематики. Обратившись в первую очередь к северной сказке, мы могли бы раскрыть целую картину мира, систему ценностей народа, его быт, его интересы, философию. Сказка говорит о времени, о природе, происхождении мира и человека, о будущем, об отношениях с другими народами. Топография северной сказки непосредственно связана с землей, на которой живет народ-сказитель. Мы можем наблюдать, как реальное пространство превращается в фантастическое, волшебное. Сравнивая сказки разных народов, населяющих наш край, мы имеем возможность рассмотреть вопрос о форме сказочного повествования, оценить различие сказочной формульности, её истоки.

Итак, уроки литературного краеведения в рамках основного курса литературы позволяют расширить круг изучаемых проблем, обратить внимание школьников на ту культурную среду, в которой они существуют и частью которой являются сами.

Тема II. *Загадки, пословицы, поговорки в фольклоре народов Западной Сибири*

В отличие от сказок, *загадки* нашего региона не были собраны в единую книгу. Мы не знаем фольклористов, чья деятельность была посвящена исследованию проблемы бытования загадки в нашем регионе. Материал для уроков можно подобрать по сборнику Д.Н. Садовникова «Загадки русского народа» (М., 1996), в который включены произведения, записанные в Тобольске и взятые автором из материалов Г.Н. Потанина и архивов Русского географического общества. При изучении темы «Загадки» можно привлечь и материалы, собранные самими школьниками, поскольку загадки широко бытуют в детской среде.

Сибирские *пословицы и поговорки* вошли в самые известные собрания произведений этого жанра. Для исследователя культуры нашего края особое значение представляет книга В.В. Князева «Русь: Сборник избранных пословиц, присловов, приговорок и прибауток» (переиздана в Тюмени в 1998 году). В ней преобладают тексты, записанные в Тобольской губернии дедом поэта К.Н. Высоцким. Трагическая судьба собирателей может стать темой особого разговора. Для подбора материалов учитель может обратиться и к литературным произведениям, которые включают значительное число пословиц и поговорок, характеризующих особый мир сибирского крестьянства XIX— начала XX веков («В глухих местах» Н.А. Лухмановой, рассказы Н.И. Наумова, сказы И.М. Ермакова). В этом случае лучше всего рассматривать пословицы и поговорки в контексте, изучая то специфическое влияние, которое он оказывает на содержание произведений малых жанров.

Тема III. *Народный театр*

Новые программы по литературе предлагают для чтения и изучения произведения *народного театра*. Учитывая, что одной из его разновидностей являются праздничные игрища, стоит посвятить урок сибирской масленичной игре, известной в записи П.А. Городцова. Естественно, что подобные уроки можно провести в игровой форме и приурочить их к празднику. Закономерно, если знакомство с праздничной культурой нашего края произойдет и вне урока — во время проведения общешкольных праздников: накануне Нового года, Масленицы, Троицы. В таком случае литературное краеведение осуществляет важнейшее

предназначение — вернуть забытые произведения культуры в сферу активного бытования.

Необходимо помнить, что наш край многонационален. Для каждого народа характерно и специфическое восприятие времени, и особенное отношение к праздникам, выраженное в различных формах праздничной деятельности. В произведениях писателей нашего края мы найдем рассказы о Медвежьем празднике. Разговор о персонажах игры, ее сюжете, о символическом значении игрища, о связанном с древностью сакральном осмеянии божества можно построить, например, при изучении «Языческой поэмы» Ю. Шесталова (в отрывках). Стоит отметить, однако, что эта тема достаточно сложна и, вероятно, должна быть перенесена в более старшие классы.

Тема IV. *Детский фольклор*

К сожалению, в отличие от программы по литературе А.Г. Кутузова программа под редакцией Г.И. Беленького не содержит темы «*Детский фольклор*». Думается, что урок, посвященный жанрам детского фольклора, был бы логическим завершением знакомства с произведениями народного творчества на данном этапе литературного курса. Проведение такого урока возможно и в рамках краеведения, так как в данном случае и носителями фольклора, и исполнителями, и собирателями станут сами ученики. Оценить значение народного искусства в жизни современного человека тем легче, чем более осознанно мы его воспринимаем. Игры, дразнилки, прозвища и другие произведения детского фольклора по-прежнему активно бытуют, так что встреча с ними на уроке позволит ученикам обратиться к собственному опыту и выявить в себе человека определенной культуры.

«Шестидесятники», рожденные на тюменской земле

Два юбилея: один радостный, второй — печальный... Оба в эти осенние дни. 14 октября 1938 года в Тюмени (60 лет тому назад) родился Владислав Петрович Крапивин, чья слава детского писателя, педагога и публициста давно перешла границы России и достигла даже Японии. И хотя Крапивин с середины 50-х годов живет в Свердловске — Екатеринбурге, он не забывает наш город, наш край. Тюменские мотивы постоянно просвечивают в романтических перекатах его сюжетов. Более того, в конце 80-х годов наш земляк написал автобиографическую повесть о своем детстве.

В том же 38-м году в Ханты-Мансийске родился Виталий Иванович Бугров, который (как и Крапивин) уехал учиться в Уральский университет и тоже осел в Свердловске — Екатеринбурге. В 60-е годы их творческие пути пересеклись в редакции знаменитого «Уральского следопыта». Крапивин продолжает писать, а вот Бугров... В 1994 г. он ушел из жизни. В силу своего характера и отношения к жизненной суете Виталий Иванович не слишком заботил-

ся о свете юпитеров, направленных лично на него. Это не в пику Крапивину, в его случае слава сама нашла писателя.

Судьба Бугрова уникальна. Его детские годы были и трудными, и радостными одновременно. Учительская семья бедствовала, рано умер отец, и мать, преподававшая в начальных классах, сама поднимала трех сыновей. Виталий сильно болел... Иногда он бывал на высокой горе у слияния Оби с Иртышом. Космическая мощь сибирских стихий неожиданно увлекла Бугрова в путешествие в книжные миры НФ — научной фантастики. Она стала главным и единственным делом его жизни. Но не только как мечта, игра воображения.

В 1954 году юноша стал вести картотеку НФ, которая к концу его жизни стала просто бесценной. Практически весь мировой свод «литературы мечты и фантазии» подчинился уральскому энтузиасту.

Трудно сказать, у кого или в какой библиотеке мира есть картотека, в которую занесены не только библиографические сведения, но и целое созвездие интересных фактов. Здесь же установление авторства, написание био-

графических справок. Бугрову повезло: он поступил на филфак УрГУ в 1955 году. Советская эпоха не только предлагала свои идеологические правила игры, но и давала достаточно широкий простор вольнолюбивой «раскрутке» своих питомцев. Следует заметить, что официоз жаловал лишь так называемую «фантастику ближнего прицела». Про нее сегодняшний читатель мало что знает. Ее лидерами в 30—50-е годы были А. Казанцев, В. Немцов. В их произведениях речь шла о возможных научно-технических проектах, которые улучшали жизнь людей, меняли лик природы. Так, Казанцев писал про советскую систему искусственного отопления Арктики. Про экологические последствия размывания вечной мерзлоты он не думал. Если эта фантазия стала бы реальностью, от Тобольска осталась бы лишь глинистая гора с кремлем, под воду ушли бы Надым, Сургут, Саяногорск... Но я не склонен издеваться над подобной фантастикой, как делает это сейчас мой хороший знакомый литкритик Роман Арбитман. Она по-своему хороша и занимает свою нишу. Другое дело, что режим боялся других жанров НФ: философской, бытийной и социальной фантастики. Молодые, воспитанные на ней, часто задавали совпартчиновникам неудобные вопросы относительно феодально-рабского, догматического и лицемерного использования марксистской социологии.

Бугрова в УрГУ не давили и даже не мешали проводить неформальные встречи увлеченных НФ книголюбов. Вскоре областная писательская организация и мощный («Урал — опорный край державы» по Твардовскому) Свердловский обком комсомола добились возобновления выпуска юношеского журнала «Уральский следопыт», где и были напечатаны первые НФ-рассказы Бугрова, его критические статьи-обзоры. Потом (1966) его пригласили в журнал литсотрудником, а там и сделали Бугрова заведующим отделом фантастики — единственным на весь СССР (речь идет о литературно-художественных журналах). Бог ты мой, сколько сенсаций в НФ было связано с этим отделом! Печатали великих художников жанра — братьев Стругацких, открывали духовно-провидческую НФ, природоведческую, переводили западных знаменитостей.

При Бугрове получили жизнь первые фэн-клубы (любителей НФ), в стране стали проводиться (при большом стечении публики и любопытных органов) ежегодные конгрессы, учредили первую в СССР премию «Аэлита». А знаменитая бугровская всероссийская (ранг журнала — фактически евразийский: писали из стран Восточной Европы, Азии) викторина знатоков НФ — ведь в ней помещали большие отрывки из таких произведений «из-за бугра», за которые в Москве, Харькове и Питере пресле-

довали многих молодых и не молодых людей.

В последние два десятилетия своей жизни Виталий Иванович ушел в НФ, печатался в Москве и Новосибирске, в Сибири и на Урале. Часть этих материалов была опубликована в монографии Бугрова «В поисках завтрашнего дня» (Свердловск, 1981).

Вторую книгу он выпустил в 1988 году (Свердловск), назвав ее «1000 ликов мечты». Книга моментально исчезла с прилавков. О фантастике он на этот раз написал «всерьез и с улыбкой». Книга бесценна. Узнаешь, кто первым выдумал робота, о первом в России журнале фантастики, о рождении романа великого А. Беляева «Голова профессора Доуэля»...

В книге опубликовано последнее интервью Ивана Антоновича Ефремова, создавшего «Туманность Андромеды», «Час Быка»... Беседа с Человеком и великим ученым, которого вскорее не стало. Ефремов умер, но живо его слово, в котором он углядел нашу теперешнюю смуту: «Но те, кто стоит у власти, не заинтересованы в создании морали на основе науки и бессильны создать ее. Моральные категории все более ветшают, мешанская потребительская мораль, насаждаемая капитализмом, бескрыла и бесчеловечна. В обществе все более процветает самое неприкрытое жульничество, вплоть до наук,

где нужна абсолютная честность... Все больше обесмысливание самой человеческой жизни, человеческой культуры в целом».

У Бугрова был дар несуетного общения, точный литературный вкус и деликатность настоящего российского интеллигента. Он был негромким человеком, ему было некогда заниматься околολитературной суетой, он работал и сдвинул — один — глыбу осмысления научной фантастики. Столичные визитеры бессовестно обкрадывали его, выдавали его открытия за свои. Он побеждал их новыми находками и улыбался светло и печально, как вестник с далекой лучистой Вече, сделавший служение красоте и добру своей человеческой сущью.

В конце земной жизни Бугров словно вернулся на родину. Занялся историей Югры, участвовал в создании книг о Сургуте (1994), о судьбе мансийской Трои Эмдера (см. «Нягань», 1997). Он сам сказал когда-то: «...счастье человечества — вот что стало главным в нашей фантастике... И когда фантастика, которой по штату положен необычный взгляд на все явления, в новом свете являет нам человека, мы как бы обновляем собственные представления о самих себе...». Сегодня Россия не хочет слышать не только Бугрова. Но его свет остался здесь. Будем живы — повернемся и к нему.

Вечная ему память!

Крапивин. Владислав Петрович. Юношей покинул Тюмень, но в отличие от Бугрова поступил в том же 1955 году в УрГУ на факультет журналистики. Начиная в свердловской «Вечерке», потом (вместе с Бугровым) работал в «Уральском следопыте». После ослепительного успеха первых своих книг в середине 60-х годов ушел на вольные литературные хлеба.

А хлеба получились ничего. Можно было почитать на лаврах, получая неплохие гонорары за издания в ФРГ, Италии, Японии. Но Крапивин — личность глобальная, верная девизу — бороться и искать, находить и не сдаваться. Человек, верный голосу совести, верный чести, рыцарству и достоинству. Его приписали к цеху детских писателей. Он никогда им не был. Он знал, как и Фрэнк Норрис: детство — утраченный рай человека. И его надо продлить для всех поколений.

Подавляющее большинство людей на земле забывает свое детство, считая его неким przygotowательным классом перед так называемой (маразматической, протухшей в лицемерии, компромиссах, сделках с совестью) взрослой жизнью. А Господь сказал два тысячелетия тому назад: «Если не будете как дети, то не войдете в Царствие Небесное!».

Воспитанный на романтической и свободной волне хрущевской оттепели 50—60-х годов, Крапивин раньше многих

коллег понял: и стар и млад живут на Земле в одно время. Как у Аркадия Гайдара, Руви́ма Фраермана, Радия Погодина, Льва Кассиля, в его прозе детские герои соравны взрослым, только они лучше и выше их, и именно дети, а не мы, как нам кажется, по-настоящему выбирают себе учителей. Формальных и неформальных. Да, дети жестоки, но они прекрасно чувствуют, что так называемая большая жизнь за аттестатом зрелости их вовсе не ждет с распростертыми объятиями.

Крапивин раньше многих понял — советских детей надо спасать. И, как Гайдар, он стал неформальным учителем, любимым вожатым. В 1965 году на окраине Свердловска в Уктузе он собрал свой первый юнкорский отряд, закупив на свои кровные дорогушие и тогда яхты. Он знал — жизнь на Земле началась в первородном океане, и морской космос, романтика путешествий за знаниями, ремеслами, культурой, наукой — лучший путь поставить на ноги юного человека, закалить его душу и тело через доброе и трудное.

Будни и праздники детско-юношеского объединения «Каравелла» для Крапивина стали главной идеей жизни. Уникальный пример воплощения в реальное теории жизнестроения, существовавшей в русской культуре начала XX века. Но там проект всеобщего окультурива-

ния бытия не избежал элитарного высокомерия. У Крапивина нормальные ребята становились действующей элитой поколения.

Вот почему первые книги нашего земляка: «Рейс Ориона» (1962), «Брат, которому семь» (1963), «Палочки для Васькиного барабана» (1965), «Звезды под дождем» (1965) — быстро заслужили всеобщее признание. Еще бы — в советское время Крапивин открыл страну Детства тех лет, затронул сложные нравственно-бытовые конфликты в общении отцов и детей, всего социума.

С каждой новой книгой углублялось художественное видение мира писателем. Обыкновенный пятиклассник Валька Бегунов, обретя свой идеальный уровень жизни, не сдается злу (повесть «Валькины друзья и паруса», 1967).

В 70-е годы Крапивин начал осваивать историческое измерение современных проблем («Тень каравеллы», 1971; «Далекие горнисты», 1971; «Баркентина с именем звезды», 1972 и др.).

До конца 90-х годов писатель успешно занимался жанром так называемой «школьной повести», в которой большое общество, учителя с их уродующей юную личность авторитарной педагогикой, родной дом, лишенный желанного тепла и уюта, фальшивое почитание советских идеалов вызывали не-

приятие у героя-подростка, конфликтные ситуации со взрослыми и сверстниками, рано зараженными «свинцовыми мерзостями жизни». Так написана замечательная трилогия «Мальчик со шпагой» (1976). В ней Сережа Каховский, остро чувствующий социально-нравственные беды и бездуховную агрессию многих воспитателей вкуче с «прирученной» пастью, устраивает свой бунт, заметив, что директор пионерского лагеря вскрывает письма детей домой, а для поддержания порядка создает особую команду старшекласников, издевающихся над теми, кто младше и слабее.

В образе повидавшего жизнь журналиста, с которым Каховский случайно знакомится на станции, сбежав из ненавистного лагеря, Крапивин дал собственный «портрет художника в юности». Нелегкий нравственный выбор в поисках жизненной опоры делают герои социально-бытового и одновременно лирико-романтического романа «Острова и капитаны» (1989).

Уже в советское время наш земляк не побоялся переоценить отношения юной личности и коллектива, выдвинув на первый план героя — оппозиционера всем преступившим законы чести, правды и справедливости. Любимые юными и взрослыми читателями, крапивинские мальчишки продолжа-

ют традиции Гайдара. Они действуют, но и рефлексиируют, они идеальны и реальны одновременно, увлекая своим примером настоящих ребят. Они — мечтатели и романтики с обостренным чувством правды, жадной общественно полезной деятельности. Таковы, помимо Сережи Каховского, и Юрка Журавин, Егор Векшин и многие другие.

Но, ощутив художественные границы возможного в воплощении таких героев, Крапивин проявил себя и как мастер «романа воспитания», написал «Колыбельную для брата» (1980), «Журавленок и молнии» (1983), где, отдавая дань любимой манере письма и характерам, открыл жестокие игры времени, конфликт отцов и детей, разъедающую души коварную ложь официальной педагогики и бездуховной атмосферы во многих советских семьях, в школе и на улице. Вместе со своим братом Сергеем Крапивиным он пробоval себя и в жанре приключенческой повести («Алые перья стрел»). Словно отвечая шукшинским «чудикам», писатель высылает им в помощь свой отряд детских «чудиков», чей способ жить — творить вокруг добро (Джонни Воробьев, оруженосец Кашка). Дальняя тюменская окраина крапивинского детства ожила в повести «Синий город на Садовой», чьи обитатели авторской фантазией наделены поэти-

ческим видением мира, душевным благородством и первозданной чистотой отношений.

В последнее время (с начала 80-х годов) в художественном мире Крапивина научно-фантастические мотивы и сказочно-романтическое начало, причудливо сплетаясь, породили (как у А. Грина, Дж. Толкиена и др.) особый духовно-ирреальный континент с детской цивилизацией, где ею определяется все: экономика и политика, география и образование. Эта линия в творчестве началась с повести «Я иду встречать брата» (1961), продолжилась в «Старом доме» и «Баркентине с именем звезды», трансформировавшись в цикл повестей о Великом Кристалле, практически полностью завладевшим авторским сознанием.

Крапивин на подходе к Великому Кристаллу искал его структуру в двух направлениях. «В ночь большого прилива», «Дети синего фламинго», «Голубятня на желтой поляне», «Оранжевый портрет в крапинках» стали как бы историей детских «войн» за спасение от зла своей цивилизации. Бытовое, земное в них неразделимо со сказочно-условным, необыкновенным «течением» сюжета. В цикле «Летающие сказки» (повести-сказки: «Летчик для особых поручений», «Ковер-самолет», «Дети синего фламинго», «Возвращение клипера «Кречет», «Тополиная рубашка») символически и фило-

софически «оживает» система любимых авторских «Эйдосов» —мыслеобразов, раскодируется галактика планет Дружба, Рыцарство, Правда, Честь...

Сейчас Крапивин по-своему пытается осмыслить антропоне-сущий проект создателя, тяготея к историософскому видению нашего мира, вглядываясь в формы субстанциональных (самых фундаментальных) архетипов Дома, Дороги, Детства, Старости, Молитвы, Матери и Отца. В «Белом шарике матроса Вилсона» он заново воссоздает христианские мотивы, возвращая им заглавную роль в оформлении духовных исканий (и для себя, и для своих героев). Наш земляк смело перечеркивает достижения (реальные и мнимые) научно-технической и суперсовременной технотронной цивилизации, принесшей человечеству (окромя удобств и благ) неисчислимы страдания, оружие массового поражения, глобальные экологические, этнические и социумные катастрофы.

Пророчески чувствуя потребительский тупик и неспособность модели информационного общества вернуть людей на путь развития естественно-природной цивилизации (в ее, конечно же, современном «звучании»), Крапивин в Великом Кристалле пытается спасти Детство, в котором еще живут черты доброго лика бытия. Он наделяет новых героев сверхэнергетикой и сверхразумом с паранормальными свой-

ствами, открывая очистившимся дорогу в параллельные миры. Но это вовсе не значит, что писатель вынес окончательный приговор погрязшему во зле, бесчестии, бесовстве и чувственных извращениях человечеству. Он просто изымает из него детей, «отправляя» их в особое измерение — выучиться добру Преображения и вернуться на землю. Как спасателей поруганной красоты и гармонии нашего мира. Вот только плохо, что новые книги нашего земляка не издают нынешние барышники. И не только по коммерческим соображениям. Если крапивинский вариант «детского вмешательства» в нашу текущую жизнь станет реализовываться, то навязываемой ныне России модели социума, слава Богу, придет конец...

Только вот суровая антикультурная сила, правящая сейчас в русском дурдоме, толкает Крапивина на свифтовский путь горькой иронии и язвительной сатиры. Отстранен и трагически печален его взгляд на мир и человека в повестисказке «Я больше не буду, или Пистолет капитана Сундуккера» (Екатеринбург, издательство — «собачий» язык этой жизни! — «АВ ЭКСПРЕСС», 1996). Такого Крапивина издают, «не замечая» сатиры, но словно одобряя живописание дряни и дебилизма жизни равнодушного ко всему обывателя, сменившего октябрятскую звездочку с портретом Ленина на крестик,

носимый без Веры, Надежды и Любви. Без истинного покаяния и очищения. Спасибо моим дипломникам, съездившим в столицу Урала на встречу с Крапивиным и передавшим мне его дар. Книга вышла в цикле «Сказки о парусах и капитанах» с посвящением другу автора, капитану дальнего плавания Захару Лившицу на память о парусной молодости. Что ж, известный морской сигнал «Погибаю, но не сдаюсь!» — последнее утешение для многих, бессильно наблюдающих тот маразм, который творится в России...

Нашим читателям, озабоченным духовным здоровьем своих детей, скажу, что еще можно приобрести в Екатеринбургe собрание сочинений зем-

ляка в девяти томах. Оно вышло в 1992—1993 гг. В 1994 году в Нижнем Новгороде издали «Лоцмана», «Синий город на Садовой», «Рыцаря прозрачного кота».

...Не следовало бы заканчивать юбилейные заметки о Крапивине в миноре. «Мчатся бесы, вьются бесы...». Но еще восходит солнце, которое светит всем, и хапугам его не купить. Еще цветет весной сирень-черемуха в тюменских садах-палисадниках. Еще бродят у нас крапивинские герои и увлекают наше юношество. Надо верить, что они перегруппируют силы там, за нашей гранью Великого Кристалла и вернутся помочь нам остаться людьми, способными «делать что-то, чтоб миру не пропасть».

«Объект Збарского» *

Наконец Галина Демьяновна приносит четыре пыльные папки. С ними появляется устойчивый запах какой-то химии.

На папке надпись: «Август—сентябрь 1942 г.». Листки и листочки. Ведомости, исполненные на обороте листа из школьной тетради: «У нас было 25 яблок...». Не предполагал, что так много школ начальных, неполных средних и средних было в довоенной Тюмени. Я взвизрываю пальцами серые и коричневые полосы бумаги.

Потом соображаю, что в средней школе учителей больше и ведомость должна быть не листок, а тетрадка. Есть! Пятая школа, 21-я, 25-я! Возглавляют ведомость математики. Во второй строке сверху — П.Ю. Хайновский. Дальше, дальше... Стоп! Зб... нет, Заббарова...

В первой папке ничего не обнаружил. Или пропустил? На такой-то скорости — немудрено. Во взгляде Соболевской ловлю укоризну: кто же рассчитывает на открытие, сделанное в пять минут? А у меня и пяти-то нет.

...В октябре фамилия Збарского в ведомостях не значится. Решаю: взгляну в ноябрьскую и уеду. Приеду потом.

А руки сами листают, отыскивая знакомые тетрадки 25-й школы. Вот и ноябрь. Разворачиваю лист. Глаз словно фотографирует страницу целиком. И останавливается...

«18. Збарский Б.И.». Веду пальцем по строке вправо, туда, где «к выдаче на руки». Там роспись? Но другая! Заббарова... Видимо, учительница Заббарова по ошибке расписалась не в своей строке, а потом зачеркнула.

...Вторая половина ноября. Место для росписи Б.И. Збарского обведено карандашом. А подпись отсутствует...

Представляю себе, как школьный бухгалтер терпел и сентябрь, и октябрь, а затем взял и внес фамилию нового учителя в ведомость. Итак, факт стал бесспорным: зарплата профессору начислялась, но он ее не получал. Значит, где-

---

* Окончание. Начало в предыдущей — второй части журнала.

то, в каких-то других папках, прячется и заявление Бориса Ильича с просьбой перечислить его деньги в фонд обороны. Я даже вижу этот листок, такой же фирменный бланк, та же машинка с мелким шрифтом, та же резкая уверенная подпись: проф. Збарский. Надо искать!

А пока спасибо тебе, неведомый бухгалтер, педант и аккуратист.

Галина Демьяновна смотрит на меня недоверчиво:

— Если бы сама не видела, не поверила бы, что можно все это найти за несколько минут.

— А что я мог сделать? Машина ведь ждет, — отвечаю я.

III

Все же я не сказал бы, что поиск идет ровно и легко, что по моим запросам тотчас же раскрываются сейфы и обнаруживаются документы. В частности, мне доподлинно известно о наличии ряда свидетельств, относящихся к «объекту Збарского». Однако не отмененные еще правила и запреты преодолеть пока не удается. Попадая в такие, необъяснимые с помощью обычной, не бюрократической логики, тупики, я хорошо понимаю краеведа С. Гаря-

Московская комиссия в Тюмени. Академики Бурденко (второй слева) и Абрикосов (в центре), Б.И. Збарский (без галстука).

1942 г.

ева. Он долгие годы пытался пробить заговор молчания вокруг «военной тайны Тюмени», рассказать, как он говорит, о «сибирском Мавзолее Ильича», но безуспешно...

И тебе уже не хватит слов для уговоров, иссякают аргументы, и ты готов сказать: все, баста! Истории «объекта» без малого полвека, мы и так узнали немало... Но почта приносит очередное письмо, словно протягивается рука, готовая помочь. Вырисовывается спасительная тропинка в лабиринте лет и судеб, и наша история, словно горная речка, исчезнувшая было под камнями, опять засверкала на солнце.

Я убедился, что каждый, кто посвящен в тайну «объекта Збарского», дорожит памятью об этих днях, как о самом главном событии в жизни.

«...Эта встреча произошла в поезде Москва—Батуми летом 1986 года. Я случайно разговорился с мужчиной лет шестидесяти, который ехал в соседнем купе. Когда он узнал, что я из Тюмени, то разволновался: «А вы знаете, что в годы войны в вашем городе в сельхозтехникуме находилось тело Ленина? Я охранял его с 1942 года до последнего дня»...

Я говорю: слышал как-то на семинаре идеологических работников. Как он обрадовался! Как торопился рассказать, что ему тогда было 22 года, что он хорошо помнит нашу спокойную речушку Туру и деревянный мост, помнит все церкви и то место, где сейчас находится инженерно-строительный институт. Я отвечал на его сбивчивые вопросы, рассказывал о Тюмени, а поезд уже подходил к станции... Только и узнал, что он живет в Петро-заводске...».

Мы не знаем, как звали этого человека, как он попал в число лиц, допущенных к «объекту Збарского», был ли он среди «кремлевцев» или служил во внешней охране?

Ясно одно, он долгие годы хранил то, что составляло его гордость и о чем он не мог никому поведать...

Итак, в апреле 1988 года упала завеса над тем, что в качестве государственной тайны сберегалось столько лет. С тех пор мы коснулись многих архивных источников, нашли даже случайно сохранившиеся записки руководителя «объекта» профессора Б.И. Збарского, главы специальной лаборатории Мавзолея.

Но почти не задела, не потревожили того, что было упрятано глубже, чем документы в секретных архивах, — память людей, которые знали об этом. Знали и хранили эти сведения.

Впрочем, я ошибся. Публикации — и в «Тюменской правде», и те, что были в других изданиях — потревожили эту память. И новые письма рассказали о том, что еще не было известно.

Конечно, большая часть тех, кто так или иначе был связан с «объектом» после войны, естественно, покинула город, поэтому у нас было мало надежды, что на выступления местной печати откликнется кто-то, хорошо знающий подробности. В своем поиске было сложно рассчитывать на то, что отзовутся читатели центральных газет.

Но вышло все по-другому... Мой старый товарищ по «Тюменскому комсомольцу», собственный корреспондент «Известий» Юрий Переплеткин сделал мне поистине царский подарок — принес папку с письмами, которые пришли в его адрес со всех концов страны после его публикации об «объекте Зварского» в «Известиях». Там были и письма-вопросы по поводу новой страницы в истории страны, и письма-возмущения: почему все это так долго скрывалось?.. Но были и письма-информации.

Основную канву нашего рассказа эти письма не поколебали. Все-таки документ это документ, он дает точную привязку по месту и времени события. Правда, насколько документ точен, настолько же он сух и деловит. И вот здесь письма очевидцев, участников, свидетелей неоценимы, они оживляют, расцветчивают документальный рассказ, наполняют его дыханием жизни, делают звучащим, объемным.

Письмо ветерана-кремлевца И.М. Заваркина написано четким военным слогом, размеренным и ударным, который отдается в ушах, как шаги почетного караула на Красной площади.

«Я полковник в отставке Заваркин Николай Михайлович, с 1939 года по 1946-й служил в составе полка специального назначения в должности командира взвода, роты, помощника начальника штаба батальона и т.д. (В настоящее время этот полк именуется Кремлевским полком). Когда тело Владимира Ильича Ленина было эвакуировано в Тюмень, мы, офицеры полка, знали, что для его сопровождения и охраны в пути следования и в самом городе Тюмени был выделен специальный караул в составе стрелкового взвода. Скрыть это от нас было просто невозможно. Будучи командиром первого взвода первой стрелковой роты полка, я не один раз возглавлял караул или, как он в то время назывался, первую заставу...».

У оставшихся в Москве «кремлевцев» своя военная судьба, караулы под бомбежками, под осколками. Они продолжали нести охрану у опустевшего Мавзолея, хотя, как утверждает полковник Заваркин, знали, что Ленина там нет...

О тех, кто уехал в Сибирь, написал отозвавшийся из Ленинграда Геннадий Иванович Игнатов.

«В октябре 1938 года я был призван на службу в РККА. Комсомол Ленинграда рекомендовал меня в числе других товарищей на службу в Кремль.

Начало Отечественной войны. Многие полагали, что война быстро кончится и все пойдет по-прежнему. Однако события разворачивались далеко не так, как нам хотелось бы.

Уже в июле 1941 года немецкая авиация стремилась бомбить Москву, но каждый раз летчики отгоняли немцев еще на подступах к столице. Помню, как передали по радио, что Виктор Талалихин таранил немецкий самолет. Но налеты немецкой авиации не прекращались. Мы в Кремле тоже соответственно обстановке готовились к обороне и самозащите, проводили учения. И о том, что правительством было принято решение об эвакуации тела В.И. Ленина, мы вначале не знали.

В начале июля 1941 года в 3 часа ночи меня разбудил старшина Земсков и сказал: «Срочно собирайся в командировку, возьми необходимые вещи, а куда поедешь, я сам не знаю...».

Ночью нас посадили в автомашину и увезли за Москву на запасный путь железной дороги, нас там уже ожидали штатские. Состав поезда был небольшой, 4–5 вагонов. По железной дороге нам везде давали «зеленую улицу».

Вся группа поочередно несла вахту по охране тела В.И. Ленина в спецвагоне, где было довольно прохладно. Прибыли в Тюмень, наш маленький состав поставили в тупике железной дороги недалеко от вокзала. Здесь мы простояли трое суток, пока местные власти не подобрали для нас помещение.

Вспоминается, когда мы приехали в Тюмень, у нас не оказалось продуктов, в спешке, видимо, забыли.

Комендант тюменского «Мавзолея» капитан государственной безопасности Кирюшин, вероятно, не подумал, что он должен обеспечить продуктами охрану. Трое суток мы были без еды, а в городе уже была карточная система. Нас нигде не кормят, а мы никому не говорим, что голодны. Лишь через трое суток Б.И. Збарский узнал, что мы не ели со времени прибытия в Тюмень, сделал внушение коменданту и устроил нам хороший ужин».

Официальная справка: «Игнатов Геннадий Иванович, родился в 1918 году в Костромской области. Член КПСС с 1943 года. В 1938 году призван на службу в войска НКВД.

Сержант Игнатов Г.И. с июля 1941 года по март 1945 года нес службу по охране спецобъекта в городе Тюмени и проявил себя хорошим, дисциплинированным солдатом, грамотным в политическом и военном отношении, хорошей силы воли...». Уволен в запас в звании капитана в 1959 году.

В других наших публикациях больше рассказывалось о том, как «объект Збарского» виделся глазами тех, кто смотрел на него со стороны. А Геннадий Игнатов и его товарищи, в общем-то,

были замкнуты в четырех стенах, ограничены в общении. Первое время им даже была запрещена переписка с родными и близкими. Позднее письма были разрешены через горотдел НКВД.

Игнатов подробно и скрупулезно, я бы добавил, профессионально перечисляет подробности быта немногочисленного «специального караула». Мне думается, что эта обстоятельность больше убеждает в том, что «кремлевцы» хорошо сознавали свою роль и важность порученного им дела, чем громкие и трескучие слова...

Караулы. Хозяйственные работы. Ускоренная военная подготовка по программе младших лейтенантов. В обиходе офицеры, сержанты, красноармейцы и ученые Б. Збарский, С. Мардашев, Р. Синельников были на равных. Жена профессора Синельникова обучала «кремлевцев» немецкому языку.

«Здание объекта, — пишет Г. Игнатов, — нам нравилось, и мы в шутку его называли «наше посольство», потому что оно окружено оградой и очень похоже на него».

В заключение Геннадий Иванович Игнатов приводит почти полный список охраны «объекта». Мы хотим его воспроизвести: быть может, кто-то из читателей помнит или знает этих людей?

Командант Кирушин. Его сменил Д.Ф. Ткаченко. Офицеры: Андреев, Елисеев, Сюткин (был еще и четвертый). Старшины: К. Кухта, А. Антонов. Сержанты: В. Жерин, Г. Игнатов, Н. Корнуков. Красноармейцы: Сергей Куклин, Дмитрий Коняхин, Василий Городилов, Павел Гапоненко, Федор Паутов, Анатолий Савин, Алексей Рыжиков, Михаил Фомичев и Махов (он, кажется, работал на ДОКе в Тюмени)...

Внешнюю охрану осуществляли сотрудники Омского УНКВД Александр Радаев и Георгий Пчелинцев, причем, считал Игнатов, Пчелинцев позднее работал в Ишиме.

Профессиональная память не подвела Г. Игнатова. Он дал ниточку, за которую можно было потянуть.

Официальная справка: «Пчелинцев Георгий Петрович, родился в 1916 году, член КПСС с 1944 года, в органах государственной безопасности Омска и Тюменской области с 1941 года. Живет в Ульяновске». «Командировку» на «объект» Георгий Пчелинцев также получил в июле 1941 года, когда вместе с М.С. Якименко его направили в Тюмень. Пчелинцев подробно пишет, где жили руководители «объекта» (в левом крыле здания), офицеры (во флигеле). Окна комнаты, где стоял саркофаг, выходили на сад «Спартак». Летом сад еще работал, но вскоре горисполком танцплощадку в саду закрыл: по рапорту охраны, что кто-то несколько раз пытался через забор проникнуть на «объект».

Пчелинцев пишет, и ты вместе с ним то неторопливо обходишь вокруг «объекта» (кстати, слово «объект» не придумано мной для пушей торжественности, а взято из ежедневного лексикона охраны тела В.И. Ленина), то дежуришь по аллее, идущей вдоль забора...

Сегодня мы можем, используя как пропуск память Г. Пчелинцева, даже проникнуть на этот строго охраняемый «объект».

«Внутри здания охрану несли солдаты и дежурил постоянно офицер у входа. Поднимаешься на второй этаж — первый пост, стоит солдат с автоматом на изготовку, т.е. в полной боевой, штык обращен на тебя. Поворачиваешь по коридору, проходишь, около дверей комнаты, где находится саркофаг, — второй пост... В здание, как правило, никто не имел права заходить, кроме охраны и obsługi. Во дворе несли службу еще два милиционера-фронтовика. Один из них был Романов, уроженец Тюмени».

Мне кажется, что Георгий Павлович несколько добавляет строгости в режиме «объекта». По другим письмам известно, что на «объекте» бывали секретарь горкома партии Д.С. Купцов и председатель горисполкома С.Н. Загриняев. По специальному пропуску заниматься с сыном Збарского приходила учительница В.Ф. Трофимова. Другое дело, что все они хранили тайну, как делал это и немногочисленный вольнонаемный персонал: повар, слесарь, парикмахер, истопник.

Например, потребовалось изготовить новый саркофаг. Отыскали лучшего в городе столяра. Им, кстати, оказался руководитель общины баптистов.

Когда Пчелинцев был отозван в Омск, его заменил другой сотрудник — Александр Радаев. С ним связана необычная история.

Ночью у ворот раздался женский крик. Оказалось, женщина шла в родильный дом и у самых ворот стала рожать. На крик выбежал дежурный офицер Радаев и... принял роды. Сам факт никакого отношения к охране «объекта» не имеет, но ведь родился новый человек, которому помогли появиться на свет чекисты. Может, он и сейчас живет в Тюмени?

В журнале вы видите фотографию, относящуюся ко времени действия «объекта». Как она была сделана? Ведь секретность объекта была высокой. Это подтверждает и Г. Пчелинцев. «Фотографировать в то время было запрещено, хотя мы прекрасно владели этим искусством, и я, и Якименко, поэтому фотографий нет, а в памяти все сохранилось».

Но тогда каким чудом возникли снимки из пакета, который мне передал Ю. Переплеткин? А он получил их из Харькова от сына сотрудника лаборатории профессора Р. Синельникова.

В ответ на мой запрос Я.Р. Синельников, ныне сам профессор, доктор медицинских наук, утверждает, что «фотографировали главным образом солдаты и офицеры, которые несли охрану. О приглашении других фотографов мне неизвестно...».

Выходит, фотографов не было? Или они просто неизвестны? Или их странным образом «забыли»? Фотографии же, между тем, существуют и тоже проливают свет на кое-какие события.

Вот, например, все утверждали, что правительственная комиссия Наркомздрава во главе с народным комиссаром здравоохранения Г.А. Митиревым посетила Тюмень один-единственный раз в январе 1944 года. В книге Г.А. Митирева «В дни мира и войны» (Москва, 1975 год) напечатан снимок заседания этой комиссии. В подписи обозначены только двое из 15 участников: Б.И. Збарский (докладывает) и Г.А. Митирев (ведет заседание).

Об остальных присутствующих различные исследователи утверждают разное. Безусловно, в заседании участвуют члены комиссии А.И. Абрикосов, Л.А. Орбели, Н.Н. Бурденко, о которых сообщает сам Г.А. Митирев. Кроме них, упоминается представитель Наркомздрава С.Р. Мардашев. Итого шесть вероятных. А кто остальные девять?

В публикациях называются разные фамилии. Но нет никакой уверенности, что они соответствуют списку участников заседания. Например, как согласиться с утверждением того же С.Гаряева, что на снимке есть и Д.С. Купцов, если доподлинно известно, что он с 1943 года работал в Москве, в ЦК ВКП(б)?

Узнать по фотографии? Но большинство присутствующих изображены в профиль. Снимок маленький, подвергался многократному копированию и увеличению...

Новое письмо от Я.Р. Синельникова, на мой взгляд, вносит ясность в этот вопрос.

Харьков-Тюмень

«Думаю, что речь идет о фотографии, которую я обозначил цифровой №1. На ней изображены: в центре стола — нарком здравоохранения Митирев Георгий Андреевич, слева акад. Л.А. Орбели, акад. Н.Н. Бурденко, проф. А.Н. Шабанов — начальник Главного управления медицинских учебных заведений, А.Н. Осипов, секретарь Тюменского ГК ВКП(б) и проф. С.Р. Мардашев... Справа от наркома — проф. Б.И. Збарский, акад. А.И. Абрикосов, подполковник С.Г. Айзенштат — начальник горотдела милиции, Д.Н. Выропаев — профессор кафедры патологической анатомии 1-го медицинского института, проф. Р.Д. Синельников — сотрудник лаборатории Мавзоля В.И. Ленина, проф. Б.И. Лаврентьев — зав. кафедрой гистологии, проф. М.Я. Барон — Московский медицинский ин-

ститут... Во втором ряду слева — полковник Дмитрий Федорович Ткаченко — комендант Мавзолея, подполковник Иван Дмитриевич Шестаков — зав. хозяйством объекта...».

Один из снимков, присланных Я.Р. Синельниковым, позволяет предположить, что комиссия 1944 года была не единственной. В воспоминаниях Г.А. Митирева мы читаем: «Н.Н. Бурденко носил усы, которые весьма шли к его генеральским погонам...». Однако в пакете Я.Р. Синельникова на фото №3 у академика Бурденко нет усов, он одет в обычную гимнастерку без погон, но с петлицами... Значит, комиссия 1944 года была не единственной?

Харьков-Тюмень

«На фото №3 представлены работники лаборатории Мавзолея и члены комиссии, которые посетили «объект» зимой 1942 года. Подобные комиссии в составе крупных ученых-медиков и с постоянным участием Н.Н. Бурденко проводились ежегодно...».

Новая публикация в газете. Новые звонки по телефону, письма, сообщения. Новые ниточки нашего расследования. Отозвалась из Барнаула и тотчас исчезла племянница коменданта Мавзолея полковника Ткаченко. Несколько часов мы беседовали в Москве с профессором МГУ Натальей Николаевной Желитовской, внучкой одного из бальзамировщиков В.И. Ленина — П.И. Карузина. В годы войны она с бабушкой жила в эвакуации в Тюмени, в здании по ул. Республики, 7.

Словом, история еще не кончилась.

Будут ли праздновать 60-летие Шишкина?

Занимателен жанр у авторов «Календаря знаменательных дат»*. Сиди себе в тиши библиотеки и решай: этому быть великим, этому помельче, а этого — вообще не должно существовать. Раньше все-таки как-то было проще: некто сверху разрешал составителю такого Календаря «пошалить» с именами: об этом вспомнить, об этом — тоже, а об этом...

Чем больше вчитываюсь в лежащие передо мной две брошюры, тем более убеждаюсь в своей правоте о шалости некоторых составителей...

Три субъекта Федерации — три календаря. В чем они должны совпадать? Хантам, конечно, проще. Четкость территории, а значит ясность позиции: все что на юге за пределами Нефтеюганского района — это уже «за бугром».

Составителю из областной научной библиотеки приходилось явно чувствовать себя

словно на горячей сковородке. Если область «покрывает» все три субъекта, то и знаменательные даты должны переключаться из окружных календарей в областную. Но какие даты общественно значимы для всей территории, а какие только для отдельно взятых мест?

Вопрос не такой простой как кажется на первый взгляд...

Давайте заглянем внутрь двух Календарей, имеющихся в руках автора этих строк.

Во-первых, название у брошюр разное. В Хантах сочли, что время знаменательных дат прошло. Всё, что связано с местностью, в которой мы живем — это относится к краеведению. А значит, все, кто внес вклад в развитие края, заслуживает «поминовения» независимо от того жив или почил в бозе. Во-вторых, за «нашим бугром» готовились к предстоящему году загодя: издание датировано 1977 г. В-третьих, и культура изда-

* Краеведческий календарь: Памятные даты Ханты-Мансийского автономного округа на 1998 г./Ханты-Мансийская окр. б-ка; Сост. Т.В. Пуртова, О.М. Павлова. — Ханты-Мансийск, 1997. — 50 с.

Календарь знаменательных и памятных дат Тюменской области на 1998 г.: Историко-информационные справки и рекомендательные списки литературы/Тюменская обл. науч. б-ка; Сост. Н.В. Абраменко. — Тюмень, 1998. — 48 с.

ния у обеих брошюр заслуживает отдельного разговора. Вопрос скорее не в том, что у них есть и деньги, и полиграфбаза, а у нас — одно название, область, да и все.

И хотя в Календаре областной библиотеки и оговаривают в предисловии, что «отбор юбилейных дат не претендует на абсолютную полноту», принцип отбора материала так и остается загадкой для читателя. Меня, например, очень интересует, почему общественности не должен быть интересен Евгений Васильевич Кузнецов-Тобольский, бывший редактор «Тобольских губернских ведомостей», чье 150-летие со дня рождения в этом году отметил все-таки «Тобольский хронограф»?

Или чем не угодил составителям нынешний редактор «Тюменского курьера» Р.С. Гольдберг-Гуревич, журналист, талантом которого не перестает восхищаться не одно поколение читателей тюменской периодики? А ведь ему нынче исполнилось 60. И за творческий период сделано столько, сколько другим не удастся и за две-три их жизни.

Еще один пример. Ректору Тюменского государственного университета академику Г.Ф. Шафранову-Куцеву также общественность отметила шестидесятилетие. Но в Календаре областного масштаба об этом ни гу-гу. А ведь в период, когда экономика страны не гонит-

ся даже в Красную армию, возглавляемый им вуз безудержно строится. Студенты при этом не прекращают обучение, а сотрудники продолжают свои научные разработки...

Может составителям Календаря не понравились их двойные фамилии? Вопрос, конечно, ироничный, но в нем скрыто немало грусти. Пытаемся отдавать дань памяти только мертвым. А о живых оставляем на какое-нибудь потом.

В округе постарались не забыть всех. Краеведческий календарь отмечает 75-летие Л.Г. Золотухиной, председателя клуба «Фронтовые подруги», 80-летие А.Г. Григорьевой, почетного гражданина Ханты-Мансийского автономного округа, 60-летие начальника Главного управления культуры округа И.С. Кошкина, 50-летие со дня рождения заместителя исполнительного директора экологического фонда ХМАО А.Ф. Тархановой, 45-летие со дня рождения писателя Б.Ю. Зуйкова...

Всех тех, с кем еще повседневно здороваемся, но о ком не забыл Краеведческий, не перечислить в этом небольшом материале. Конечно, кто-то поиронизирует, как не вспомнить работникам библиотеки о И.С. Кошкине, ведь он их начальник? Скорее дело не в этом.

В Хантах раньше нас ощутили потребность понять, что на фоне все увеличивающихся темпов добычи нефти и газа мы

забыли о простом человеке, который и есть главное в нашей жизни. Не передовик, не ударник, а просто человек, любящий и знающий свое дело. И появление серии книг «Люди земли Югорской» — подтверждение тому.

Конечно, с точки зрения знаменательной даты, юбилей председателя клуба «Фронтвые подруги» на фоне других дат, вроде бы ничто. А краеведы думают совсем иначе. Сургутский женский клуб в масштабах округа — это память о женщине, перенесшей все тяготы войны...

И в тот период, когда И.С. Кошкин был начальником, в культуре округа много чего доброго сделано. А работа про экологическому просвещению населения, проводимая под руководством А.Ф. Тархановой, будет видна и после читающих эти строки и через тридцать и через пятьдесят лет...

Самое время задать вопрос, вынесенный в заголовок: а будет ли общественность области

отмечать 60-летний юбилей нашего начальника культуры А.И. Шишкина?

Очень запомнились материалы круглого стола в одной из местных газет. Александр Иванович сказал, что книги — это для избранных. А вот фейерверки на празднике — праздник для всех (не ручаюсь за точность, но мысль была именно такова).

Лет двадцать назад мне довелось работать в школе, преподавать русский язык и литературу. Из сорока шестиклассников около двадцати читали по слогам. Директор школы с птичьей фамилией, беспокоящая об отчетности, кричала: «Это не ваша забота! В нашей жизни чтение книг — дело избранных».

При таком подходе, когда все становится «делом избранных» неизвестно кем, ответить на вопрос заголовка однозначно не удастся. Но в сегодняшнем Календаре областной библиотеки как в зеркале отражается настроение временщика-функционера в своем крае.

Степан Иванович Гуляев*

Биографический очерк

Закрепляя добрую память о людях бронзой и мрамором, хотя праху и не нужны монументы, мы своей признательностью заслугам умершего призываем грядущие поколения к подражательности в исполнении долга. Некролог и биография, кроме того, открывают нам поучительные итоги жизни, покончившей свои расчеты с земными благами. Жизнь — это битва, в которой передовые бойцы прокладывают дорогу, следом идет толпа, стадно, не сознательно; она давит, теснит и топчет друг друга. И вот здесь всякая индивидуальность, самобытность калечится гораздо скорее, чем в передних рядах застрельщиков. Здесь идет борьба тупая, безмолвная среди одуряющей атмосферы, в непроглядном тумане, борьба почти без вероятия на победу.

Глубоко интересны биографии передовых двигателей общества, гениев, талантов, которые освещают путь и ведут по этому пути к истине; но поучительны также биографии и тех малень-

ких людей толпы, которые в общей житейской сутолоке находили мужество в своем бессилии и, прожив долгий век, остались не искалеченными, не затоптанными и сохранили в себе святое чувство любви к ближнему и восторженные стремления к достижению истины.

К этой категории людей принадлежит Степан Иванович Гуляев.

I

Предки Гуляевых жили где-то в одной из северо-восточных губерний, откуда во время Петра Великого или ранее переселились на «Беловодье», т.е. вольный край, как называли Южную Сибирь. Переселенцы уходили туда целыми семьями, избирали места, какие нравились, но вдалеке от воеводских управлений и тогдашних полицейских властей. Удаляясь в далекий неизвестный край, они сохраняли обычаи своей родины, нравы, предания отцов, великорусский говор, который слышится

* Печатается по изданию: *И.Я. Словцов*. Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк. — Омск: Тип. Акм. обл. правл., 1891. — 76 с.

Придавая тексту и сноскам современную орфографию, издатель старался максимально сохранить статью в том виде, в котором ее видел читатель прошлого века.

ныне в Новгородской, Костромской, Пермской и вообще в северо-восточных областях.

Поводом к переселению была «хлебная скудость» на родине, реформы Петра Великого и сохранение старой веры бежавшими от соловецкого погрома в скиты, в которых и сожигались; но предки Гуляевых были и на родине, и здесь православными.

По открытии уральским заводчиком Акинфием Никитичем Демидовым в Южной Сибири медных и серебряных рудников и устройстве плавильных заводов Кольванского, Барнаульского и Шульбинского, названных Кольванскими, а потом от церкви Воскресения Христова — Кольвано-Воскресенскими, все зашедшие в тамошний край люди, называвшиеся вообще пришлыми, были императрицей Елизаветой Петровной приписаны к заводам для исправления рудничных и заводских работ за подушный оклад, составлявший тогда с оброком 1 руб. 73 коп. с ревизской души, а дети, сыновья приписанных к заводам крестьян с их потомками стали при рекрутских наборах поступать в заводские мастеровые.

Таким образом, из населения образовались два вечные крепостные сословия: заводские крестьяне и мастеровые, существовав-

шие до освобождения всех крепостных людей императором Александром II от обязательного труда в 1866 году. Выхода из мастеровых никуда не было, кроме поступления на службу и получения офицерского чина¹, который состоявшему на горной службе приносил потомственное дворянство.

Некоторые из мастеровых занимались с разрешения своего начальства торговлей, но привоенными купцам правами не пользовались, а в случае прекращения торговли обращались опять в прежнее сословие, из которого происходили; они были несколько подобны в этом отношении торгующим казакам в Донском войске. Дети-мальчики обучались в горных школах при заводских селениях и главном Змеиногорском руднике. Более способные поступали в главное горное училище в Барнауле, разделявшееся на пять классов. Селения приписанных крестьян образовали обширный округ, называемый теперь (с 1830 года) Алтайским, принадлежащий Кабинету Его Императорского Величества и никому, кроме Кабинета, не подведомственный.

Сочтя нужным рассказать вкратце приведенные выше заметки о родопроисхождении Гуляевых, обращаюсь затем к биографии С.И.

¹ Чины эти имели следующие немецкие названия: 14, 13 — кл. шихтмейстер, 12 кл. — бергтшворен, 1 кл. — гиттенфервалтер, 9 кл. — маркшейдер, 8 кл. — бергмейстер и обер-гиттенфервалтер, 7 кл. — обер-бергмейстер, 6 кл. — берггауптман, 5 кл. — обер-берггауптман, или берграт, 4 кл. — обер-берггауптман, 3 кл. — то же.

В 1805 году в селе Алейском Алтайского горного округа у унтер-шихтмейстера Ивана Петровича Гуляева² родился второй сын Степан. Звание шихтмейстера равнялось подпрапорщичьему; унтер-шихтмейстеры носили офицерский мундир и шпагу, только без темляка, а при Павле Петровиче — косы и букли. Иван Петрович был высокий красивый мужчина и ходил в немецких камзолах. Мать С.И. Дарья Степановна, урожденная Бурнашева, дочь офицера Донского войска, была энергичная, красивая и, что тогда было на редкость, грамотная женщина. Она привила к сыну религиозность, любовь к порядку и развила любознательность. Обучение грамоте трех братьев

Гуляевых — Степы, Вани и Васи — совершалось Дарьей Степановной обыкновенно в кухне во время стряпни. Она в это время усаживала детей за букварь и заставляла читать (букварь она знала наизусть), отрываясь от своих занятий только в случае непонимания, чтобы сделать, где нужно, указания. В другое время дня возиться с детьми Дарье Степановне было некогда. За постоянными отлучками мужа и свекра по делам горной службы на ее руках лежало все полевое и домашнее хозяйство. Она занималась сенокосами, пашней, разведением овец, тканьем домашнего сукна и разнообразными рукодельями, которым она научилась в земле войска Донского³. Степа выучил-

² Прапрадеда С.И. звали Стахеом или Стофеем. Он остался в России, на родине, но где именно — никаки сведений у потомков не сохранилось. Сын его, прадед С.И. Артамон Стахеевич, вышел в Южную Сибирь около 1720-х годов. Прабабушку звали Евдокией Ивановной, откуда она была родом — неизвестно. В то время, когда С.И. уже начинал понимать виденное, это была слепая дряхлая старуха, постоянно лежавшая на кровати в особой комнатке. Прадед Артамон Стахеевич был тоже жив и имел много лет. У Артамона Стахеевича сыновей было трое: Петр, дед С.И., Иван и Касьян, носивший имя Леонтия. Петр Артамонович был гиттенмейстером (плавильным мастером); чин этот соответствовал X кл. Табели о рангах, но в оный производили только поступавших в горную службу немцев; русских мастеров как-то обходили. Дед был роста несколько выше среднего, коренастый, белокурый мужчина; был женат на Настасье Ивановне Сальниковой. У них было только двое сыновей: Иван, отец С.И., и Николай. Иван Петрович состоял унтер-шихтмейстером и женат был на Дарье Степановне Бурнашевой.

³ Через Дарью Степановну Бурнашеву род Гуляевых находился в близком родстве с известным родом самоучки механика Кулибина.

Ст. Ив. Бурнашев

Дарья Степановна за Гуляевым	Тимофей Степанович, начальник Нерчинских заводов	
Степан Иванович Гуляев	Алексей Тимофеев, офицер, убит на Кавказе в 1838 г.	Анна Тимофеевна за Алекс. Иванович. Кулибиным

Александр Иванович Кулибин, подполковник, сын Ивана Петровича Кулибина, нижегородского механика-самоучки.

ся грамоте очень скоро и читал отлично. Вечерами Дарья Степановна любила рассказывать бывальщины о временах минувших, а то, обладая отличным голосом, устраивала вечеринки, на которых пелось много народных и обрядовых песен. Здесь развивалось у Степы чутье к народным напевам, здесь развивалась любовь к изучению обрядовой жизни русского народа: с самого раннего детства он заучивал и знал множество народных напевов и песен, которые, как увидим ниже, он собрал впоследствии и издал в виде отдельного сборника. Другом-приятелем Степы был старик Трубачев. Это слепой скрипач, под музыку которого устраивались деревенские пляски. Так как хозяйство Гуляевых было не под силу одной женщине, то Дарья Степановна устраивала временами «помочи», мужские и женские: женские — для пряжи шерсти со своих овец и льну, мужские — во время сенокосов и жатвы. Степе помочи эти доставляли величайшее наслаждение: здесь он весь обращался в созерцание и в слух. Обыкновенно помочане и помочанки по окончании работы возвращались домой, одевались в цветное платье и собирались у Гуляевых. Здесь угощались за приготовленными столами: летом — на дворе, а зимой — в комнатах. После угощения и ужина начиналась пляска под музыку, для чего к скрипачу Трубачеву присоединялся иногда кто-нибудь с балалайкой и стре-

меном (треугольником). Пляска сменялась круговыми и обрядовыми песнями, и так продолжалось до утра. И вот неслышно, незаметно среди этих вечеринок в Степе развивался будущий бытовоей этнограф. Он полюбил русскую песню. Он тогда уже знал много народных сибирских и великорусских напевов. Алтай, легендарное Беловодье, положил начало его привязанности к привольной и свободной сельской народной жизни; здесь же развивалась его привязанность к изучению сибирской природы.

В восемнадцати верстах от селения Локтевского, близ так называемых «злодарей», или чудских бугров (курганов), расположены были отцовские пашни и сенокосы. Здесь Степа проводил с матерью целое лето. Вот эти злодари не давали покоя Степе, и он приставал с бесконечными вопросами к Дарье Степановне, недаром его звали почемужником. «Матушка, а зачем эти злодари засыпались в земле? — Ну, засыпались, потому что рать Белого Царя пришла. — Пошто же они не убегли и не воевали? — Трусливый народ, видно, был, вот и засыпались в землю. — Где же у них избы были? — Да где? Да они в земле и жили, там у них все сокровища скрыты. Вот, рассказывают, раз в таких буграх клад нашли, да рассыпался, не дается, значит, кто не зачурался». Пристанет кто-нибудь к разговору, и словоохотливая Дарья Степановна начнет свои неистощимые рас-

сказы о временах минувших. Дети заслушивались ими в летние ночи от зари до зари.

Быстро пролетело время золотого детства. Двое братьев — Степа и Ваня — 3 марта 1819 года были отправлены в Барнаульское горное училище⁴ и жили у тетки, купеческой вдовы Степаниды Степановны Ефтиной. Степанида Степановна по своему характеру мало отличалась от Дарьи Степановны: она была также словоохотливая, также имела отличный голос и пела много народных песен. Степа обратился в Степана Гуляева. Юноша слушал теперь утомительно скучных учителей физики, химии, ориктогнозии, географии, металлургии, маркшейдерского искусства, алгебры, геометрии, логики, географии, истории и языков французского и немецкого. Обучался он всем этим наукам с отличным успехом, особенно любил рисовальное искусство; но его тянет туда, где кипит народная жизнь, — на простор сибирской деревни; для него в русской песне не в пример более логики, чем во всех

учебниках этой науки, которые заучивал он в заводской школе, а истории Дарьи Степановны неизмеримо выше Шрекковой истории. Он делается ревностным собирателем народных былин, песен, сказок, подмечает варианты русских напевов, варианты в тексте; начинает разбираться, какие песни и напевы откуда занесены. Все это вносит в свои записные книжки, и все это после многих лет он соединяет, сводит и издает через О.И. Сенковского в «Отечественных записках» 1848 года в №№ 9 и 19.

Учителями С.И. в Барнаульской школе были следующие лица: законоучитель, протоиерей Куртуков; физики, металлургии и пробирного искусства — шихтмейстер 13 кл. Зубов; алгебры и геометрии — шихтмейстер Бухарев; языков немецкого и французского — унтер-шихтмейстер Некрасов; ориктогнозии и геогнозии — шихтмейстер Бистрем.

По окончании курса в Барнаульском горнозаводском училище 9 июля 1827 года⁵ С.И.

⁴ Дети заводских мастеровых обучались сначала в горных школах при заводских селениях и главным Змеиногорском руднике. Более способные поступали в главное горное училище в Барнауле, которое разделялось на 5 классов, в которых обучались 8 лет.

⁵ На выданной аттестации от учителей верхнего класса обучавшемуся в оном училище горного и заводского производства ученику Степану Гуляеву значится: по физике и химии во все время обучался с отличными пред прочими успехами и прилежанием; по ориктогнозии и геогнозии обучался весьма прилежно и был похвален; по маркшейдерскому искусству учился с примерным успехом, по алгебре и геометрии обучался довольно хорошо, по логике и риторике оказал хорошие успехи, по географии и истории Российской и общей обучался очень хорошо и по новым языкам успевал очень хорошо. На аттестации мнения написаны собственноручно каждым учителем.

Гуляев по предписанию министра Императорского Двора принят на службу в Кабинет Его Величества и поступил старшим писцом в Горное отделение, а потом, когда Колывано-Воскресенский и Нерчинский заводы перешли из ведомства Кабинета Его Императорского Величества вместе с Горным Правлением в Управление министра финансов, он был определен по Департаменту горных дел этого Министерства.

Теперь С.И. выглядывал статным юношей. Он был высокого роста, плотного атлетического телосложения, с несколько смуглым белым лицом и темно-русыми гладко причесанными волосами. Огромная память, умение владеть карандашом открывали ему широкий путь к образованию. Тот добродушный юмор, которым впоследствии отличался С.И., в то время был еще мало замечен.

II

В Санкт-Петербург приехал он с тремя братьями Быковыми. Старший из них, горный инженер Василий Николаевич Быков, познакомил молодых людей со многими петербургскими семьями.

После выслуги определенного числа лет в 1836 году С.И. был произведен в коллежские регистраторы и вслед за этим получил штатное место помощника столоначальника. Помощ-

ники тогда еще не разделялись на старших и младших, жалованья получали по 1200 рублей ассигнациями в год; иные, впрочем, немногие, пользовались, кроме этого, казенной квартирой. Сначала братья Гуляевы жили вместе в казенном доме, а потом С.И. с одним школьным товарищем поселился на Васильевском острове в 15-й линии у одной старушки немки.

Так как служебные обязанности С.И. были не обременительными, то по любви к рисованию он стал посещать вечерние классы Академии художеств. В это время познакомился он с семейством одного заслуженного чиновника, бывшего столоначальником в сиротском суде Филиппа Николаевича Пояркова. Семейство его состояло из жены Екатерины Семеновны, получившей воспитание в Смольном монастыре, и двух дочерей — Саши и Нади, из коих старшей, имевшей лет тринадцать от роду, пригласили С.И. давать уроки из некоторых предметов и рисования; другая была моложе пятью годами.

Привыкнув к этому доброму семейству, С.И. полюбил свою ученицу и, когда исполнилось шестнадцать лет, женился на ней. В приданое за женой получил небольшой деревянный домик в одном из отдаленных от центра города предместий, в который и переехал вскоре после свадьбы, происходившей перед масленицей.

По существовавшей тогда, сравнительно с нынешним временем, дешевизне жалования при готовой квартире и получаемой за частные уроки платы было достаточно для удовлетворения скромных желаний и нужд; на посещение изредка театра, на котором блистал незабвенный В.А. Каратыгин, находившийся в цвете лет; на поездки иногда за город и на другие удовольствия. Хотя сторона, где обитали молодые супруги, была, как говорится, глухая, однако ж они не скучали в небольшом кружке родных и школьных товарищей, приехавших из Сибири искать счастья.

В первые прожитые в Петербурге девять лет С.И. много работал над пробелами в своем образовании. В этом ему помогли знакомства с Измаилом Ивановичем Срезневским и с издателем «Отечественных записок» Сенковским. Из ученика горного и заводского дела начал формироваться этнограф-филолог. Весь досуг свой от служебных занятий в канцелярии он посвящал среде друзей-филологов и художников или изучению законов русского языка, или работал в Академии художеств в качестве вольного рисовальщика.

К этому времени, когда С.И. давал уроки русского языка своей будущей супруге Александре Филипповне, относится составленная им грамматика русского

языка, изданная через двадцать лет под псевдонимом Алейского и под названием «Опыт грамматики русского языка»⁶. Издание это есть конспект филологических познаний, приобретенных в то время автором, но как учебник это сочинение для школы было негодно. Основываясь на том, что общие законы человеческого слова для всех языков одинаковы и что грамматика какого-либо языка требует как наука систематического изложения частных правил, проистекающих из тех же общих начал, автор старается объяснить те психологические и логические понятия, на которые опираются грамматические определения. Так, например, если говорится, что имя есть название предмета, свойства, качества, признака, или что глагол означает бытие, состояние, действие, то автор старается дать понятие о том, что разумеется под словами предмет, свойство, качество, признак, бытие, состояние, действие и т.п. Вот определению этих понятий автор и посвятил почти четвертую часть издания. Справедливость требует сказать, что хотя изданное С.И. сочинение не могло быть принято учебником, но тем не менее этот оригинальный опыт грамматики давал много материала для сознательного употребления отечественного языка, выражающего умственную деятельность русского народа.

⁶ Опыт грамматики русского языка, составленный домашним учителем С. Алейским. С.-Петербург: Типография Веймара. 1859.

III

Годы сменяются годами, а в их течении мужает и крепнет человеческая мысль. Женитьба С.И. нисколько не изменила его образ жизни и не повлияла на его благородные стремления, изменилась только обстановка. Холостяком он жил на казенной квартире, а теперь переехал на частную квартиру сначала на Невском проспекте, а потом на Петербургскую сторону в дом своего деда, доставшийся по наследству. Семья понемногу стала увеличиваться, а вместе с этим увеличивались и расходы. Для С.И. началось время усиленной деятельности. В 1839 году он выступает с первым своим литературным трудом «О сибирских круговых песнях», напечатанным в «Отечественных записках». По службе был несколько раз командирован для присутствия при контрпробах представляемого в казну золота в том случае, когда лица, занимающиеся золотопромышленностью, не присылали своих поверенных. Заявив себя в этих командировках безукоризненной честностью, С.И. был неоднократно всемилостивейше жалован денежными наградами.

В 1842 году С.И. выступил на литературное поприще с обширной и глубоко интересной статьей «Алтайские каменщики». Статья эта сначала была

представлена начальнику Департамента Ев. П. Ковалевскому, который разрешил ее напечатать в 1845 году в «Академических ведомостях» (№№ 20, 21, 22, 28, 29, 30)⁷. В рукописи она была представлена Его Сиятельству принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, от которого Гуляев получил благодарность. К статье, которая у меня хранится в рукописи, приклеен оторванный от другой рукописи лоскуток бумаги с пометкой принца: «Читается статья с удовольствием, как исторический факт, мастерским слогом написанный. 18 февраля 1845 г., воскресенье».

За год перед этим С.И. была напечатана в «Академических ведомостях» статья «О яшмовой чаше». Тогда же обрабатывался обширный этнографический материал Южной Сибири, который составлял плоды многолетних наблюдений С.И. с самого раннего детства. Сюда вошли свадебные обряды, наговоры и заговоры, песни круговые, проголосьные и плясовые. Кроме того, к этой статье присоединен местный этнографический словарь.

Средства к жизни были недостаточны, поэтому С.И. приходилось заниматься частными уроками. Много лет давал он уроки рисования у придворного ювелира и золотых дел мастера Василия Ивановича Кейбеля:

⁷ Извлечения из статьи «Алтайские каменщики» напечатаны также в «С.-Петербургских ведомостях». (1845. №№ 20–30).

детям этого ювелира Юлии, Адольфу, Герминии и обучавшимся у Кейбеля ювелирному искусству юношам, которых было постоянно человек шесть. Так как они занимались целую неделю в мастерской, то С.И. приходил на уроки только по воскресеньям и по праздникам. В то время у одного только Кейбеля и была такая школа, другие ювелиры об этом не помышляли. Ученики были все немцы и сменялись через каждые четыре года новыми, а окончившие учебу представляли ремесленной управе сделанные по ее назначению вещи и получали звание подмастерьев. Из подмастерьев формировались мастера-художники и делались сами ювелирами-хозяевами. Таковыми впоследствии явились Юл. Ив. Лотейер, Ал. Ив. Лен, Кон. Евт. Заурдлендер.

Занимаясь с учениками Кейбеля рисованием, С.И. общал им во время уроков некоторые общеобразовательные познания, хотя эти занятия и не входили в круг обязанностей по условию с Кейбелем. Он знакомил своих учеников с естествознанием, историей, мифологией, искусствами, древностями и проч. В этом деле он не был похот на тех дюжинных учителей, которые, положив пред собою часы, ждут окончания условленного для уроков времени, не скажут ничего дельного, о чем не упомянуто в учебнике.

Праздничные уроки так увлекали учителя и учеников, что Кейбель после трех- или даже четырехчасового урока входил в учебную комнату и вежливо напоминал об отдыхе.

В том же, 1845 году С.И. представил в Императорское Вольное экономическое общество «Естественноисторические очерки Южной Сибири» и три другие статьи о произведениях тамошнего края⁸. Вольно-экономическое общество избрало его своим членом-корреспондентом, «изъявляя чрез сие», как выражено в дипломе, «желание его способствовать распространению полезных экономических знаний и сообщать Вольно-экономическому обществу все то, что может служить к процветанию в России земледелия и домостроительства». Упомянутые выше статьи были потом напечатаны в «Трудах Вольно-экономического общества», 1852. Т. V. К. 2-я.

IV

В 1846 году С.И. по распоряжению министра финансов был переведен столоначальником в отделение частных золотых промыслов. Ученые занятия С.И., как видно, не мешали его служебной деятельности: в 1850 году он был уже в чине титулярного советника и получил знак отличия беспорочной службы за XV лет. В это время им обработана была обширная и глубоко

⁸ Сведения из формулярного списка Гуляева.

интересная статья «Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых» и при ней дневник прапорщика Подзорова. Распространяться о достоинствах этого сочинения, как равно и других, изданных С.И., мы не считаем здесь уместным, ограничимся только указанием на то внимание, каким они своевременно были удостоены. После напечатания вышеупомянутой статьи⁹, Императорское географическое общество избрало С.И. своим членом-сотрудником.

Работая в отделении частных золотых промыслов, Гуляев не ограничивался ролью канцелярского деятеля. Желая всеми силами быть полезным тому действительному делу, которому он служил, С.И. издал «Руководство для золотопромышленников. С.-П. 1852 г.», которое в свое время сослужило свою службу для лиц, плохо знакомых с горным делом. В «Журнале Министерства внутренних дел» он напечатал статью «Колывань-Колывань»; в «Вестнике Императорского Русского географического общества» — «Свадебные обряды в Ярославской губ.» (1852. Кн. 2.); в «Известиях Академии наук» (1852—1853 гг.). — былины, собранные в Сузунском заводе: 1) «Об Илье Муромце и Борисе Збуше», 2) «Про Дуная Ивановича и жену его» и 3) «Про Алешу Поповича и сестру его» и, наконец, в

восьмом выпуске второго тома «Прибавлений к Известиям второго отделения Академии наук» помещены песни, собранные из Локтевского завода.

В Петербурге С.И. вел жизнь чрезвычайно скромную, трудолюбивую. Постоянно занятый службой, самообразованием и научными трудами, он мало отдавал времени удовольствиям семейной и общественной жизни. С 11 часов дня до 6 часов вечера уходил он на службу, а супруга его — на уроки музыки. Семья маленьких детей оставалась под надзором няни. Кружок знакомых состоял преимущественно из лиц, имеющих общие научные интересы. По воскресеньям иногда собиралась молодежь из сибиряков, воспитывающихся в разных учебных заведениях и состоящих на службе. Всех занимали тогда кровавые эпизоды восточной войны. Каждый день с поля битвы приносились известия одно другого тяжелее. «Война, — говорил С.И., — очистительная жертва, ибо над нами одерживает победу наше невежество. Нужно работать, нужно учиться, нужно распространять полезные знания в народе. Сила в экономическом богатстве, а не в русской удали».

К этому времени относится знакомство С.И. с Павлом Ивановичем Якушкиным, известным собирателем народных песен. С Молчановым, известным певцом народных песен, С.И.

⁹ Вестник Императорского Русского географического общества. 1851. Кн. V—VI.

был знаком давно. Однажды, в начале зимы 1856 года, в какой-то праздник С.И. возвратился домой с уроков от Кейбеля. Увидев, что парадная дверь открыта, он заключил, что был кто-нибудь посторонний. Чтобы никого не беспокоить, хозяин вошел в кабинет через черное крыльцо; из зала слышались пение и музыка. Там, окруженный детьми, Якушкин распевал народные песни, аккомпанировала хозяйка дома Александра Филипповна. Гость отрекомендовался и прибавил, что по указанию Измаила Ивановича Срезневского приехал взглянуть на собираемые С.И. былины и народные песни. В отсутствие С.И. его жена Александра Филипповна, большая любительница музыки, отыскала положенные на ноты напевы некоторых обрядовых и хоровых песен, неизвестных еще и теперь в музыкальной литературе, и предложила разыграть их на фортепьяно. Напевы были незнакомы Павлу Ивановичу, притом он не знал нот и не играл ни на каком инструменте, но при чутком слухе отзывался на каждую народную мелодию, прислушавшись, начинал петь под аккомпанемент. Два любителя русской народности встретились как старые знакомые. Завязалась оживленная беседа о былинах и песнях. С.И. играл на гитаре и потому знакомил гостя не только с содер-

нием песен, но и с напевами. За этой беседой новые знакомые провели время до поздней ночи.

Потом Павел Иванович Якушкин заходил к Гуляевым довольно часто, пел с детьми народные песни, рассказывал о своих похождениях в народе. Часто затягивал особенно любимую детьми песню «Ах ты, тпруська, ты, тпруська, бычок»¹⁰ и заставлял детей плясать под этот напев камаринскую. За время знакомства с Якушкиным С.И. совершенно изменился.

Усидчивая кабинетная жизнь особняком от семьи сменилась оживленными вечеринками. Когда являлся Павел Иванович, в семье Гуляевых был праздник. Вечер начинался с того, что Павел Иванович, усадив старшего сына Колю Гуляева на колени перед фортепьяно, заставлял разбирать нехитрые ноты и играть обрядовые и хоровые песни. Кругом рассаживалась остальная детская компания. Когда аккомпанемент не удавался, тогда садилась за фортепьяно Александра Филипповна, а сам С.И. подыгрывал на гитаре. Напевы сибирских обрядовых и круговых песен, неизвестные еще в музыкальной литературе, нравились Павлу Ивановичу. С.И. списал для Якушкина ноты из песни «Варили девицы пьяное вино». Якушкин потом с хором из своих приятелей пропел эту

¹⁰ Песня «Бычок» помещена во 2-й тетради собрания русских народных песен Стаховича.

песню в Московском дворянском собрании и произвел большой эффект.

На этих вечеринках обсуждались планы записывания сибирских народных мелодий по примеру преждевременно похищенного смертью Стаховича и делались попытки составить из обрядовых и хороводных песен небольшой дивертисмент; тут же пробовали приготовить для сцены сибирскую «восьмерку» — этот оживленный танец, далеко превосходящий, по мнению С.И., заморскую кадрили. Иногда Павел Иванович рассказывал о своих странствованиях и о своих дорожных воспоминаниях. Напечатываются ли когда-нибудь веденные им во время своих странствований записки, а покойному С.И. Гуляеву он их прочитывал. В них, по рассказам Гуляева, заключалось много интересного, ибо в переходах с корабом из одного села в другое он вращался в разных слоях русского народа, бывал в

качестве коробейника и в домах помещиков, сталкивался с сельскими властями, со станowymi, а в 1859 году угодил даже в земляную тюрьму в городе Пскове по распоряжению полицмейстера полковника Гемпеля. История об этом, напечатанная Павлом Ивановичем¹¹ в газетах, была одной из первых в нашей литературе обличительных статей и повела к улучшениям по тюремной части.

В частых беседах своих Павел Иванович неоднократно убеждал Гуляева взять на лето отпуск и отправиться вместе по Святой Руси с той же, как и он, целью. С.И. давно помышлял о таком путешествии и раз чуть было не решился разделить труды Якушкина, но обстоятельства не позволили осуществить этого намерения. Его тянуло на дальнюю родину, где нетронутая природа обещала исследователю много богатств, где в далекой глуши народная жизнь сохранила первобытную про-

¹¹ По рассказам С.И. Гуляева, Павел Иванович Якушкин был небольшого роста, лицо имел рябоватое, рдевшее румянцем; волосы прямые, как смоль, черные, подстриженные в скобку; короткий, вздернутый кверху нос; густую, не слишком длинную бороду, носил очки. В синем суконном сюртуке, похожем на «сибирку», в пестром бархатном жилете с блестящими стеклянными пуговицами, в сапогах, называвшихся стрелковыми (оттого, что их ввели тогда в употребление в стрелковом батальоне, сформированном во время восточной войны из удельных и дворцовых крестьян), Павел Иванович в размашистых движениях при разговоре представлял тип разбитного московского молодца-приказчика. Во время пребывания в Петербурге он носил темно-синюю шинель вроде чиновничьей со стоячим бобровым воротником и небрежно надетую на голову фуражку, летом — синий суконный армяк в накидку. Павел Иванович любил иногда выпить, но в то время страсть эта еще не развилась, и его весьма редко можно было заметить охмелевшим; лишняя рюмка не производила на него действия, он был одинок, только речь и движения казались несколько энергичнее.

стоту нравов и драгоценные сокровища не испорченных древнерусских мелодий.

Помимо того, что С.И. тянуло на свою дальнюю родину и жизнь в Петербурге с большой семьей (тогда было пятеро детей) год от году делалась дороже, ученые труды оплачивались плохо. Случай к тому, как увидим ниже, скоро представился. В конце пятидесятих годов С.И. до отъезда своего из Петербурга напечатал статьи: «О графите», «О сибирской слабительной соли» и «О глинистом сланце», из которого можно добывать горючую жидкость. Все три статьи помещены в «Трудах Императорского Вольно-экономического общества». Кроме того, в «Вестнике промышленности», издававшемся в Москве Фед. Вас. Чижевым, за 1858 год поместил статью «О механике Ползунове», в «Археологическом вестнике» — «О древних каменных статуях в Строгоновском саду»; в «Академических ведомостях» (1858. № 38.) — «Кулундинская степь» и «О золотых россыпях и рудных месторождениях в киргизской степи» (1858. № 52.).

V

В 1859 году министр финансов определил С.И. советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления с пребыванием в го-

роде Барнауле. По приезде в Сибирь семья Гуляевых встречена была с полным радушием, особенно старыми знакомыми, дети которых пользовались в Петербурге вниманием этой семьи. Жизнь, сравнительно с Петербургом, была баснословно дешева¹², поэтому не требовала таких тяжелых трудов со стороны обоих супругов, как в Петербурге. Дети теперь стали иметь возможность пользоваться большим надзором матери, чем прежде. С.И. по-прежнему был занят службой с утра до ночи. Первую скромную квартиру Гуляевы заняли по Тобольской улице в доме Зубарева против острога, а потом вскоре перешли в дом Рекс против бульвара. В то время клубов в городе не было, и знакомые «гостились» друг у друга по очереди или заходили на огонек. Радушно встреченная барнаульским обществом, семья Гуляевых платила ему тем же радушием, поэтому в самом непродолжительном времени гостеприимство гуляевского дома открыло двери для всех, в особенности частыми посетителями были знакомые по службе Ястржемский, Орловский, Платонов, Пранг, Богданов и Сохинский.

Наружность С.И. в пятьдесят лет значительно изменилась. Он пополнел и при высоком росте казался здоровым и могучим. Немного поседевшие темные коротко подстриженные волосы

¹² Мясо — 1¹/₂ к. фунт, мука ржаная — 15 к. пуд, масло — 25 к. фунт.

с зачесанными вперед косочками обрамляли здоровое лицо. Носил он коротко отпущенные густые усы без бакенов. Выражение лица было всегда добродушно-приветливое с легким отпечатком юмора. Его костюм был свободен и прост. В кружке немногих друзей, которые собирались около него, он был всегда весел, всегда имел материал для разговоров и был самым приятным собеседником. В беседах был чужд всяких пересудов, и если разговор клонился к этому или переходил в неприятный спор, то С.И. всегда пресекал его словами: «Оставим это, в нашем распоряжении для бесед есть искусства, наука — материал неисчерпаемый!». Более всего С.И. занимал народный быт и богатства Сибирской страны. Его кабинет был складом всевозможных научных материалов по минералогии, зоологии, ботанике, археологии; тут же хранились фолианты рукописей и книг. Все это считал он достоянием раз-

личных ученых обществ, для себя не оставляя ничего. К этому времени относится знакомство С.И. с французским ученым Густавом Луи Марием Менье, прибывшим в сопровождении прусского артиллериста офицера Неймана в 1860 году в Барнаул для археологических и геологических изысканий¹³.

Утро С.И. аккуратно отдавал служебным занятиям, вечер с 5 до 8 и 9 часов — друзьям, а затем предавался своим научным занятиям. К этому времени относятся напечатанные им в «Академических ведомостях» в 1859 году № 175 письма «О народно-врачебных средствах» и в «Вестнике Императорского Русского географического общества» (1859. № 33) «О пожарах в Локтевском и Салаирском заводах», «О древностях в киргизской степи». При письмах от 25 марта 1860 года отправлены были в Императорское Русское географическое общество статья «О географических сведениях древ-

¹³ Густав Луи Марий Менье путешествовал в Сибири с июля 1860 г. по 12 марта 1861 г. Путешествие это предпринято по поручению и на средства барона Эйхталя, управляющего одним из кредитных учреждений Франции для исследования Сибири и киргизских степей. Менье 8 июля 1860 г. прибыл в Барнаул, затем отправился через Змеиный город в Тигирецкий рудник. Там занялся исследованием семи пещер на реке Ин. При раскопках на значительную глубину нашел там много костей животных древней эпохи и наконечников стрел. Там же нашел остов мамонта, расхищенный и испорченный крестьянами при добывании глины. Затем им были исследованы пещеры близ дерев. Чагыра. Из Чагыра Менье ездил в Бийский округ и 14 сентября возвратился в Барнаул. Здесь он занялся раскопкой курганов в 9 верстах от Барнаула по дороге в деревню Гоньбу, причем нашел много костяных наконечников стрел, полированных сердоликов и железных предметов. В декабре Менье отправился в Томск, простудился и 12 марта 1861 года умер в Барнауле.

них народов» и Измаилу Ивановичу Срезневскому для второго отделения Академии наук статья «О былинах». В Императорское географическое общество представлены «О крестинизме и зобах на реке Лене» 1857 года, «О дикой девушке, найденной в Иркутском округе» 1867 года, «Рассказ крестьянина Токарева, бежавшего из плена от китайцев в 1777 году» (статья представлена Изм. Иван. Срезневскому), «О древних сосудах, найденных в Гурьевских заводах» («Вестн. Археолог. общества»).

Независимо от научных занятий С.И. занимался садоводством и распространением в населении полезных растений, собиранием древних рукописей и книг и коллектировал во всевозможных специальностях. Так, в октябре 1859 года были выписаны от Вагнера в Риге табачные семена, а в июне следующего года С.И. посылает в Вольно-экономическое общество образцы листового табаку¹⁴. Туда же вскоре отправляет он коллекцию полезных минералов¹⁵. В первые четыре года сбор рукописей и редких книг шел довольно успешно. Все свои приобретения С.И. представлял через барона М.А. Корфа в Императорскую Публичную биб-

лиотеку¹⁶. Кроме того, С.И. Гуляев занимался акклиматизацией растений и семена их отправлял в Общество садоводства и в Императорское Вольно-экономическое общество¹⁷.

С.И. задался мыслью, с одной стороны, распространять в народе полезные и практические познания, а с другой стороны, знакомить ученый мир с естественными произведениями Сибири. Кроме того, он находил время для составления самых разнообразных проектов. Так, например, в апреле 1860 года он представил во временный Артиллерийский комитет записку о конических и пирамидальных ядрах и о чугунных пулях со свинцовой оболочкой. В подобных же письмах он не раз обращал внимание военного ведомства на месторождения свинца и горючей серы в киргизской степи, в рудниках Поповых, при этом проектировал устройство там заводов для добывания этих минералов на случай снабжения войск свинцом и порохом в военное время. С.И. доказывал, что сооружение в степи подобных заводов важно если и не для целей войны, то по крайней мере в видах развития там горной промышленности, «где руды и камень лежат просто под ногами», а Поповы между тем не

¹⁴ Письма в В.Э.О. 8 июля и 19 августа 1860 года.

¹⁵ Письмо в В.Э.О. 15 июля 1860 г.

¹⁶ Письма М.А. Корфу 15 апреля и 19 октября 1860 г. Письмо в Импер. Русск. геогр. общество 8 июля 1862 года.

¹⁷ Письма 2 ноября 1882 г., 13, 17 декабря 1882 г., 17 октября и 1 декабря 1883 года.

имеют средств приступить к этому. В Окружном Артиллерийском Управлении военного округа производилась в 1865 году переписка по этому проекту Гуляева, но осталась без последствий. Управление, однако, обращалось (13 января 1866 года за № 103) к начальнику Алтайских горных заводов с вопросом, в какой мере справедливо указание Гуляева о существовании в Сибири серы, будет ли добывание ее представлять какие-либо удобства и выгоды для казны по местным обстоятельствам края и какие для этого могут потребоваться расходы?

Научная деятельность С.И. Гуляева за время 1859—1864 гг. была оценена следующими учеными обществами: Томский статистический комитет 30 ноября 1859 года сначала избрал его корреспондентом, а потом, 24 августа 1861 года, действительным членом; Общество садоводства 30 апреля 1864 года избрало С.И. членом-сотрудником; Императорское Вольно-экономическое общество дало 30 декабря 1860 года похвальный отзыв за представленные С.И. на выставку сельского хозяйства и промышленности разные полезные материалы, а 22 февраля 1861 года то же общество присудило С.И. бронзовую медаль за доставленные на выставку 1860 года образцы саксауля, сладкой травы, чая и в особенности за представленные табак, сигары и папиросы хорошего качества.

Научные занятия хотя и отвлекали С.И. от того гнетущего состояния, в которое приводили всюду господствовавшие тогда взяточничество и злоупотребления, однако ужиться с этим злом он не мог. Барнаул и весь Алтайский горный округ представлял тогда соединенное родственными связями гнездо казнокрадов; связи эти закреплены были и в Петербурге. Не раз С.И. писал туда, что жизнь его делается невыносимой среди открыто царящего зла и что он не может совладать с собой, чтобы удерживаться от разоблачений. На эти жалобы он получал ответы внушительные: «Заехали в яму, так и живите, как другие живут; не нами заведены эти порядки, не нами и кончатся».

VI

С целью лично ознакомить петербургский административный мир со страшными злоупотреблениями на Алтае С.И. испросил в декабре 1863 года разрешение сопровождать второй зимний караван с частным золотом. В Петербурге С.И. отдыхал шесть месяцев в среде своих старых знакомых: Александра Петровича Милокова, Дмитрия Сергеевича Елина, Александра Ивановича Ходнева, Николая Семеновича Щукина, Измаила Ивановича Срезневского, Владимира Ивановича Ламанского, Владимира Николаевича Майкова. В это время возбужден был вопрос об учреждении

в Барнауле гимназии, и С.И. оказался полезным по сообщению некоторых сведений относительно помещения гимназии и по вопросу об устройстве ее администрации. В принципе было решено преобразовать в гимназию Барнаульское горное училище и поместить его в зданиях Горного правления, где уже помещены прекрасный Алтайский музей и библиотека. В Петербурге С.И. обнадежили, что с возвращением в Барнаул он приедет к открытию гимназии. Действительно, вслед за возвращением Гуляева в Барнаул съехались назначенные в гимназию преподаватели, им назначены были оклады жалованья, а гимназия не открылась до настоящего времени.

Из Петербурга С.И. возвратился и ободренный, и обескураженный: ободрен он был приветом добрых ученых друзей, а обескуражен тем, что ему было внушено кем следует «непротивление злу». Разоблачения злоупотреблений были бесполезны. Оставалось одно — беречь самого себя и всецело отдаться научным исследованиям родины. Жалованье по службе С.И., как и всему так называемому «золотому столу» Горного правления, полагалось небольшое в предположении на мзду законную и незаконную. Законной мздой назывался установленный временем известный процент с доставленного золотопромышленниками и их доверителями золота.

Процент этот доверители до приезда С.И. уплачивали лично сначала советнику, потом секретарю и, наконец, на все отделение. В разговоре с доверителем самый ничтожный корыстолюбивый намек чиновника золотого отделения обязывал первого к немедленной уплате законной мзды. В то время в Иркутске золотоплавильной лаборатории не было, и всю баснословную добычу золота с приисков Сибирякова, Немчинова и Базанова доставляли в Барнаул. Узаконенная мзда, или процент с золота, достигала до нескольких тысяч рублей. С.И. относился к этого рода «знаку благодарности» крайне брезгливо; однако воспретить его своим подчиненным не мог в силу петербургских инструкций. С доверителями и золотопромышленниками, которые к нему являлись, вместо корыстолюбивых намеков на вознаграждение за труды он обыкновенно заводил нескончаемые беседы о природе тех стран, откуда они прибыли, о минералах, о золотоносных песках и о разных разностях. Доверенных от промышленников, которые были знакомы со всякого рода вымогательствами, такой образ действий «чудного» советника сначала удивлял, а затем сделался обыкновенным. Чины золотого стола, зная слабость С.И., для сокращения времени золотопромышленников часто не допускали их к своему советнику, а брали на себя все хлопоты по выдаче ассигновок,

получая мзду за него и за себя в один карман.

Незаконная мзда до С.И. вымогалась разными прижимками: как в получении доверителями ассигновок, так, в особенности, по заявкам и отводу золотоносных площадей. Этого рода мздой создавались капиталы в сотни тысяч рублей. Дело в том, что отводы золотоносных площадей в прежнее время исключительно зависели от золотого стола. Советники и столоначальники могли не только задержать заявку, но даже не утвердить ее, а передать заявленную площадь в казну. Золотопромышленнику выгодно было подчиниться какому угодно требованиям советника. Вот в этих делах и совершались крупные сделки между золотым столом и золотопромышленниками. При упрямстве золотопромышленника или его доверенного заявка площади не утверждалась, и они теряли тысячи рублей. С.И., насколько мог, искоренил этот род взяточничества. Впоследствии отвод площадей стал зависеть исключительно от ревизоров, которые хотя и прежде ведали это дело, но сами находились в зависимости от золотого стола. Напутствуемый добрыми пожеланиями петербургских друзей, сторонников «непротивления злу», С.И. поставлен был в необходимость «сора из избы не выносить».

В 1864 и 1865 годах в Барнауле свирепствовали страшные пожары. Причину поджогов при-

писывали сосланным в то время полякам-повстанцам. Дело дошло до того, что многие жители побросали свои дома и со всем имуществом выселились в палатки на берег реки Оби. Из города высланы были все поселенцы и подозрительные люди, и поджоги мало-помалу прекратились. Тревожное состояние духа, вызываемое пожарами, не надолго прервало научные занятия С.И. Тем временем в Барнауле появились свежие молодые силы. Это был так называемый институт мировых посредников, только что введенный в Алтайском горном округе. Молодые люди с университетским образованием набраны были преимущественно из чиновников Главного Управления Западной Сибири. Это первые пионеры веяний шестидесятых годов явились в страну закоренелого взяточничества апостолами справедливости с видимым желанием принести пользу стране; но, увы, все благородные стремления были только на словах: при первом столкновении с действительностью большинство их потонуло в общем омуте самого грубого взяточничества.

В это же время в Барнаул прибыла молодежь, уволенная за беспорядки из разных университетов. Молодые люди были приняты в дом С.И. как свои родные. Им он отыскивал уроки, занятия, старался внушить любовь к исследованиям. К проступкам и вообще к деяниям тогдашней молодежи С.И. относился край-

не благодушно. Все университетские беспорядки, всю либеральную болтовню считал он делом крайне несерьезным. Истинные причины беспорядков в университетах он приписывал, с одной стороны, слабой подготовке студентов к слушанию университетских курсов, а с другой — небрежным отношениям к своим обязанностям самих профессоров. Обыкновенно он всегда уклонялся от разговоров по вопросам, которые были злобой дня шестидесятих годов. В записках С.И. сохранилось письмо одного университетского студента, которое совершенно подтверждает вышесказанные взгляды.

В 1865 году по поводу назначения в Париже первой всемирной выставки в Барнауле было учреждено особое отделение Омского Комитета, на которое было возложено выслать возможно полное собрание сырых и обработанных продуктов, а также естественных произведений Западной Сибири. Бывший начальник горных заводов Фрезе назначил в отделение членами полковника Филева, советника Платонова, подполковника Ярославцева и С.И. Гуляева. По открытии Барнаульского отделения всю работу поручено выполнить Гуляеву как человеку, всецело преданному науке.

VII

После поездки в Петербург, после тревог, вызванных пожаром, С.И. мог приступить к сво-

им обычным занятиям только в конце 1866 года. В это время он тщательно собирал сведения о рыболовстве в Телецком озере при генерал-губернаторе Капцевиче, о минеральных ключах на Алтае и о байкальском горном воске (изокерите). Разыскав в делах сведения о том, что бывший генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич занимался в двадцатых годах настоящего столетия устройством сельдевых рыбалок на Телецком озере, С.И. старается обратить внимание людей предприимчивых на эту полезную для края, еще не тронутую отрасль промышленности. Для этого он напечатал в «Томских губернских ведомостях» статью «О сельдях в Телецком озере» (1865. № 43), завел переписку по этому вопросу с академиком К.М. Бером, просил содействия по доставке сельдей в Барнаул мирового посредника Мамонова, писал о важности этого промысла супруге томского губернатора Аделаиде Алексеевне Родзянко. Бескорыстные рекламы долго не давали настоящих результатов. Наконец С.И. упрощает барнаульского мещанина Сулонова, проживающего в миссионерском стане Кебезеки, близ Телецкого озера, заняться этим промыслом. Сулонов наловил этих сельдей до трех пудов, но засолил очень плохо. С.И. в следующем году дал ему подробные наставления, как надо поступать при засоле сельдей, и убедил рыболовов не отчаиваться и не бро-

сать этого дела. В июле 1868 года Суслонов вместе с барнаульским мешанином Трепихиным занялись рыбной ловлей, добыли 18 пудов сельдей¹⁸, продали их в Барнауле по 6 рублей пуд и тем закончили дело. Потом С.И. рекламировал добывание в Телецком озере другого рода мелких сельдей, очень сходного с кильками. Дело с рыболовством на Телецком озере не подвинулось ни на шаг до настоящего времени.

В 1867 году С.И. публикует в «Записках Императорского Русского географического общества» и в «Томских губернских ведомостях» статью «О минеральных ключах в деревне Новой Белокурихе» (1867 г., июнь). Подробную статью о ключах Алтайского горного округа: щелочных, соленых, серных, железных и проч. — он послал в издания Академии наук через К.М. Бера 8 сентября 1867 года. Тем временем все усилия свои С.И. направляет теперь к распространению сведений об утилизации естественных богатств Западной Сибири. Старательно отыскивает в разных местах Сибири литографный камень, наждак и трепель; занимается приготовлением ирного мочала и сосновой шерсти и, наконец, открывает способ окраски овчин в черный цвет. Известные по своей мягкости, прочности и крепости барнаульские полушубки готовятся и окрашиваются по способу С.И.

Отыскивая растительный

продукт, который бы заменил дорогостоящие чернильные орешки при приготовлении чернил, С.И. смешивал отвар ивовой коры с раствором хромовокислого кали, причем чернила получались удовлетворительные. Затем ивовый экстракт он заменил сандалным, и цвет черной краски получился еще лучше. Доискавшись дешевого способа приготовления такой краски, он начал делать опыты над окрашиванием ею разных предметов и, между прочим, бараньих овчин. Опыты удались, но овчины, окрашенные этим способом, пачкали, поэтому нужно было определить пропорцию смеси. Делая дальнейшие опыты над составами, С.И. нашел, что мездра овчин от хромпика приобретает весьма важное в экономическом отношении свойство: она не «колеет», не лопается, а если промокнет от дождя, то стоит только выжать и повесить для просушки подальше от печи, и она принимает прежний вид. Оказалось потом, что тем же раствором можно покрывать не вычищенные ваксой сапоги, отчего кожа делается более прочной, не боится мокра, не бурет. Сыромятные ремни на сбруе, покрытые раствором экстракта, также приобретают прочность.

Изучив способы окраски овчин, С.И. пригласил одного бедного барнаульского шубника и показал ему окрашенную овчину.

¹⁸ Телецкая сельдь однородна с омумем и бешенкой.

— Идет это к вашему делу?
— спросил его Гуляев.

Шубник осмотрел окрашенную овчину, помял в руках, потер на ладони и ответил:

— Как же, С.И., и оченно это идет, только это, поди ведь, в Рассее так красят, у них составы другие.

— А хочешь, научу, только смотри, брат, уговор: когда разбогатеешь, шубы на мою семью шить без барышей, по своей цене. Согласен?

— Нет, да чаво, у нас мастеров нет, у нас это дело не пойдет.

— А ты пробуй, ведь с тебя за показ денег не берут.

С.И. показал шубнику красивые экстракты, показал способ окраски овчин, наконец, дал для образца самые растворы и взял слово, что шубник сделает пробы. Долго мастер не показывался, что немало смущало С.И.; между тем он принялся за работу с толком и энергией. Окрасил овчины, сшил несколько полшубков и пустил в продажу. Знайки дела сразу оценили их достоинство. Спрос возрос до того, что небольшая мастерская не успевала ему удовлетворять. Через месяц шубник явился к С.И. с благодарностью: принес три рубля и поклоном в ноги просил принять их за вычку.

— Ну что же, идет дело? — спросил С.И.

— Слава Богу, слава Богу! Ровно надо бы пойти: спрос большой на эту окраску.

Действительно, не прошло и года, барнаульские полшубки сделались известными от Иркутска до Москвы. С.И., когда зайдет речь об этом предмете, любил показывать знак благодарности простолюдина, полученный за открытие, и гордился им не менее дипломов, которые получал он от разных ученых обществ.

Не так успешно шла у С.И. такая же бескорыстная пропаганда приготовления сосновой шерсти для набивки матрацев, мебели, для вязания чулок и носков. Еще в сороковых годах, как прусский лесничий Папневиц пустил в продажу различные предметы, приготовленные им из сосновой шерсти по изобретенному им секретному способу, С.И. Гуляев стал отыскивать подобные же способы и в 1847 году довел до сведения Императорского Вольно-экономического общества свои открытия. Способ приготовления сосновой шерсти чрезвычайно прост: сосновые иголки распаривают около суток в котле с водой, после этого разбивают в чугунных или деревянных ступах с плоским дном; для обработки игл в большом виде можно употреблять жернова или чугунные вальки. Прямое волокно промывается и просушивается. Остающаяся от распариваемых игл вода может употребляться для целебных ванн, и из нее получается эфирное масло. По приезде в Барнаул С.И. во-

зобновил работы с сосновой шерстью, предлагал многим мастерам готовить ее, но никто не обратил на это внимания.

Также неудачно шло распространение мочала для набивки матрацев из ирной травы (*Acorus calamus*). Вываривая в щелоке с известью стебли и листья ира, чтобы отделить от волокон каменистые вещества, С.И. получал чрезвычайно мягкое ароматическое мочало. Он предполагал, что им изобретенное ирное волокно пойдет как суррогат тряпья при выделке писчей бумаги. Об исследованиях своих он делал сообщения в Общество поощрения русской торговли и промышленности, а также в Общество попечения о раненых и больных воинах.

В это же время С.И. ведет большую переписку о байкальском горном воске. Еще в конце сороковых годов, живши в Петербурге, С.И. видел образцы горного воска (изокерита), найденного в Галиции близ Бориславля (недалеко от Львова). В то время находке этой не придавали особенного значения, так как не знали, что с ней делать; притом горные рабочие по опыту убедились, что в тех местах, где встречается горный воск, количество нефти очень небольшое. В 1867 году воск этот стали перерабатывать в осветительные материалы, научились его выбеливать, и до-

бывание значительно увеличилось. В 1869 году С.И. получил сведения, что такой же изокерит выбрасывается водой на берега Байкала и употребляется бурятами вместо свеч. Доставленные с Байкала образцы горного воска были самого высокого качества, а потому, исследовав свойства этого минерала, С.И. начал пропагандировать приготовление из него различных цветов минерального воска. Статью по этому вопросу «Байкальский воск» он поместил в «Томских губернских ведомостях» (1869. № 23.). Предпринимателей не нашлось, однако, до сего времени.

К научным трудам С.И. за это время относятся следующие: в «Губернских ведомостях» (№21—23) напечатаны две статьи: «О караване, отправленном в Пекин в 1736 г. с мягкой рухлядью»¹⁹ и «Алтайский карлык». В следующем, 1870-м, году представлена в Томский губернский статистический комитет статья «О сибирских фламингах», которая была напечатана в «Томских губернских ведомостях». В июне того же года сделано сообщение в Императорское Русское географическое общество «О народных врачебных средствах Западной Сибири», а 24 декабря послана в то же общество статья «О торговле Западной Сибири с Китаем». Наконец, в конце 1870 года С.И. по-

¹⁹ Подлинный путевой журнал препровожден в Императорское Русское географическое общество 16 марта 1869 г.

местил в «Русском Архиве» статью «О собранных сенатским секретарем Соболевым материалах о войне с турками, кончившейся Кучук-Кайнарджирским миром». Кроме печатных статей, С.И. Гуляев с 1867 по 1871 гг. собирал и отправлял в различные учебные общества и специалистам различных наук всевозможные коллекции²⁰, вел также научную переписку — самую разностороннюю. По его дневному журналу значится, что в четыре года отправлено деловых писем 1478 номеров.

Работая в области промышленности и торговли, С.И. за это время не оставлял своих филологических исследований по собиранию этнографических материалов. В конце шестидесятих годов он нашел в Алтайском округе «золотого человека», как он выражался, — певца былин. Этот золотой человек был крестьянин деревни Ересной, слепой старик 72-х лет, крестьянин Тупицын. Он обладал обширнейшей памятью, знал много старинных народных песен, заговоров и былин. С помощью Тупицына С.И. много пополнил ранее изданные этнографические очерки Южной Сибири и приступил к составлению более обширного этнографического

труда, разделенного на две части. В первой собраны исторические данные о заселении Алтайского округа и развитии в нем земледелия, скотоводства, горной промышленности и торговли; вторая часть представляет сборник былин, песен с переложением напевов на ноты, обычаев и обрядовых песен. Этот труд до сих пор не напечатан и находится в бумагах, оставшихся после смерти С.И.

VIII

Отдавая большую часть времени служебным и научным занятиям, С.И. не чуждался и общественных интересов и, где нужно, горячо отстаивал правое дело. В это время злобой дня глубокой провинции был вопрос о Барнаульском клубе. Барнаульский клуб — учреждение старое. По уставу в члены его и гостями можно было приглашать лиц всех сословий, «которые по образованию» могут быть приняты в порядочном обществе. До шестидесятих годов обычными посетителями этого клуба были преимущественно инженеры и так называемые «свои люди» из сословий купеческого и чиновничьего. Затруднений в общественных отношениях по клубу не встречалось.

²⁰ 17-го ноября 1867 года отправлена в Императорское Русское географическое общество коллекция минералов; 6 декабря 1868 года коллекция черепов, найденных в золотой россыпи Каса в киргизской степи; 3 декабря 1870 г. отправлена в то же Общество коллекция чудских вещей. В Императорскую публичную библиотеку отправлены рукописи и книги 1 октября 1869 г., 7 января 1870 г. и 24 февраля отправлено несколько рукописей в Императорское Русское географическое общество.

После шестидесятых годов, когда эмансипация стала проникать в глубину провинций, прежде мелкое горное чиновничество, а также и лица других сословий стали держать себя более свободно по отношению к своим господам — горным инженерам. Некоторые из них стали появляться в Барнаульском клубе, чем возбуждали неудовольствие местной аристократии. Раз в 1868 году пришел в клуб уставщик Бронаков, и неудовольствие, прежде скрываемое, вспыхнуло... Продолжаю рассказ словами С.И.: «Гг. члены-чиновники, находя это почему-то не соответствующим боярским принципам, порешили изменить устав и составили постановление, чтобы канцелярских не допускать в высшую сферу. Затем студент Пешков, не зная об этом, ввел в клуб в качестве гостя В.М. Климова, тоже уставщика. Некоторые из членов (кажется, Суд...кий и Сох...кий) сейчас же распорядились вывести Климова, а Пешкова хотели подвергнуть исключению».

С.И. горячо протестовал против несправедливого отношения членов к мелкому чиновничеству. Он указывал на статью устава, по которой гостями могут быть приняты все лица, принимаемые в порядочном обществе, а Бронаков и Климов, хотя и принадлежат к мелкому чиновничеству, но считаются людьми вполне заслуживающими почтения. С.И. доказывал, что члены

клуба не имеют права закрывать путь для мелкого чиновничества к облагороженному образу жизни посредством общения с образованными людьми.

Начальник горных заводов был тогда в Петербурге, а по приезде в Барнаул посетил два раза клуб, а потом перестал. Несмотря на это, ему посылались извещения. Таким образом, накануне вступления Государя на престол было послано извещение о семейном вечере. Некоторые члены, пришедши в клуб (Б...нов), передали, что начальник не будет там никогда, считая клуб «обществом кухарок и сволочи». Некоторые из членов приготовили заявление и просили начальника объяснить причины такого отъезда. Когда известие это сообщено было начальнику, то он без объяснений через М...вского возвратил билет почетного члена. «Затем, — пишет С.И., — возвратили билеты Ч...инский, Б...ин, Пр...кий и другие прогрессисты. В угоду начальству они составили заявление закрыть клуб, а имущество ликвидировать». С.И. с юношеской горячностью (ему было 63 года) отстаивал необходимость общественного собрания. При баллотировке вопроса о закрытии клуба голоса разделились поровну, и клуб на время остался. Впоследствии дом, в котором помещалось собрание, горное ведомство отобрало у протестантов в казну, и они должны были нанять новое помещение. Таким образом, сформировалось в Бар-

науле всесословное общественное собрание. С.И. Гуляев принимал в этом горячее участие, несмотря на неудовольствия своего непосредственного начальника.

IX

Лично познакомился я с С.И. в июне 1871 года в бытность свою в Барнауле. Несмотря на то, что старику было 66 лет, он выглядел могучим красивым мужчиной, с легкой проседью в голове и густых усах (бак и бороды он никогда не носил). Он был теперь в чине коллежского советника и имел в петлице орден Св. Владимира за 35-летнюю беспорочную службу. Выражение лица было всегда веселое, приятное; движения — по возрасту живые. По временам он участвовал в дамских кавалькадах, в любительских спектаклях и, несмотря на почтенные лета, был всегда самым желательным кавалером. Костюм имел обыкновение носить свободный и избегал новомодных покроев. Его рабочий день начинался летом с шести часов утра, когда он выходил в свой садик, где до 8 часов работал с лопатой и заступом над культурой разных полезных растений. В 8 часов являлся к утреннему чаю, обыкновенно с книгой или газетой. В 9 часов уходил на службу и оставался там до двух часов. В 2 часа он обедал в кругу своей большой семьи и почти всегда нескольких добрых знакомых. После обеда шел к

своему письменному столу, за которым лежали раскрытые на известной странице рисунки, окаменелости, препараты разных производств, минералы. Здесь с трубкой в руках отдавался он чтению или рисованию два или полтора часа, а затем час отдыхал в постели. С 4 или 5 часов С.И. работал в саду, а затем, после вечернего чая, садился за книги и записки и оканчивал рабочий день далеко за полночь.

Я провел в обществе С.И. целый месяц и убедился, что распределение дневных занятий всегда одно и то же. Беседками его пользовался я или тотчас после обеда, или поздней ночью. Разносторонние сведения о Сибири, горячее желание помочь ей в экономическом благосостоянии всегда воодушевляли С.И. Среди косного провинциального общества С.И. всегда был рад свежему человеку, пред которым мог излить свои чувства. Здесь он готов был делиться всем запасом знаний, которые скопил долготелными опытами. Все коллекции, весь архив бумаг являлся тогда в подкрепление слов.

В гостиной, в клубе С.И. не любил ученых бесед. Здесь разговор был чужд всякого научного педантизма. Среди светского общества С.И. был отличный рассказчик, прекрасно декламировал и читал древнерусские былины, отлично передавал различные сцены Грибоедова, Гоголя, Фонвизина, знал множество юмори-

стических житейских сцен, очевидцем которых он был сам. Словом, в обществе С.И. скучать было нельзя. В разговоре он не мог выносить вульгарных выражений и строго преследовал за них собеседников, кто бы они ни были. Никогда он не позволял себе простых халатных отношений даже к самым близким знакомым. В разговоре с супругой называл ее не иначе, как Александра Филипповна. «Ах, Александра Филипповна, оставьте это!» — говорил он, когда беседа случайно вступала на почву городских сплетен, или покроя платья, или даже просто смешных сторон городских знакомых. «Ах, Александра Филипповна, оставьте, пожалуйста, этот разговор; в нашем распоряжении музыка, искусство, науки, перейдем на другие темы!». И всегда первый переменял направление беседы.

С.И. любил сценическое искусство и всегда поощрял к нему своих детей. Будучи порядочным художником, он помогал молодым людям в устройстве маскарадов и костюмированных вечеров. Он любил, когда молодежь веселится, поощрял ее к тому и сам даже принимал участие. В карты в доме С.И. играли только во время парадных вечеров, когда собирались старички — горные служаки. В обыкновенные вечеринки беседы, пение и музыка наполняли весь вечер. Разговоры о политике в гостиной С.И. недолго любил; о реформах текущего времени и экономичес-

ком состоянии России позволял себе говорить только в своем кабинете. Относительно крестьянской реформы С.И. был того мнения, что «каждое крупное преобразование в крестьянском быту, как брошенное семя, будет иметь время прорасти, вырасти и созреть только тогда, когда почва для этого будет подготовлена. Дайте больше школ, растолкуйте крестьянам их обязанности, научите их пользоваться свободой, тогда и давайте им самоуправление. Необходимо время, чтобы все улучшения в крестьянском быту принесли свои плоды. Нужно распространять всяческим образом здравые и благородные идеи в низших классах народа посредством более образованного духовенства, посредством школ, которые должны быть органически тесно соединены с церковью». Слово у С.И. не шло далеко от дела. По его почину и на его небольшие средства открыта была в Барнауле первая читальная и библиотека, потом при ней открыта типография.

В декабре 1871 года С.И. был командирован в Петербург для препровождения каравана с серебром. Через восемь лет после первой командировки он нашел в Петербурге большие перемены, старых друзей осталось немного. Оставаясь там с января до мая, С.И. собирал в архивных делах сведения о торговых сношениях с Джунгарией в прежнее время, а также получил различные указания и программы для исследова-

ния Сибири. К этому времени относится его личное знакомство с Карлом Федоровичем Кесслером, препаратором Гейзером и профессором ботаники Баталиным. Перед отъездом своим в Петербург им написаны были следующие статьи: для Императорского Русского географического общества «Солеродное озеро Карабаш» (напечатана в «Известиях Императорского Русского географического общества»; Т. VII. № 4.) и «О горном масле в Енисейской губернии (Известия Императорского Русского географического общества. 1871. № 8.).

Х

Возвратившись в июле 1872 года в Барнаул, С.И. приступил к обыденным своим занятиям с усиленной энергией. Первое время он вел обширную переписку, отыскивая на Алтае и в киргизской степи литографный камень; поиски эти были неудачны, но вместо литографного камня были найдены прекрасные сорта каолиновых глин. В течение 1872 и 1873 годов, кроме статей в «Голосе» («О серебряных приисках в

Охотском краю») и в «Русском мире» («О каменном масле»), С.И. напечатал в «Трудах Императорского Вольно-экономического общества» «О разведении в Томской губернии тонкорунных овец русской породы». По поводу этой статьи в тех же «Трудах Императорского Вольно-экономического общества» И.П. Ильин дал весьма лестный отзыв и выразил предложение Императорского Вольно-экономического общества оказать содействие начавшемуся тонкорунному овцеводству в Сибири. По этому же вопросу впоследствии, в 1875 году, была помещена особая статья в «Томских губернских ведомостях» (№ 33) под названием «Длинношерстые овцы на Алтае».

В начале 1874 года С.И. занялся посевами в окрестностях Барнаула мало известного тогда прядильного растения, называемого кендырь (*Arcinium sibiricum*), которое растет в диком состоянии по рекам, впадающим в озеро Балхаш и Нор-Зайсан²¹, и доставляет пеньку весьма большой крепости и необыкновенной белизны. С.И. вы-

²¹ Волокна кендыря употребляются киргизами только на выделку весьма прочных веревок. Пряжа кендырная отличается необыкновенной крепостью. Опыты тканья из кендыря были произведены в заведении Грундштрема и удались как нельзя лучше. Из 10 фунтов кендыря приготовлено 2½ фунта чесаного волокна. Опыты, произведенные на тюлевом заводе Глинца, показали весьма важное достоинство этого материала, состоящее в том, что при необыкновенной прочности он отлично принимает белиение. Выделанные очески не уступают в белизне хлопчатой бумаге и имеют шелковистый блестящий вид. Кендырь — растение многолетнее, собирается киргизами зимой из-под снега. Вережки из него в два с половиной раза крепче пеньковых и продаются от 2 до 6 руб. пуд. (Статья о кендыре помещена в «Туркестанских ведомостях» 30 августа 1870 года).

растил из семян этого растения в своем саду и образцы его с семенами, куделью и пряжей представил в общества: Вольно-экономическое, акклиматизации, садоводства, техническое и Ботанический сад. По поручению Общества садоводства опыты над кендырем, посланным Гуляевым, производились на тюлевых заводах Глинца. Вот что писал об этом растении С.И. 7 ноября 1873 года в Омск: «Разведение кендыря здесь и в России будет, конечно, полезно и найдет обширное применение в общежитии. Оно, как многолетнее растение, не требует ежегодных посевов и уходов. Выдерживает большие засухи и неприхотлив в почве. Не лишним считаю посоветовать: если будете делать опыты посева кендыря в Омске, то мешайте семена с несколько влажным песком, иначе оно по легкости своей разлетается; хорошо к земле прибавлять толченого кирпичика, потому что почва, на которой растет кендырь в диком состоянии, глинисто-мергельная, и кирпич на этот раз может заменить мергель».

В 1874 году С.И. узнал, что крестьяне деревни Ересной и других мест Алтайского округа собирают на берегах озера какую-то маслянистую жидкость под названием «водяного масла» и употребляют ее от глазных болезней. В письме от 4 марта 1874 года он писал: «Рассмотрев ныне то, что некоторые из здешних жителей называют водяным мас-

лом, я вижу в нем вещество органического происхождения. Оно заключено в шариках зеленого цвета и легко растворяется в воде. Послать их теперь в Омск нельзя, потому что вода может замерзнуть. Подожду лета и разъяснений К.Ф. Кесслера». Заинтересовавшись этим видом растения, автор настоящей статьи просил доктора медицины Думберга, ревностного ботаника, заняться определением так называемого водяного масла. Г. Думберг любезно сообщил, что по его микроскопическим исследованиям эта шаровидная водоросль принадлежит к семейству Nostococaceae. Крестьяне употребляют жидкость, заключающуюся в клетках, от глазных болезней и продают иногда на базарах и улицах.

За время с 1873—1875 гг. С.И. поместил несколько сообщений в «Вестнике Императорского Российского общества садоводства» (о растениях коаре, о луке, чесноке и проч.) и в «Томских губернских ведомостях» 1873 г. — «О мамонте близ Тазовской губы». В декабре 1874 года он был избран членом-сотрудником Императорского Общества любителей естествознания при Московском университете. Видимо, внимание ученых обществ интересовало С.И. (интерес весьма естественный в такой далекой глуши, где можно совершенно одичать и отвыкнуть от научных трудов). Вот что он пишет по этому поводу (20

января 1875 г.): «...14 января я получил уведомление от Совета Императорского Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии о том, что Общество впоследствии предложения отдела этнографии в заседании своем единогласно избрало меня в свои члены-сотрудники и т.д... Сюрприз приятный, но прибавляющий новый труд... К счастью, у меня накопилось довольно-таки материалов по этнографии, уже обработанных, остается только переписать. Вчера получил еще письмо от Баталина о доставлении в Ботанический сад разных предметов алтайской растительности, семян здешних деревьев, ягод, растений лекарственных, красильных и т.п. Нужно этим заняться».

XI

В 1875 году ожидали в Западную Сибирь нового генерал-губернатора Николая Геннадьевича Казнакова. Слух о том, что это человек гуманный, добрый, человек обширных административных познаний, распространился по всей Сибири. Все ждали преобразований, общество на время оживилось. В некоторых городах начали устраиваться литературные вечера и публичные лекции, что при прежнем генерал-губернаторе не всегда было позволительно. Вот что писал С.И. 12 апреля 1875 года: «Новый генерал-губернатор остается пока в Петербурге, вероятно,

для окончательного рассмотрения проекта о судеустройстве и управлении степными областями. В ожидании будущих благ мы как будто ожили. Предполагали даже устроить в нашем собрании вместо карт литературные вечера. В чтении хотели принять участие четверо приехавших из России молодых учителей в духовное училище, но высшие власти запретили им, так же как и чтение лекций не по учебникам. Будем ждать лучшего будущего. Недавно я получил от М.К. С...ова из Петербурга письмо, в котором он, между прочим, говорит, что новый генерал-губернатор должен быть отличным администратором. Теперь он собирает сведения о народном образовании в Сибири. Нужно писать по этому предмету в «Голос». В Ботанический сад я отправил ныне довольно-таки предметов, а также статей в общества: Экономическое, Садоводства и Акклиматизации. Недавно, скажу кстати, встретился с одной замечательной личностью — молодой девушкой, змеиногорской уроженкой, дочерью урядника. Она от природы получила особое дарование к живописи, но дарование еще не развитое. Умственные способности ее также замечательны, сама речь не похожа на здешнее наречие, словом, между барышнями даже я не встречал подобного субъекта. Девушка эта по фамилии Черепанова, отец ее давно помер, а мать вышла замуж за мещанина.

Однажды где-то на станции, увидав книгу на французском языке, она так заинтересовалась, что достала какой-то самоучитель и сама научилась читать. Стремится как бы пробраться в Петербург. Недавно она написала икону «Благовещения» в Дмитриевскую церковь. Принимая живое участие в столь талантливой девушке, я снабдил ее некоторыми вещами для рисования, в чем она нуждалась, и показал ей несколько приемов в рисовании (...)»²². Не знаю, что выйдет из нее со временем, но нужно открыть во что бы то ни стало дорогу к искусству и к образованию, о которых она постоянно думает».

С.И. нередко способствовал выдающимся личностям пролагать себе дорогу в столицы для дальнейшего развития. Так, в половине шестидесятых годов, заметив обширный голос у одного из преподавателей Барнаульского духовного училища Матчинского, он поспособствовал ему добраться до Петербурга. Там на Матчинского обратили внимание. Сначала он поступил в капеллу, а потом в русскую оперу. В роли Бертрама в «Роберте» он обратил своим голосом особенное внимание Великого Князя Константина Николаевича.

В ожидании преобразований по народному образованию, которое, по выражению С.И., идет

в Сибири «так себе», он писал чрезвычайно интересные заметки в газете «Голос» и «Биржевых ведомостях». «Вчера, 3 мая²³, — пишет С.И., — я получил от М...ва в Петербурге весьма интересную телеграмму, о которой спешу сообщить Вам, И.Я. Помещаю здесь ее вполне. «Казнаков исходатайствовал согласие учредить университет в Западной Сибири; ваши статьи в «Биржевых ведомостях» 1875 года № 123 и письма помогли». Вероятно, получу и подробное письмо, которое, конечно, разъяснит, каким образом мои скромные заявления, не раз изустно и письменно высказанные в кружке моих друзей в Петербурге, могли повлиять на дело. Я не люблю рисоваться, но не скрою, что приятно было читать телеграмму, в которой приписывается мне крохотная доля участия. Дай Бог, чтобы скорее все осуществилось (...). Теперь нужно работать, потому что университету нужны коллекции, нужно собирать и сберегать сибирские древности. Осенью прошлого года при тушении лесного пожара в Инском бору, близ Сузунского завода, один из крестьян, копавших канаву, наткнулся на древний вызолоченный шлем и близ его на медный же котелок. Узнав об этой замечательной находке от Думберга, я начал собирать справки, подтвердившие находку, которую многие

²² Точки, помещенные в скобках, означают, как в этом месте, так и в следующих, нами выпущенные фразы в письмах.

²³ Письмо С.И. 4 мая 1875 года.

видели, в том числе Ганевинкель, заведующий лесной дачей в Сузуне (...). Я узнал на этих днях, что будто бы приезжий из Омска какой-то чиновник купил шлем и увез в Омск. Заинтересованный находкою, прошу Вас, И.Я., немедленно разузнать, где шлем, снять рисунки и присмотреть, чтобы не уплыл в русские музеи. Храните ее для университета²⁴. Меня 26 апреля избрали членом-соревнователем Общества для содействия Русскому торговому мореходству; не знаю, могу ли оправдать хоть чем-нибудь это избрание. По другим ученым обществам я все-таки могу быть полезным, а в торговом мореходстве совершенный профан».

ХП

1875 год был для Западной Сибири годом розовых надежд. С приездом генерал-губернатора Н.Г. Казнакова, человека высокообразованного и крайне доступного, ожидали открытия университета, ожидали судебных реформ и обновления администрации. Тем временем Норденшельд на судне «Превен» («Попытка») вошел Северным морем в Енисей! Это возбудило серию новых надежд. Семидесятилетний старик С.И. наравне с молодежью лелеял эти надежды.

«Слушайте и умиляйтесь, И.Я.²⁵. Вам ведь неизвестно еще, что 15 августа прибыл к устью Енисея корабль северо-полярной шведской экспедиции? Об том, имеющем великое значение, событии я получил письмо 1 октября от Ивана Васильевича Кускова и тотчас же телеграфировал в Географическое общество и Михаилу Константиновичу Сидорову, который немало старается для отыскания пути в Сибирь. Норденшельд уверяет, что от Тромсе до Енисея всего только три дня плавания! Подумайте, три дня пути! (...) Последствия этого важного открытия будут неисчислимы для будущности Сибири и всего образованного мира. Таким образом, слава открытия давно отыскиваемого пути (обидно говорить) принадлежит потомкам норманнов — не завоевателей, но мирных тружеников науки. 15 августа «Превен» бросил якорь в устьях Енисея. Пароход Баландина, приняв дорогих неожиданных гостей, доставил их в Енисейск; потом они сухим путем прибыли в Красноярск. В Красноярске путешественники отправились прямо в гимназию, где объяснились на латинском языке... Ждали мы главного начальника края Казнакова, но он не удостоил нас своим посещением. После осмотра наших городов Кузнецка и Бий-

²⁴ Этот шлем приобрел бывший в Сузунском заводе главный инспектор училищ Западной Сибири Максимов и хранил его в своей канцелярии как редкость. Когда открылся Томский университет, шлем был отправлен в музей и хранится там под № 1504.

²⁵ Письмо 6 октября 1875 года.

ска он, говорят, намерен был посетить и Барнаул 2 августа, но из Томска получилась телеграмма, что он захворал и отправился прямо в Омск. Мы намерены были встретить его самым достойным образом: заготовили записки по разным вопросам, от разрешения которых зависит благосостояние города и края (...). Приезжал архиерей 22 числа, служил обедню в Дмитриевской церкви. Небольшой, но превосходный хор певчих из 12 человек доставил удовольствие. Вечером певчие были у меня, пели русские и малороссийские песни и пробьли далеко за полночь. Регент, старший брат Матчинского, обладает таким же, если еще не лучшим, голосом (...). Прошу обратить внимание на чернила, которыми пишу: они приготовлены из отвара ветловой коры (вместо чернильных орешков) с молодых деревьев. Дешево и хорошо. Я напал на эту мысль, приготовляя для отсылки в музей Ботанического сада по просьбе Баталина ветловое лыко, имеющее заменить липовое мочало».

В ноябре месяце 1875 года С.И., узнав, что под начальством полковника М.В. Певцова снаряжается экспедиция в Монголию, писал следующее²⁶: «Ввиду предполагаемой экспедиции в Монголию, И.Я., нелишне было бы иметь в виду мою статью, которая пока в рукописи «О торговых сношениях с Джунгариею в прежнее время и с За-

падную Монголию в настоящее время». Статья эта написана была по вызову Географического общества в 1871 году, но так как член общества Н.С. Шукин заключил напечатать ее не вполне, а в извлечении, то я, бывши в 1872 году в Петербурге, и взял ее обратно (...). По случаю политических событий в Средней Азии надо будет немного ее дополнить, но и без того она заключает весьма интересные сведения, не многим известные, извлеченные мною из разных архивов в Петербурге. Издателя не нахожу; если печатать самому в нашей типографии, то понадобится 500—600 рублей, а этого запаса и нет. Не напечатает ли Западно-Сибирский отдел Географического общества. P.S. Вот интересный предмет: на берегах Иртыша попадаются кусочки графита. Можно думать поэтому, что где-либо сверху есть его месторождение, но я скажу, что купец Степанов не раз отправлял по Иртышу на баржах графит в Златоуст. Нужно искать: где-нибудь выше Омска есть залежи графита (...). Нет ли у Вас вблизи Иртыша колчеданов? Нужно для устройства близ Томска химического завода К° Свешникова и Данилова (...). Приезд шведов даст толчок торговому движению и, конечно, в недалеком будущем преобразует сибирский пустынный край, изобилующий множеством богатств (...). Справка в делах под-

²⁶ Письмо 9 ноября 1875 г.

тверждает Ваши соображения; проезжавший на этих днях из Енисейска купец Давид Никол. Ростовцев свидетельствует, что было время, когда действительно торговцы пробирались из Обской губы чрез полуостров Ямал в Карское море».

XIII

Генерал-губернатор Николай Геннадьевич Казнаков до отъезда своего из Петербурга в Сибирь интересовался, между прочим, сочинением «Заметки об алтайских горных заводах» и вообще материалами об Алтайском горном округе. Петербургские друзья спрашивали С.И., не сохранилась ли у него, как у автора, брошюра об алтайских заводах. Так как Казнаков был в это время уже в Омске, то Гуляев и направил туда требуемые справки об Алтайском горном округе.

В письме своем от 16 ноября 1875 года он пишет: в 1855 году «по предложению бывшего у покойного графа Льва Алексе-евича Перовского секретарем В.М. Лазаревского я написал «Заметки об алтайских заводах», но по случаю происходившей тогда восточной войны и последовавшей вскоре после того смерти графа записка моя, довольно объемистая, попала в число бумаг, находившихся в его кабинете, и с ним вместе была запечатана. Потом по разбору бумаг помянутую статью мне возвратили, а в 1864 году, когда я был в Петербурге, пере-

дал ее князю Визапурскому, у которого она находится и до настоящего времени (...). Черновья осталась у меня с особой копией с моих соображений, в конце записки приложенных. Посылаю Вам, И.Я., эту записку вместе со следующими документами: 1) Приготовленную для помещения в какой-либо газете статью «О предполагавшемся генерал-губернатором Западной Сибири Капцевичем центральном высшем училище в Сибири» (...). 2) Соображения о составлении сборников, заключающих карты данной местности и планы городов, статистические, географические и другие сведения по плану графа Сперанского. 3) Таблицу высот разных мест над уровнем моря. 4) Статью об учебных заведениях в Алтайском округе, написанную в 1858 году по желанию друга моего Чумакова для журнала «Воспитание». Предоставляю Вам, И.Я., если случится быть у генерал-губернатора, представить Его Высокопревосходительству эти статьи (кроме таблицы высот), разумеется, если признаете это удобным (...). Нужно прибавить еще, что о здешнем крае напечатана была мною статья в издаваемом Эрдманом, по мысли министра финансов графа Канкрин, в Берлине: Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland на 1851 год под заглавием «Очерк Колывано-Воскресенских заводов» (...). P.S. В случае назначения ученой экспедиции на Ямал

обратите внимание кого следует на поиски каменного угля, янтаря и нефти. Сдается, что они там есть (...)».

Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков отнесся к представленным ему от С.И. статьям в высшей степени внимательно. Представляя генерал-губернатору рукопись «О центральном высшем училище в Сибири», С.И. имел в виду узнать взгляд Н.Г. Казнакова, чтобы, поспешив напечатанием ее, не повредить общему направлению ходатайств по этому вопросу. Только ободренный вниманием Казнакова, он решился поместить ее газетной статьей.

31 декабря 1875 года С.И. пишет: «Благодарю Вас, И.Я., за доставленные сведения. Особенно приятно было читать о том, что генерал-губернатор сочувственно относится к моим замечкам о предположении Капцевича насчет университета (...). Предоставляю Вам поместить эту статью в «Акмолинских ведомостях» только без моей подписи и с тем, чтобы по отпечатании редакция доставила мне 10 экземпляров. Сочинение «О торговых сношениях с Джунгариею» я предложил напечатать «Обществу содействия русской торговле», но ответа не получил. Статья моя включает интересные сведения, не известные в литературе, о столкновениях наших с джунгарскими ханами и потом с китайцами; с первыми по поводу занятия Южной Сибири

при Петре, а с последними — по пограничным делам. Хорошо бы получить за статью гонорар — труда было много, поговорите при случае с кем следует.

Желательно, чтобы осуществилась Ваша прекрасная мысль устроить в Омске центральную библиотеку и собрать по возможности все существенно важное, что было напечатано о Западной Сибири. Как это полезно бы было для администраторов! Подобные библиотеки следовало бы учредить при всех центральных управлениях вместе с музеями, экономическими и естественно-историческими (...)».

Далее С.И. в этом письме предлагает свои содействия словом и делом к осуществлению предприятия. Мысль об учреждении центральной библиотеки была оставлена ввиду учреждения по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова в Омске Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества.

Открытие северного пути в Сибирь и дальнейшие экспедиции крайне интересовали в это время С.И. По этому поводу он вел оживленную переписку со своим старым другом по Петербургу. В одном из писем 2 января 1876 года пишет С.И.: «М.К. С...ов в телеграмме 13 декабря передал поклон от Норденшельда и Виггенса, а 29 декабря прислал и письмо, в котором пишет: «Итак, мы отчествовали Норденшельда и Виггенса, с последним

простились сегодня (6 декабря). Таким образом, целый месяц прошел в хлопотах с мореплавателями о возможно лучшем приеме. Если бы не наше Общество мореходства, то путешественники остались бы незамеченными (!) (...). Л...ке, будучи недоволен к тому, кто ниспроверг его теорию, вернул во время заседания стул и сел к нему спиной. Гость встал и перешел на другое отдаленное место. Последствием торжественного принятия гостей было пожертвование на будущие экспедиции с моря: для Норденшельдта — 25000, для Вигтенса — 30000. Общества торговли и мореходства ходатайствуют пред правительством для исследования фарватера устья Оби. У нас вырабатывается отличная программа руководства для исследования Обского залива целой комиссией под председательством адмирала Невельского. Енисейский голова Ф...усов ответил отказом на содействие к пожертвованию, объявляя, что енисейцы устьем Енисея не заинтересованы, а только думают о соединении Енисея с Обью (...). Здесь предполагают учредить

комитет для споспешествования скорейшему устройству университета; от Вашего генерала поступило уже представление и принимается здесь, в Министерстве народного просвещения, с особым радушием».

XIV

Выше было говорено, что С.И. еще в 1864 году принимал горячее участие в ходатайстве об учреждении Барнаульской гимназии. По этому вопросу состоялось Высочайшее повеление, а в 1867 году съехался штат учителей²⁷, однако на все это не обращалось должного внимания, и гимназия не открыта до сих пор. Вот что писал покойный С.И. по этому поводу (3 февраля 1876 года): «Шутники говорят, что С...кий боится выдвинуть с открытием гимназии новый элемент людей образованных (которые станут де писать печатные корреспонденции о местных распорядках), подобно тому, как до нынешнего царствования полковые и воинские начальники противились учреждению школ и обучению грамоте солдат ввиду боязни, что они, сделавшись грамотными,

²⁷ Вопрос о Барнаульской гимназии шел следующим образом.

По Высочайше утвержденному 7 мая 1858 г. докладу повелено: 1) составить новый проект штата и положения для Барнаульского училища, 2) приступить немедленно к увеличению и перестройке училищного здания, приглашению учителей языков с употреблением до 20-ти т. руб. из экономического училищного капитала. После этого по ходатайству чиновников (67 лиц) последовало Высочайшее соизволение 23 июня 1867 г. об учреждении взамен гимназического курса, введенного в горном училище, гимназии. Приступлено к перестройке здания для гимназии, постройке квартиры директора или инспектора, оконченной в 1869 г. В 1871 г. служащие на заводах чиновники в числе 120 ходатайствовали чрез начальство алтайских заводов о скорейшем приведении в исполнение Высочайшей воли об открытии гимназии, но ответа не получили.

станут писать и подавать жалобы на своих командиров. С этой же, видно, целью солдатам не дозволялось посещать Императорскую публичную библиотеку, чтобы не набрались книжной премудрости».

Был слух, распространенный сопровождавшими в Петербург караван с золотом чиновниками, что будто бы Министерство спрашивало Кабинет, почему не открывается в Барнауле гимназия; и, кроме этого, главный инспектор училищ Западной Сибири вошел в сношение с начальником алтайских горных заводов о том, что гимназия, ввиду учреждения Томского университета, крайне необходима. Однако ввиду бесчисленных безуспешных ходатайств об учреждении Барнаульской гимназии местная администрация и городское управление не решалось вновь надоедать горному начальству по тому же вопросу подобными прежним ходатайствами. Решено было поднять вопрос об открытии в Барнауле не гимназии уже, а университета в том соображении, что если не дадут университета, то дадут, по крайней мере, гимназию. Вопрос об учреждении университета тогда был уже почти решен в пользу Томска.

Вот что пишет об этом С.И. (письмо 3 января 1876 г.): «В Томск приезжал архитектор из Омска для осмотра места под постройку университетского здания. Таким образом, выбор города решен. Конечно, в отношении цен-

тральности Томск наиболее соответствует этому условию, но я позволяю себе высказать другие соображения. Самая значительная, если только не большая, часть тамошнего населения состоит из сосланных на поселение или на временное жительство из России за проступки и преступления уголовные и политические людей развитых, но нравственно испорченных, которые, сближаясь с обучающимися в университете юношеством, могут иметь неотразимое на него влияние, увлекать их от научных интересов к соблазнам, хотя бы университет был даже и закрытым заведением. Если в наших и других католических монастырях происходят возмутительные происшествия, то они наиболее возможны в среде молодежи, не стесняемой строгим надзором, который неминуемо потребует учреждения особой полиции для наблюдения за домашнею жизнью каждого студента; но учреждать одновременно с учебным заведением батальоны и жандармские команды будет крайне неуместною мерою. Сама жизнь в Томске не дешева, что весьма важно в экономическом отношении и для студентов и профессоров, тем более, что значительная часть студенческого контингента будет принадлежать к людям недостаточным. Климат тамошний суров до того, что в зимнюю пору не раз прекращаются лекции в гимназии и др. заведениях. Место, избираемое или жертвуемое городским управ-

лением для постройки университетских зданий, находится, говорят, на окраине города, где не найдется никакого помещения для бедняков-студентов, которые должны таскаться на лекции по непроходимой топкой грязи, покрывающей весной и осенью, и в дождливую пору улицы, несмотря на принимаемые городским управлением меры против этой пятой стихии, которую встретил, как известно, Наполеон I в Литве во время похода в Россию. Если существующие ныне у нас университеты и находятся (за исключением Юрьевского) в губернских городах, то местные условия последних совершенно не подходят к Томску. Для университетов нужны города не многолюдные, не представляющие, кроме театров, других грубых развлечений, нужны города, подобные Юрьеву, Гейдельбергу и другим в немецких землях городам, где первые потребности недороги, климат мягкий. К таким городам в Западной Сибири принадлежит Барнаул, занимающий в географическом отношении такое же, как и Томск, если еще не более, центральное положение. В нем есть довольно предметов и для первоначальной обстановки: музей по естественной истории с богатыми коллекциями минералов и горных пород, растениями, коллекциями — этнографической, энтомологической; модели; есть метеорологическая обсерватория, лаборатория, плавильная фабрика, обширная библио-

отека, принадлежащая заводам. Жизненные потребности значительно дешевле, чем в Томске и других городах; климат умеренный и здоровый. Наконец, Алтай с нетронутыми богатствами почвы представляет такие условия для существования высшего учебного заведения, каких не встретите в других местах. Сама постройка университетских зданий обойдется здесь дешевле, ибо все строительные материалы находятся под рукой. Здание, в котором помещается теперь горное училище, было бы на первый раз весьма выгодно для университета; и если бы понадобились другие постройки, то при училище состоит обширное место для огромных зданий. Горное училище можно перевести, если не держать в нем пансионеров, в огромный пустой каменный дом против казенной аптеки, а будущую гимназию в дом, занимаемый заводскою богадельнею и госпиталем. При этом доме место еще обширнее; целый город можно выстроить; оно как раз против нашего дома. Указывая на Барнаул как на город, наиболее всех подходящий к открытию в нем университета, я должен сделать оговорку, что не имею в этом никакого личного интереса, кроме общей пользы. Жаль, что Его Высочайшее превосходительство не взглянул на Алтай, не найдете ли возможным представить ему или просто довести до его сведения все вышесказанное в виде личных ваших наблюдений? Еще скажу, что

выбор места для университета — дело весьма важное для всего края, и что в половине ноября я сообщил уже мои соображения одному из моих друзей в Петербурге, который принимает в этом живейшее участие.

Когда будете, И.Я., доводить до сведения Его Высокопревосходительства вышеизложенные соображения, позволяю себе думать, что Вы обратите его внимание и на то, что, высказывая свои убеждения насчет открытия университета в Барнауле, а не в Томске, я не имею в виду никакой корыстной цели, никакой задней мысли, а лишь одну только общую пользу и высшие интересы. По старости своей лично в университете не нуждаюсь, дети мои окончили уже учение, но молю Бога об учреждении университета, где бы он ни был открыт, пожалуй, хоть в Нарыме... Однако, если говорить серьезно, то ходатайство омского общества открыть университет там едва ли выдержит критику. Омск, конечно, находится ближе к киргизским степям, но в отношении Восточной Сибири, Енисейска, Иркутска, Забайкалья все же представляет окраину. Уж во всяком случае Томск более других городов соответствует этому. Избрание Омска, как центрального пункта для университета, могло бы иметь значение разве в том отношении, чтобы поправить ошибку блаженной памяти генерала Гасфорда, который проектировал всю-

ду в киргизской степи мечети на том основании, чтобы киргиз сначала омусульманить, а потом уже принять меры к распространению между ними образования и христианства, так как ему казалось, что это будет легко, и в Коране находится много хорошего, способствующего цивилизации. Проектов этих я не читал, но чиновники Министерства иностранных дел так передавали мне их содержание».

XV

Занятый текущими сибирскими вопросами первостепенной важности, С.И. не оставлял своих привычных занятий. По-прежнему оказывал свое покровительство различным местным кустарным производствам, по-прежнему был занят собиранием рукописей, народных напевов и естественноисторических коллекций. В это время (с ноября 1875 г.) С.И. принимал большое участие в упрочении и распространении в Западной Сибири приготовления так называемого «валяного урса» (драпа). Барнаульский мещанин Степан Францев занимался катанием пимов. С.И. указал ему сначала приготовление мягкой валяной обуви — ботинок, туфель и проч., а потом, когда на товар этот появился спрос, Гуляев руководил мастером в приготовлении американским способом из валяного урса пальто без швов. Он мечтал дойти до способа выделки таких пальто из козьего пуха.

В письме от 8 марта 1876 года С.И. пишет: «На второй день праздника Р.Х. я получил от одного из знакомых весьма интересную рукопись. Она валялась в Семипалатинске на чердаке одного дома в ящике с заброшенными полсотни лет минералами. Это путевой журнал, веденный командированным в Алтайские горы каким-то горным офицером, или, скорее, доктором-натуралистом, для поиска цветных камней и минералов. Видно, что партия была порядочная, состоявшая, кроме рабочих, из двух унтер-шихтмейстеров. Рукопись, судя по почерку, относится к 80-м, или 90-м годам, но автор мне неизвестен²⁸ (...). Полагая, что заметки автора о флоре и фауне Алтая будут годиться для Вас, И.Я., я посылаю находку с тем, однако ж, чтобы Вы по миновании в ней надобности мне возвратили. Язык и слог рукописи отличаются правильностью и не похожи на канцелярскую речь. Видно, что автор был человек образованный, обладающий порядочным запасом сведений».

В примечании к этому письму С.И. прибавляет: «На праздниках же получил я письмо от одного из моих корреспондентов из Минусинска. Извещает меня, что он имеет сведения, будто бы на одной высокой горе в верховьях Енисея находится «днище» громадного судна, что дерево так крепко, что стальные топоры ломаются. Не верится как-то, однако ж пишу ему, чтобы он съездил на место. Давно я читал где-то, что у тунгусов существует предание о корабле, остановившемся на Енисейских горах (...)

XVI

Открытие торговых сношений с Азией посредством Северного морского пути вызвало в 1876 году в Западную Сибирь и пограничные с ней страны сравнительно много торговых и научных экспедиций. Почти ни одна из них не миновала Барнаула и в семье С.И. всегда находила радушный прием и, возможно, полное в пределах сил содействие. С членами экспедиции, назначенной в лице Брема и

²⁸ Рукопись оказалась принадлежащей Петру Ивановичу Шаньгину. Риттер в «Землеведении Азии» (Т. III. С. 259), описывая, между прочим, алтайские белки, упоминает во многих местах о путешествии Шаньгина. Шаньгин был не только горный инженер и минералог, но, как видно, имел обширные сведения в ботанике. Палласом установлено в честь Шаньгина два растительные вида *Fumaria Schangini* и *Astragalus Schanginus*. Сиверс установил вид *Clupeula Schangini*. Шаньгин Петр Иванович происходил из подьяческих детей, поступил на службу в Московское медицинское училище лекарским учеником 1 сентября 1758 г., подлекарем 7 июля 1768 г., лекарем 3 мая 1770 г., переименован в горный чин маркшейдера 23 января 1786 г., обер-гиттенфервальтером 2 февраля 1798 г., бергауптманом 18 мая 1802 г. Рукопись Шаньгина передана в 1878 г. в библиотеку Западно-Сибирского отдела Императорского географического общества.

Финша от общества немецких северо-полярных экспедиций, познакомил С.И. директор департамента внутренних сношений в Министерстве иностранных дел барон Федор Романович Остен-Сакен. О хлебной экспедиции полковника Сосновского С.И. получил сведения от переводчика Андриевского, который в обстоятельной переписке знакомил С.И. со всеми подробностями путешествия. В это же время через близких знакомых он следил за постройкой торгового тракта от Усть-Каменогорска до Бухтармы; на эту дорогу денег потрачено было много, но устройство ее ограничивалось самыми ничтожными работами, состоящими в тысировании берега реки Ульбы, которая первым весенним разливом и уничтожала эти работы. Обо всем этом С.И. вел обширную переписку, опубликовать которую еще не наступило время. В этой серии писем сохранились любопытные документы относительно экспедиции Ив. Сем. Полякова для отыскания мамонта, найденного на прииске Громова «Золотой Бугорок».

Вот что пишет С.И. 15 марта 1887 года: «Из Томска получено от Аршаулова весьма важное для науки известие: при шурфовке нынешнею зимою россыпи на прииске Громова «Золотой Бугорок» в Мариинском округе на речке Никольской, впадающей с левой стороны в Большой Кундат, найден на 6-аршинной глубине цельный труп мамонта. Ар-

шаулов привез с собою кусок мяса и представил губернатору, а о находке телеграфировал Сидорову. Заинтересованный этим, я просил Аршаулова сообщить мне более верные сведения. Через два дня получаю телеграмму: «Верных сведений нет, может быть и олень, неизвестно». Между тем Аршаулов, как видно из его письма Карпинскому, послал даже телеграмму Сидорову, где говорит о находке как очевидец и даже будто бы представил губернатору кусок мамонтова филя с кожей в два вершка и с шерстью! Другой корреспондент, Олоровской пишет, что губернатор предписал исправнику Мариинского округа Ларионову принять меры к охранению находки. Если Аршаулов действительно послал телеграмму Сидорову, то наделает она тревогу в ученом мире. Сомневаюсь в находке. P.S. Андриевский раз заметил у меня в банке со спиртом рачков-мырмышей (*Gamarus*), сказал, что китайцы называют их Сяо-ми (маленький рак), солят и употребляют в виде приправы к кушаньям. Андриевский говорит, что вареные рачки принимают красный цвет и весьма вкусны».

В письме 24 марта 1877 года С.И. сообщает: «Вчера встретил в почтовой конторе окружного ревизора Николая Игнатьевича Давидовича, который, заведя речь о мамонте, сомневается в справедливости рассказа Аршаулова. Говорит, что он каждое лето бывает в тех местах, где находится прииск Громова, не раз

пивал чай на том месте, где найден мамонт (!), что наносы (турфы) там галье, в которых трудно сохраниться труп животного, не подвергнувшись разложению, и что не попал ли в турф занесенный снегом марал. Странно, однако ж, что кожа на привезенном куске толщиной в два пальца. Если скажется марал, должно быть, исполинский. Сегодня получил из Томска телеграмму: «Шмидт телеграфирует Аршаулову: Академия наук, желая отправить зоолога, просит сообщить основания действительного открытия кожи и мяса мамонта». Ну, тревога поднялась — что-то будет?». Письмо от 3 апреля: «Я от Аршаулова еще не получил ответов о мамонте, а Карпинскому он пишет, что местный мариинский исправник Ларионов, отправленный губернатором откапывать (!) мамонта, доносит, что начал вынимать сало и бросает его собакам и все еще не может докопаться до костей. Черт знает, что делается! Ведь в Томской гимназии есть же кто-нибудь, кому можно было бы поручить осмотр столь драгоценной для науки находки... P.S. Получил сведения от Алексеева, что в Барнаульском округе, близ горы Иремень-тау встречаются небольшие конические сопки, состоящие из прозрачных, похожих на горный хрусталь, камней зеленого, желтого, лилового и красного цветов. Должно быть, плавиковый шпат».

Письмо 9 апреля: «Наконец-

то получил ответы на мое письмо о мамонте от Аршаулова. Пишут: «Шурфовка «Золотого Бугорка» производилась в феврале 1877 года, труп мамонта показался на 7-аршинной глубине, кожа тонкая, шерсть подобна лошадиной, мягкие части сохранились вполне, в каком положении труп находится — неизвестно; торф, в котором лежит мамонт, — глинистый, золотоносный пласт залегает на пятом аршине, состоит из известковых пород преимущественно; местность, где мамонт, сухая, но выше есть болота; в разрезах других органических остатков (костей, черепов) не встречалось; цвет и длина шерсти, как у лошади, кожа в палец толщины. Мясо не подверглось гниению, цвет его розовый, но, взятое на поверхность земли, мясо твердеет и делается серого цвета». Ничего понять не могу, — пишет С.И., — но только это не мамонт».

Письмо 27 апреля: «Наконец-то получил ответ на свое письмо о мамонте и от Александра Иосифовича Громова. Пишет, что в золотоносных песках, вынутых для пробы, найдены куски мяса и кожи какого-то животного. Цвет шерсти и длина его неизвестны. Несколько кусков мяса и кожи отправлены начальнику Томской губернии. Сало животного отдельно не добывалось, а вместе с мясом, в котором видно, что оно очень жирное. Толщину кожи определить невозможно, потому что из оторванных кусков кайлами ничего по-

ложительного сказать нельзя²⁹. Слой сала толщины неизвестной. Цвет мяса бурый, а когда подвергнется действию воздуха, делается белым. Какой ответ дал Аршаулов Шмидту на его телеграмму — еще неизвестно, а исправник между тем добывает, как пишет Аршаулов Карпинскому, мамонтово сало (разумеется, если это зверь, а не какой-нибудь минерал в виде горного воска) и истребляет драгоценную находку; впрочем, чего и ожидать доброго от полицейского натуралиста. Привожу Вам, И.Я., вполне то место письма Аршаулова, которое относится к мамонту. «Пастухов (владелец смежного прииска) был на прииске, где лежит мамонт. Приступите к открытию нельзя, надо провести пять аршин глубиною канаву, вода топит. Зверь должен быть велик, ломом били, но до костей не добрались; кожа тонкая, жиру белого много, бросали собакам — едят». Черт знает, что такое. Какая-то галиматзя выходит. Не нашли ли они жирную тальковую глину. Как бы то ни было, но телеграмма Аршаулова взволновала, конечно, ученый мир».

14 мая: «Посылаю Вам, И.Я., выписку из письма Натальи Евграфовны, из которого увидите, что полицейский зоолог усердно работает над мамонтом — добывает сало и мясо, из которого рабочие варят вкусный суп, но все-таки до костей добиться не может. Вот что пишет Н.Е.: «При-

ехал казак, посланный нарочным горным исправником к губернатору, с куском мяса в спирту». Казак говорит, что на расстоянии тридцати сажен еще шурф и на дне видна точно такая же масса зверя, но не могут еще решить: продолжение ли это того же самого или другой. В первом шурфе зверь виден сбоку, а в другом — на дне его. Лом большого размера уходит в мясо весь, не доставая до костей. Тот же казак уверяет, что мясо варили и кормили им рабочих, едят и находят вкусным. От прикосновения воздуха мясо каменеет. Академия наук командировала И.С. Полякова. Дело должно скоро выясниться — это человек ученый и разумный. Знаете ли, что я думаю: если мамонт распростерт в земле на тридцать сажен, то почему ему не быть и в Барнаульском округе. Не напали ли они на горную кожу. Лет двадцать подобный жирный пласт горной кожи крестьяне нашли в Барнаульском округе, сейчас не припомню место нахождения».

Телеграмма 23 июня: «От мамонта оказались только куски, целого не нашли. Поляков еще и теперь его раскапывает».

В письме 4 июля С.И. сообщает, что 30 июня Иван Семенович Поляков был в Барнауле, что мамонта не оказалось, представленные генерал-губернатору куски (якобы мяса) везет с собой, часть отправил в Академию наук. То, что считал

²⁹ Удерживаем подлинный склад речи Громова.

полицейский натуралист салом, оказалось горною кожею.

Только через шесть месяцев после этого получил С.И. от Громова куски горной кожи. Вот что пишет он по этому поводу 1 января 1878 года: «Посылаю Вам, И.Я., два куска горной кожи. Вероятно, Вы покажете, если уже не показали, ученикам и ученицам гимназии это вещество, наделавшее столько шуму в ученом мире. Не получено ли генерал-губернатором донесение об этой находке? (...). Желательно бы иметь с него копию. Обратите внимание ваших учеников, что горная кожа может служить для приготовления несгораемых свечей для лампадок, фонарей и проч. Этот опыт и следовало прежде всего сделать на месте полицейскому натуралисту Ларионову или в Томске, куда он послал образцы мамонтовой кожи. Горная кожа по своей несгораемости представляет дорогой материал для приготовления кровельной папки».

Покойный генерал-губернатор Западной Сибири Николай Геннадьевич Казнаков передавал мне, что исправник Ларионов был спрошен, каким образом он допустил продовольствовать рабочих глиной под видом мяса животного? Желая хотя сколько-нибудь оправдать себя, исправник сделал допросы: не чувствовали ли крестьяне-рабочие заболеваний от употребления неизвестного вещества, именуемого горной кожей. Все

отозвались, что заболеваний не было, а когда дан был вопрос, почему они не отличили на вкус глину от мяса, то все единогласно ответили: «С маслом чего не съешь, если приказано».

XVIII

Началом 1878 года на время оканчиваются крупные экспедиции в Западную Сибирь и пограничные с ней страны. В январе месяце возвращался из Монголии чрез Барнаул Григорий Николаевич Потанин. Чрез него С.И. узнал, что в архивах Акмолинского областного правления и в архиве Главного правления находится много дел, относящихся к первым временам Сибирской линии; по собранным из этих учреждений материалам, а также по тем, какие имелись в Горном правлении, С.И. долго занимался составлением исторического очерка колонизации и торговли в Южной Сибири. Материалы эти не изданы и должны храниться между оставленными покойным рукописями. В это же время он составлял свод данных, собранных экспедициями, отправляемыми в киргизскую степь для открытия месторождения цветных камней. Эту статью в рукописи покойный С.И. мне прочитывал. В историческом очерке экспедиций в киргизскую степь упоминается о следующих лицах: 1) о Петре Ивановиче Шаньгине (сын того Шаньгина, на которого ссылается Риттер), отправленным горным начальством в 1815

году в киргизскую степь для исследования рудных месторождений, открытых майором Набоковым близ озера Иман-куля, отстоявшего от крепостей Петропавловской в 188 верстах, Пресновской — в 106 и Пресногорьковской — в 212 верст.; 2) о горном инженере Калигиевском, отправленном в 1832—33 годах для геогностического описания западной части Омской области (по реке Ишиму и его притокам); 3) о горном инженере Влангали, отправленном в 1852 году для той же цели в юго-восточную часть киргизской степи (ныне Семипалатинскую область).

Из помянутых горных инженеров о цветных камнях (топазах и проч.) в киргизской степи упоминает только Калигиевский. Он же указывает на местонахождения диоптаза, или аширита, в горе Алтын-Тубе, составляющей продолжение горного хребта Кост-Агала, в 130 верстах от Каркаралов к западу. Калигиевский разведал это место в конце февраля 1835 года и нашел обширные залежи диоптаза.

Далее, открытие месторождений цветных камней, по архивных документам Горного правления, принадлежит частным лицам. Заводчик С.И. Попов 29 января 1842 года заявил в Каркаралинском внешнем приказе об открытии в урочище Ку, где построен был после того завод «аметистовых щеток и камней», но добыванием их не занимались.

По разрешении в 1858 году всем частным лицам поисков россыпей и руд в киргизской степи были открыты цветные камни в Каркаралинском и Кокчетавском округах, в последнем при урочищах: Бурлук, между озерами Боровым и Щучьим, близ горы Булук-тау, при Карагайлы, при подошве Кокчетау. Кроме топазов, С.И. указывает на нахождение в киргизской степи перлов, венисы, грассуляров, самородной серы, квасцов, киновари, плавикового шпата и других минералов. В это время и ранее того С.И. всем отправляющимся в киргизскую степь наказывал обращать внимание на то, не отыщутся ли там алмазы. Вот одно из писем его 23 марта 1878 г. с подобной просьбой: (...) «При настоящем случае не могу не обратить Вашего, И.Я., внимания на дресвяную почву тех местностей в горных долинах, где гальки представляют обломки разных горных пород. Я имею какие-то неотразимые убеждения, что в помянутых местностях киргизской степи должны быть алмазы. Хорошо бы захватить с собою небольшое медное сито или, вернее, решето в виде четырехугольного ящика с невысокими краями (...). При остановках на ночлегах Николай (младший сын С.И.) пусть займется промывкою. Когда крупная дресва и галька будут промыты, надо высыпать на доску и разбирать с лупой (...). Для отыскания переписки в Областном и Главном правлениях об эк-

спедициях в киргизскую степь имейте в виду, что дела прежде разделялись на известные разряды: по Высочайшим повелениям, дела секретные, дела вообще по предметам, относящимся до круга действий каждого учреждения, и проч. Так как командировки в киргизскую степь совершались главнейше с целью политического свойства, то и дела нужно искать в разряде секретных, которые по сдаче в архив составляли особый отдел».

Занимаясь собиранием научных материалов по различным областям знаний касательно Алтая и киргизских степей, С.И. не оставлял без внимания и рукописи, если представлялась возможность их приобрести: «Сегодня, — пишет он, — 22 апреля 1878 г., привез домой от внучки механика академии Ив. Петр. Кулибина, Натальи Александровны Кулибиной, кипу бумаг и рукописей, доставшихся от ее деда и деда по матери — Тимофея Степановича Бурнашева, родного брата моей матери. В бумагах этих весьма много интересных данных о Нерчинском крае и о механике Кулибине (...). Часть документов, собранных ранее, отправил в Петербург. С этою почтою послал директору Азиатского департамента барону Остен-Сакену: а) копию с заявления торговавших в китайских городах Хобдо и Кучунзу доверенных здешних и бийских купцов нашему консулу в Урге Шишмареву о стеснениях со сто-

роны китайцев; в) выписку из письма прикащика купца Малькова-Артамонова к матери и брату о поездке его в прошлом году в китайские города Баркуль и др.; с) донесение его и других прикащиков ургинскому консулу Шишмареву о ходе торговли».

XIX

В конце семидесятых годов ожидали преобразования Алтайского горного округа, или, по крайней мере, строгой ревизии. Чиновники горного ведомства чувствовали себя не вполне спокойно; С.И. нечего было бояться за будущность — нравственная репутация его была обеспечена. Научные исследования Западной Сибири посредством экспедиций приостановились; несчастья, постигшие перед этим на северном пути торговые пароходы: «Луиза», «Ами», «Mirrach», «Neptun», «Царица» и «Оскар Диксон», — охладили охоту в предпринимателях исследовать Северный океан. Вопрос о Сибирском университете был окончательно вырешен. Жизнь в Западной Сибири начала принимать спокойное течение. Письма С.И. за это время приняли характер семейный — будничнейший. В доме С.И. возобновились вечеринки, на которых собирались близкие знакомые: архитектор Ш...даль, судья Г...ко, смотритель духовного училища С...цкий, доктор Д...берг и еще несколько лиц. В это время пришел в Барнаул из Зайсанского приставства отряд забайкальских

казаков. Офицеры пользовались полным радушием и гостеприимством С.И. На вечеринках у С.И. игра в карты была не принята. Общество беседовало, играли на рояле, на фисгармонии, пели русские песни, декламировали, рассказывали анекдоты. Вообще пользовались удовольствиями разнообразными. Серьезные разговоры вращались в это время около замечательных золотых россыпей, открытых в Мариинском округе и близ Салаирского рудника. В Мариинском округе купцом Верхратским в красных глинах найдено было необычайное богатство, а именно: в 100 пудах — 250 золотников. В Салаире, почти в самом селении, какой-то мастеровой, копая яму, нашел богатое золото; рабочие на Гурьевском заводе, узнавши об этом, оставили работы и бросились в эту местность в числе четырехсот человек, так что заводские работы совсем остановились. Были слухи, что «хищники» добыли золота два пуда и тотчас с ведома полиции сбыли его с рук. В это же время близ Томского завода крестьяне нашли свинцовую руду с богатым содержанием серебра, но месторождение руды скрыли. Послан был Лушников сделать исследование, но попытка была unsuccessful; так что месторождение неизвестно и до настоящего времени. Научные занятия С.И. шли по-прежнему. В 1878 году он послал в Русское техническое общество статью «О калмыцких ружьях» с рисунками

всех употребляемых охотниками приборов и снарядов для приготовления пуль из железа. Кроме того, напечатал несколько статей под псевдонимом в газете «Восточное обозрение».

Обладая необыкновенно хорошим здоровьем, С.И. в 1879 году стал чувствовать временами лихорадочные припадки и слабость, иногда в такой сильной степени, что с трудом, опираясь на палку, переходил от кровати к рабочему столу. В письмах своих покойный С.И. всегда относился к своим болезням шуточно. «Говорят, что меня опять «озевали», или «Ну, со мною опять «банная прищка». Проникнутый желанием распространять в народе полезные ремесла и знания, С.И. не переставал оказывать свое покровительство местным кустарям-промышленникам. В это время он рассылал в разные города соломенные шляпы, которые начал выделывать под его руководством переселившийся в Барнаул из Пензы крестьянин Березин. Березин сначала выделывал одни только крестьянские шляпы, С.И. научил его белить солому и плести дамские шляпки и мужские фуражки. «Радуюсь я, — пишет С.И. 2 июня 1879 года, — что к нам переселяются толковые ремесленники. Они при трудолюбии своем скоро обзаводятся хозяйством и, купив какую-нибудь лачужку у бывших подзаводских мастеровых, записавшихся в мещане, сейчас же выстраивают новые

домики уже совсем другой архитектуры, на российский лад».

В конце 1879 года С.И. получил из Берлинского географического общества диплом на звание члена. «Надо работать, — пишет он по этому поводу, — а силы слабеют. Хорошо, что я приготовил статью для Антропологического общества в Москве, пошлю копию в Берлин с рисунками древностей. В одном из писем о поездке в киргизскую степь Вы, И.Я., упоминаете о каменных бабах; нельзя ли сообщить, где они находятся, и снять с них фотографии». В следующем письме С.И. сообщает, что фотографии с каменных баб киргизской степи он получил (...). Тип этих памятников древности один и тот же, как и памятников на Алтае и в Южной России, но последние, иссеченные из песчаника, отличаются более тщательной отделкою лиц и украшений. С двух, привезенных в Петербург графом Орловым-Денисовым откуда-то из его имения и поставленных — одна в Строгоновском саду, а другая в Коломягах, — я снял рисунки и передал в Археологическое общество. В Барнаульском музее находятся две «бабы» из гранита, найденные на Алтае при Фролове и по его распоряжению доставленные в музей. Недавно состоявший при здешнем ревизоре чиновник Шубин снял для меня рисунок с каменной бабы, находящейся близ Абакана между селами Аскызским и Таштынским. Они нигде, кажется, не

описаны (...). Кроме личных наблюдений о курганах и каменных бабах, у меня собрано довольно-таки материалов, состоящих из описаний и чертежей. Статья об этом переписана давно, но потребовала дополнений. Во время поездки в Петербург я давал прочитать отрывок из нее академику Кунику, который сказал мне после, что совершенно разделяет мое мнение о народе, которому приписывают курганы с воздвигнутыми на них каменными бабами».

В 1880 году посетили Барнаул двое датчан: камер-юнкер Тегнер, племянник известного шведского поэта Тегнера, и капитан артиллерии Гагге. Цель их поездки в Сибирь была промышленно-коммерческая. Они осматривали заводы, золотоплавильную, музей, ездили в деревню Лосиху взглянуть на домашнюю жизнь крестьянина в разных степенях зажиточности. Знакомство это вызвало желание написать несколько статей, касающихся экономического состояния сибирского крестьянина, для чего они собрали много материалов, но результаты этих работ не опубликованы.

XX

С отъездом из Сибири по расстроенному здоровью генерал-губернатора Западной Сибири Николая Геннадьевича Казнакова зло во всех отраслях управления, на время подавленное, начало снова поднимать свою голову. Это отразилось и на Алтайском гор-

ном округе. То зло, которое накопилось годами и которое вконец подорвало экономический быт края, трудно, разумеется, было генерал-губернатору искоренить одним росчерком пера. Однако приезд его в Сибирь привлек на Алтай людей с полной готовностью подать честный и открытый протест всякому хищению. Ревизия и реформа в Алтайском горном правлении были близки к осуществлению. Болезнь Казнакова и отъезд из Сибири заставили призадуматься многих честных деятелей. На Алтае горная администрация, взволнованная заявлением, или, как называется она, «доносом», из молодых инженеров И...шира на злоупотребления по технической и хозяйственной частям в заводах и рудниках, чуть было не отдала его под суд за то, что осмелился поднять завесу хищения. Все инженеры разделились на партии, перессорились, появился ряд статей в газетах «Неделя» и «Сибирь», завязалось следственное дело. С.И. был в стороне от этих волнений. С малым доверием относился он к искренности обличителей и мало надеялся на благотворность реформ. В свое время «непротивление злу» ему внушено было основательно, нужно принять во внимание и его семидесятипятилетний преклонный возраст.

Обычные занятия: этнографические, естественноисторические и технические — составляли для старика не труд, а при-

вычное наслаждение. За последние шесть лет он не мог много писать; насколько нам известно, кроме мелких корреспонденций, за это время он написал только одну статью — «К истории сибирского раскола».

За эти последние шесть лет он занимался распространением в промышленности найденных им на Алтае крокуса, трепла и наждака, долго отыскивал он криолит, но безуспешно. Наждак нашел и представил С.И. крестьянин Новой Белокурихи Семен Казанцев в Бийском округе. Когда образцы были доставлены, пишет С.И., наши минералоги нашли, что это слюдяной сланец. Образцы были посланы в Минералогическое и Географическое общества. Найдено по анализу в 100 частях: глинозема — 72%, окиси железа — 27%, кремнезема — 0, 198%, магнезии — 0,214%.

При испытании на Колыванской фабрике он оказался не уступающим немецкому. Наждак для Колыванской фабрики выписывается из Екатеринбурга. В 1867 году было доставлено 100 п. 34 ф. по 5 р. 42 к. за пуд.

Трепла огромное месторождение в Кузнецком округе, другое — на речке Черыше. Превосходный трепел находится в Енисейском округе, в Туруханском крае и тонкими прослойками в томском песчанике, который начали теперь употреблять на карнизы зданий. Из Кузнецкого трепла много оселков в свое вре-

ма было доставлено в Томск оптику Рейнвардту.

Крокус добывал С.И. из шлихов Кузнецкого округа.

Вскоре затем близ деревни Евсиной, выше Берска, найдена была прекрасная огнепостоянная белая глина. Гончар Никулин по указанию С.И. стал употреблять ее на выделку посуды. После этого занялся распространением каолина, найденного вверх по Бие близ Шаланского форпоста; применением альгаяматолита к литографскому делу; применением секисовской огнеупорной глины (деревня Секисова близ Иртыша) для выделки «шерберов» (чарочек для пробы руд). В 150-ти верстах от Томска, вверх по течению Томи, в деревнях Кемеровой, Щелговой и Красноярске был отыскан прекрасный антрацит и каменный уголь. В письме от 7 декабря 1872 года С.И. сообщает следующие собранные им сведения о полезных ископаемых Западной Сибири. «Несколько лет назад мой знакомый, занимав-

шийся несколько лет в киргизской степи поисками руд и проч., по поручению купца Василия Кузнецова Николай Николаевич Копылов прислал мне образцы каменного угля, открытого по левой стороне Иртыша в следующих местах:

1) Против Семиарска в сорока верстах ниже.

2) Ниже Грачевского поселка в четырех верстах.

3) Против поселков Кривого и Песчаного в тридцати верстах.

Один из кусков оказался горною смолою. Хорошо было бы обратить на все внимание генерал-губернатора. Копылов писал еще, что близ Долонского поселка находится селитра в бору. Не из этого ли места татары представили ее Полторацкому, а тот в Барнаул для испытания».

В 1840-х годах появились в журналах того времени заметки, что англичане добывали алую краску орсель из горных лишавей, вывозимых с Канарских островов³⁰. После, в 1850-х годах,

³⁰ В делах Алтайского горного правления за 1840 год есть следующий документ: Предписание Департамента горных дел Алтайскому горному правлению от 18 января за № 26.

«Корреспондент Департамента мануфактур и внутренней торговли в Лондоне, донеся г. Министру финансов, что Лондонское Королевское общество в инструкции, приготовленной капитану Россу, отправляющемуся к Северному полюсу, между прочим, поручает ему обратить внимание на отыскание мхов, могущих заменить орсель (*Rosella tiretoria*), которая сделалась ныне редкою. Сие красильное вещество получается с острова Портланда в Англии, из Леванта и Варварийских владений, особенно же с Канарских островов и Зеленого мыса. Корреспондент почитает весьма важным удостовериться, не найдется ли орсель в местах, еще не исследованных, или не отыщутся ли другие мхи, могущие заменить ее.

Обширность Российской империи и приморских берегов ее позволяют предполагать, что орсель может найтись на прибрежных каменных возвышениях. В Норвегии и Швеции собирают красильный мох *Deconora tartarea*, а в

было снова упомянуто об этом («Журнал для детей». 1856. № 1. С. 40) с дополнением, что лишай, дающий орсель, нашли в Южной Франции и в Савойе, что он представляет круглые сероватые веточки, и когда он с белыми крапинками, то это служит знаком высокого достоинства и что, смотря по реактивам, дает разные краски. С.И., руководствуясь этим описанием и предполагая, что в Алтайских горах покрывающие скалы лишай должны обладать подобными же свойствами, начал готовить из них отвары для окраски шерсти в алый, желтый, оранжевый и коричневый цвета.

В 1883 году С.И. узнал, что татары Кузнецкого округа употребляют какую-то траву для плетения циновок и небольших ковриков под седла вместо потников и что трава эта называется «загад», «теплая», «потничная» и проч. Беглые в страшные морозы в тайгах обертывают этой травой ноги, и она сохраняет теплоту. Образцы этой травы С.И. при-

обрел и тотчас занялся ее утилизацией. Она оказалась годной для употребления вместо кокосового мочала, для мытья тела, для набивки тюфяков и вместо древесной массы на выделку бумаги.

Вместе с этим С.И. распространял между кожевными заводчиками произрастающий вблизи Верного дикий кермек — дубильный корень, употребляемый за границей вместо дуба.

Среди этих занятий я видел в последний раз С.И. в 1886 году. В это время он переживал семейное горе — потерю старшего сына. В 15 лет после первой нашей встречи наружность С.И. сильно изменилась: на лице врезались глубокие морщины, волосы совершенно поседели; в его движениях и речи не было уже той живости, которая так сильно его характеризовала. Но он не согнулся от старости, лета не ослабили его глаз; прямой стройный вид, темные из-под седых бровей глаза и тонкая улыбка добродушного юмора остались

Оверни во Франции — Licben Bavella, почему должно полагать, что первый найдется на берегах Финляндии и Ботнического залива, а второй — в южных губерниях.

По докладе о сем г. Министру Финансов Его Сиятельство приказал сообщить полученные из Лондона сведения Департаменту Горных и Соляных дел с тем, чтобы он поручил Алтайскому Горному Правлению чрез заводских лекарей разыскание об орсели и других мхах, могущих заменить ее. Департамент Мануфактур и внутренней торговли, уведомляя о том Департамент Горных и Соляных дел присовокупил, что полученные из Лондона сведения напечатаны по приказанию Его Сиятельства в 25 номере газеты Мануфактурных и Горнозаводских известий.

Департамент, давая о сем знать к надлежащему исполнению прописанного приказа г. Министра Финансов, поручает Алтайскому Горному Правлению в свое время донести подробно Департаменту о последствиях упомянутого разыскания».

прежними. Привычек своих С.И. не изменил: утреннее время с 5 до 8 часов он проводил в саду, где по-прежнему культивировал разные полезные растения; потом в 9 часов отправлялся на государственную службу, а в 7 часов вечера его всегда можно было встретить в кабинете среди своих любимых занятий. Только изредка прерывал он их беседами со своими добрыми знакомыми. Друзей у С.И. не было. Пользовался особым расположением, кажется, единственный человек — отставной полковник Таскин, инженер, лингвист, поэт и музыкант. Ко всем он относился приветливо, радушно и щепетильно вежливо. У себя дома для него все гости были равны, какое бы они общественное и служебное положение ни занимали. Замечательно, что в течение всей жизни никто из семьи не помнит, чтобы С.И. с кем-нибудь ссорился по служебным, по частным или по семейным делам. Он был враг даже сильных споров в беседах. Едва ли это не был единственный человек в Барнауле, который умел быть со всеми в приятных отношениях и не имел врагов. Прекрасным доказательством этого служит то единодушие, с которым все многочисленные знакомые почтили в 1886 году день золотой свадьбы С.И., устроив для престарелой четы обед, на котором поднесли обоим супругам золотые бокалы. Хотя часто приходилось слышать отзывы о

С.И., как о человеке с большими странностями, тем не менее он пользовался всеобщим уважением.

С.И. служил в «золотом отделении». Жил между золотопромышленниками, которые всегда и всюду в нем нуждались; пропускал чрез свои руки миллионы золота; возможно ли, чтобы при таких условиях он мог нуждаться в какой-нибудь сотне рублей. А между тем приведенное ниже письмо показывает, что старику бывало иногда тяжело содержать семью.

Вот что пишет С.И. 24 июня 1884 года: (...) «Сейчас, когда пишу письмо это, явился прикащик от Флягина за уплатой; на днях приходили от двух Морозовых, не знаю, что делать? Было три билета внутреннего займа, и те заложены. Любезная моя супруга настаивает, чтобы продал дом и купил другой, маленький. Предлагать подобные советы весьма легко, но как исполнять. Да и дом-то стоит 800 р., не больше. Меня укоряют, что я сижу за камушками. И чего это они им помешали! Я вовсе не минералог, не собираю коллекций, а если иногда интересуюсь каким-нибудь минералом в отношении пользы в общегитии, то какая же беда в этом? Они хотят отнять у меня то удовольствие, которое составляет потребность моей природы; они желали бы, чтобы я, попав в чиновничью колею, погрузился бы в ней, как улитка в раковину

(...). Забавно бы Вам слышать от кого-нибудь укоризны за то, что Вы занимаетесь, кроме службы, разными науками, да без этого жизнь человека мыслящего была бы тягостно. В отношении ко мне такие укоризны считаются справедливыми. Я не высказывал Вам огорчений и жалоб, теперь говорю о них, вызванный действиями (по секрету сказать) капитана Копейкина, которому надо и бутылку французского вина, и театр, и котлеты, и суп-леты (...).

За месяц до смерти, именно 8 апреля 1888 года, я получил от С.И. следующее письмо: «Прежде всего благодарю Вас, И.Я., за письма, в которых Вы подробно рассказываете о выставке и эпизодах, встречавшихся во время путешествия и в пребывание в Екатеринбурге. Полтора года почти напала лихорадка, никогда не посещавшая меня прежде. Больших пароксизмов, свойственных этой болезни, не было, но все-таки я страдал головною болью. Теперь болезнь проходит, но 20 января вот что случилось: утром, когда здесь бывает еще темно, я, заснув на правом боку, бессознательно повернулся было на левый и, как моя кровать узенькая, то и свалился на пол левым боком, расшиб всю левую половину тела, ударившись об карниз шкапа так сильно, что сам не мог подняться. Тяжелое было состояние: ни читать, ни писать, бессонница одолевала; в 12 часу я пробуждался и в ос-

тальное время ворочался, сидя на стуле, дремал. Ну, об этом довольно; не люблю говорить о своих болезнях. Сообщу Вам о нижеследующих, интересных на мой взгляд, предметах. Однажды явился ко мне крестьянин Мунгатской волости Алексей Худяков, предлагая купить коренной мамонтов зуб, найденный им близ своего села; но я, не собирая палеонтологических коллекций, предложил ему передать эту редкость в Барнаульский музей, который, быть может, что-нибудь заплатит. Худяков предоставил сделать это мне, и я сейчас же отослал зуб в музей. При этом случае он передал, что, выкапывая яму для постановки столба для заплота, встретил на глубине 1½ арш. огромные кости какого-то зверя, которые показались и в яме, вырытой для другого столба, в расстоянии полуторых сажен или несколько более. Худяков спрашивал меня, как он должен поступить с этою находкою? Заинтересованный этим, я намерен был съездить туда и обещал ему заплатить за находку, а между тем просил его оставить ее на месте и завалить землею, чтобы не портили любопытные. Однако я не мог исполнить моего намерения и Худякова после того не видал. Мунгатская волость находится в Кузнецком уезде, верст за 200 от Барнаула. Что если там лежит цельный скелет мамонта, находка эта была бы дорогая для науки. 2) В Семире-

ченскую область везут из окрестностей Барнаула деготь и продают там по 2 р. ведро. Ввиду такой дороговизны и необходимости в смазочных веществах для местного населения я приготовил каретную мазь и послал Степану Александровичу Попову полпуда, предложив ему готовить ее самому для его плавильных заводов, для экипажей и машин. Она делается из смолы, сала и талька, который там, в Каркаралинском округе, занимает обширное пространство, имеет снеговую белизну, употребляется же только казачками для беленья хат. Попов вот что писал мне после получения мази: «При употреблении на смазку рашков в сантиметорах рута оно совершенно заменяет дорогую заграничную мазь, что дает значительную экономию; кроме того, хорошо держится на зубчатых колесах». Если Ваши (тюменские) мастера употребляют для смазки машин масло или что другое, то обратите их внимание на мое изобретение — дешевое и полезное, употребление которого предоставляю Вашему усмотрению. Моей мазью и человека можно смазывать, если расхлябается и начнет скрипеть от ревматизма. Болезнь быстро проходит, стоит только взять немного на палец, натереть больное место, мазь совершенно входит в тело, не оставляя следов».

Это было последнее письмо, которое написал С.И.; таковым оно значится по его исходящему журналу. Прочитывая

этот реестр, веденный с 1857 по 1888 г., и разбираясь в письмах, нужно удивляться, когда успевал С.И. вести обширнейшую переписку. По реестру за указанные 29 лет личных писем, имеющих научный интерес, — 2870. В это число не входят семейные письма — к детям и родственникам.

Смерть застала С.И. за письмом, только что полученным им от вице-председателя Императорского Русского географического общества Петра Петровича Семенова, помеченным 15 апреля 1888 года № 193.

«Милостивый Государь, Степан Иванович!

В письме своем к Вам, глубоко уважаемый С.И., г. Председательствующий Отделением этнографии изложил Вам подробно о предприятии этого Отделения, в котором Ваше участие так было бы дорого. С моей стороны я позволю себе присоединить и мой голос к просьбе Отделения к Вам, многоуважаемый Степан Иванович, с выражением надежды, что Вы один из старейших членов-сотрудников Императорского Географического общества не откажете помочь отделению Вашими драгоценными материалами. Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности».

Письмо это было получено 14 мая 1888 года в три часа пополудни. С.И. прочитал его, потом наклонился на стол, сильно побледнел и начал тяжело

дышать. В это время вбежал в комнату сын его Николай Степанович. На вопрос: «Что с Вами?» — старик отвечал: «Тяжело, Николай... Вот приятное письмо получил, видно, что не забыли меня... но... поздно». Призвали врачей, которые нашли страдание отеком легких, и потому было решено поставить сорок банок. Банок в госпитале оказалось четыре, да и тех без разрешения инспектора госпиталя не дали. Посланный за банками возвратился, когда старик скончался. Накануне вечером он сидел в гостях у сына; увлекшись разговором, в 9 часов он вдруг спохватился: «Надо торопиться домой, меня ждет пациент!». Он в это время лечил крестьян от ревматизма смесью осинового дегтя с минеральным маслом.

На другой день смерти, когда С.И. лежал на столе, один из пациентов-крестьян принес на поминование души 50 копеек, считая себя должником за излечение.

Жил честно,
целый век трудился,
И умер гол,
как гол родился.

Замечательное изречение Ивана Ивановича Хемницера как нельзя лучше характеризует покойного. Какие же поучительные итоги дает нам жизнь этого человека толпы, труженика, перешагнувшего границы земного мира? Пример стремления ко всему доброму, к правде и ко всему нравственному, что выводит и облагораживает натуру человека и мирит его с невзгодами житейского поприща.

Хронологический список научных и литературных трудов С.И. Гуляева

- 1839 г.
О сибирских круговых песнях (Отеч. записки.).
- 1844 г.
О яшмовой чаше (Академ. вedom. №№ 222, 225).
- 1845 г.
Алтайские каменщики или горцы (Академ. вedom. № 6).
- 1848 г.
Этнографические очерки Южной Сибири (Библиотека для чтения. №№ 9, 17).
- 1851 г.
Иртыш и страны, им орошаемые (Географ. вестн. Кн. V—VI).
Колывань—Колывань (Жур. Мин. внутр. дел.).
Очерк Колывано-Воскресенских заводов (Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland).

1852—1853 гг.

О некоторых произрастаниях Южной Сибири (Труды Имп. Вольн. эконом. общ. Ч. V. Кн. 2.).

Руководство для золотопромышленников.

Свадебные обряды в Ярославской губернии (Географ. вест. Кн. 2.).

О древностях в киргизской степи (Вестн. Имп. Русс. географ. общ.).

Былины (Извест. Акад. наук).

1855 г.

О графите (Труды Имп. Вольн. экон. общ.).

О сибирской слабительной соли, находящейся в озерах по Иртышской линии (Труды Имп. Вольн. экон. общ.).

О глинистом сланце в Симбирской губ., из которого можно добывать горючую жидкость (Труды Вольн. экон. общ.).

1857 г.

Былины (Извест. Акад. наук).

О кретинизме и зобах по реке Лене (Вест. Геогр. общ. Кн. 2.).

Статья поручика Усольцева, исправленная и переделанная (Вестн. Географ. общ. Кн. 3.).

Записка о дикой девушке, найденной в Иркутском округе (Вестн. Геогр. общ. Кн. 4.).

О древних сосудах, найденных в Гурьевском заводе (Вестн. Археолг. общ.).

1858 г.

Об учебных заведениях в Алтайском горном округе (Жур. «Воспитание».).

Кулундинская степь (Акад. ведом. № 38. С. 180.).

О золотых россыпях и рудных месторождениях в киргизской степи (Академич. ведом. № 52, марта 7. С. 336.).

Письмо о Барабинской степи (Академ. ведом. № 71, апр. 3. С. 117).

Письмо из Барнаула о народно-врачебных средствах (Академ. вед. № 175, августа 2. С. 247).

О механике Пошунаве. (Промыш. вестник. № 1).

О древних каменных статуях в Строгоновском саду и Коломгах (Археолог. вестн.).

1859 г.

Письмо из Барнаула о пожарах в Локтевском заводе и Салаире (Академ. ведом. № 33, февраля 11).

Опыты грамматики русского языка (марта 3).

1867 г.

О сельдях в Телецком озере (Томские губерн. ведом. № 44).

О минеральных ключах в дерев. Новой Белокурихе (Том. губерн. ведом.).

То же (Известия Имп. географ. общ. Кн. 6.).

1869 г.

О караване, отправленном в Пекин в 1735 г. с мягкой рухлядью (Томск. губерн. вedom. № 21—23.).

Байкальский воск. (Томск. губерн. вedom. № 23).

Алтайский кырлык. (Томск. губерн. вedom. № 23).

1870 г.

О фламингах на Алтае. (Томск. губерн. вedom.).

О собранных сенатским секретарем Соболевым материалах о войне с турками, кончившейся Кучук-Кайнарджинским миром. (Русс. архив).

1871 г.

О горном масле в Енисейской губ (Изв. Геогр. общ. № 8).

О торговых сношениях с Чжунгарией в прежнее время и с Западной Монголией в настоящее время.

1873 г.

О мамонте близ Тазовской губы (Томск. губерн. вedom.).

О серебряных приисках в Охотском крае. (Голос.).

О каменном масле (Русский Мир).

О чесноке-луке (Вестник Имп. Русс. общ. садоводства. № 11).

1874 г.

О растении каара. (Вестник Имп. Русс. общ. садоводства, № 1).

Соляное озеро Карабаш. (Извест. Имп. Русс. географ. общ. Т. VII. № 4).

Длинношерстные овцы на Алтае. (Томск. губерн. вedom.).

1876 г.

Проект Капцевича об учреждении центрального высшего училища в Сибири. (Акмолинские вedom. № 1).

1884 г.

К истории сибирского раскола. (Л-в) (Восточ. обозрение. № 16).

Рассказ барнаульского мещанина Нагибина об охоте на медведя. (Природа и охота. Апрель)*.

* Из-за отсутствия места журнал не имеет возможности опубликовать список рукописей и книг, пожертвованных С.И. Гуляевым в Императорскую публичную библиотеку, имеющийся в используемой нами брошюре, — *прим. издателя.*

Сибирский энциклопедист

Даже по прошествии более 100 лет статья И.Я. Словцова является наиболее полным описанием жизненного пути и научного творчества С.И. Гуляева — замечательного представителя особого, уже давно вымершего типа ученого-краеведа, к числу которых относился и сам И.Я. Словцов. Необычайная широта интересов, аномально высокая трудоспособность и безграничная преданность родному краю — вот те черты, которые объединяли подобных людей. Часто все эти качества сочетались с аполитичностью, а то и со взглядами, мягко говоря, «несколько консервативными»: «Дайте больше школ, растолкуйте крестьянам их обязанности, научите их пользоваться свободой, тогда и давайте им самоуправление. Необходимо время, чтобы все улучшения в крестьянском быту принесли свои плоды. Нужно распространять всяческим образом здоровые и благородные идеи в низших классах народа посредством более образованного духовенства, посредством школ, которые должны быть органически тесно соединены с церковью».

Под этими словами С.И. Гуляева подписались бы в то время весьма многие, в частности, и И. Словцов, Н. Абрамов, А. Сулоцкий и др. В советское время подобные взгляды ученых-краеведов замалчивались, а иной раз их общественная позиция фальсифицировалась. Так, некая Л. Славорова в начале 1950-х годов в предисловии к переизданию гуляевских «Этнографических очерков Южной Сибири» (об этом полиграфическом продукте поговорим позднее) ухитрилась «доказать», что «...прогрессивная деятельность С.И. Гуляева была близка к революционно-демократическому направлению в русской науке XIX века». Наверное, именно потому, что в статье И.Я. Словцова показано, что С.И. Гуляев добился признания общественной полезности своего труда, не будучи «близок к революционно-демократическому направлению», она (статья) не дождалась переиздания при советской власти. И это несмотря на постоянный интерес к творчеству С.И. Гуляева как фольклориста и этнографа. Для идеологической машины значительно важнее было оставить С.И. «демократом».

Больше повезло материалам, собранным С.И. Гуляевым. В 1930–1950-е годы фольклористы М.К. Азадовский и И.Г. Парилов смогли выявить и собрать в архивохранилищах страны ранее не публиковавшиеся материалы С.И. Гуляева. К 100-летию со дня появления в печати первой работы Гуляева («О сибирских круговых песнях») в 1939 г. в Новосибирске вышла книга «Былины и исторические песни из Южной Сибири, собрание С.И. Гуляева» под редакцией М.К. Азадовского. Вторую книгу материалов С.И. Гуляева «Былины и песни Южной Сибири» (1952) подготовил к изданию И.Г. Парилов. Кроме впервые опубликованных фольклорных текстов, сюда вошли две статьи С.И. Гуляева «О сибирских круговых песнях» и «Этнографические очерки Южной Сибири». Однако советские издатели изрядно «причесали» гуляевские статьи. Например, в «Очерках» опущен первый абзац, в котором говорится о бытовом и общественном значении свадебной игры, о вытеснении народной свадьбы городской культурой, о многообразии народных обрядов и обычаев. Опущен также последний абзац первой части, где автор отмечает особенности напевов свадебных песен и обращает внимание читателя на общность многих собранных им текстов с опубликованными известным собирателем народного творчества И.Б. Сахаровым (1830–1850-е гг., европейская часть страны), и т.д., и т.п. Текст оказался испорчен. Причем были опущены как раз те части «Этнографических очерков Южной Сибири», в которых более всего отразились теоретические наработки и идеологическая позиция Гуляева. «Таким образом, «обработка» гуляевских «Очерков», предпринятая новосибирскими издателями, искажила научную работу талантливого этнографа-фольклориста, затруднив тем самым изучение его наследия. Сильно пострадало семейно-бытовое обрядовое творчество, представленное в записях Гуляева», — отмечает фольклорист В.А. Василенко (1975).

В начале 1960 годов Я.Р. Кошелев обнаружил в архивах еще ряд фольклорных текстов, собранных в свое время С.И. Гуляевым. Эти материалы Кошелев осветил в своей книге «Русская фольклористика Сибири» (Томск, 1962), глава вторая которой полностью посвящена С.И. Гуляеву-фольклористу. Наконец, в 1963 году вышла объемная и добротная статья Р.С. Липец «Научное наследие С.И. Гуляева как этнографа и фольклориста». Таким образом, только к началу 1960-х годов и было почти полностью если не опубликовано, то, по крайней мере, описано фольклорно-этнографическое наследие С.И. Гуляева. Сегодня ни одна серьезная публикация русского фольклора Сибири не обходится без материалов С.И. Гуляева. Примером может служить издание «Хо-

роводные и игровые песни Сибири» под редакцией А.И. Федорова (Новосибирск, 1985). Здесь в числе избранных помещен 301 текст из всего объема текстов, собранных за всю историю сибирской фольклористики, 10 песен относятся к материалам Гуляева, причем несколько этих текстов опубликованы были впервые.

К середине XIX века С.И. Гуляев являлся самым значительным собирателем фольклора Сибири. Никто из сибирских ученых не мог тогда представить такого богатства фольклорного материала, как С.И. Гуляев. Только в «Этнографических очерках Южной Сибири», опубликованных в 1848 году, содержится более 140 песенных текстов. Остальные краеведы — собиратели фольклора на Алтае за весь дореволюционный период не собрали и половины того, что собрал и систематизировал С.И. Гуляев. Правда, при жизни Гуляеву не удалось опубликовать большинство собранных текстов. Эти материалы сегодня разрознены по ряду академических архивов и, возможно, какие-то из них еще ждут своих исследователей и публикаторов.

С.И. Гуляев был не только фольклористом. Его интересовали вопросы геологии и минералогии, этнографии и диалектологии, медицины и организации заводского труда, сельского хозяйства и ремесленного производства. Такое разнообразие научных интересов, как мы узнаем из статьи И.Я. Словоцова, притягивало в дом С.И. Гуляева местную интеллигенцию и путешественников. Но универсализм (энциклопедизм) интересов Гуляева был в то же время и его слабостью — ученый расплывал свои силы.

Труды С.И. Гуляева активно привлекаются в новейшей этнографической литературе. Можно перечислить десятки крупных монографий и статей маститых и начинающих исследователей, где использованы материалы Гуляева. Правда, речь идет почти исключительно о двух его статьях: «Этнографические очерки Южной Сибири» и «О сибирских круговых песнях». Причем чаще всего статьи извлекаются из уже охарактеризованного новосибирского издания 1952 года. Скажем так, «степень эксплуатации» этих гуляевских текстов доведена до предела. Например, в статье В.А. Липинской, посвященной исследованию русских поселений и жилищ Алтайского края (1969), приводится гуляевское описание условий, в которых жил один из его инфантов-песенников. Делается это с целью проиллюстрировать мысль о том, что на Алтае в XIX веке имели место быть «однокамерные жилища». Столь плотное освоение источника похвально. Однако совершенно незамеченными этнографами остаются публикации С.И. Гуляева, на первый взгляд, не имеющие отношения к этнографии. Это и понятно, казалось бы, что может дать для

традиционного этнографического исследования описание берегов реки Иртыша? Однако, если исследовательский подход предполагает изучение взаимодействия хозяйственной системы русских старожилов Сибири с природой, а также их природоведческие знания и представления, то подобные описания («Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых», 1851) становятся бесценным источником. В частности, в «Заметках» можно узнать о следующем. В середине XIX века верные сведения о Верхнем Иртыше можно было почерпнуть только у «алтайских каменщиков»*, которые ежегодно оправлялись на озеро Зайсан и Верхний Иртыш на охоту и рыбную ловлю «...совершенно ознакомившиеся с прилежащими к Верхнему Иртышу местами».

На Иртыше под Бухтарминской крепостью в «забоках» изобильно произрастал хмель, который собирали линейные казаки «про домашний обиход». Бухтарминские каменщики употребляли вереск для окуривания комнат, для облицовки ларей и столов. Фактура здешнего вереска напоминала красное дерево. При впадении реки Бухтармы в Иртыш устье Бухтармы образовывало 8 островов. При первоначальном заселении русскими острова были покрыты лесом, к середине XIX века они совершенно обезлесели. В лесах по реке Бухтарме произрастал «дикий персик», или «камышкий орех» (*Amygdalus nana*), он употреблялся русскими для «перегонки водки». Из тополя «душистая осокорь» (*Populus balsamifera*), росшего по берегам Бухтармы и на ее островах, выделяли большие лодки-однодеревки. На таких лодках до 1804 года перевозилась «казною» руда из Зырянского и Бухтарминского рудников в Усть-Каменогорск. Местные жители на таких лодках ходили на оз. Зайсан. На всем пространстве между Бухтармой и Усть-Каменогорском на Иртыше находились две мели: одна напротив Семибратского, другая — напротив Бигибанского быков. Эти мели были замечательны тем, что на них в течение всего лета производили рыбную ловлю. От Бухтармы до Омска русло Иртыша было усеяно многочисленными островами, опущенными осокой и тростником, эту растительность ввиду отсутствия здесь другого топлива использовали местные казаки и крестьяне для отопления своих жилищ и т.д., и т.п.

Читатель уже догадался, что автор исповедует историко-экологический исследовательский подход. Можно привести еще один пример того, как в рамках этого подхода могут быть привлечены самые неожиданные источники. В №43 за 1865 год «Томских

* Алтайские каменщики — особая замкнутая группа населения Горного Алтая, старообрядцы. В 1845 году в «С-Петербургских ведомостях» С.И. Гуляев опубликовал статью «Алтайские каменщики».

губернских ведомостей» опубликовано сообщение «О сельдях в Телецком озере». Автор сообщения укрылся под псевдонимом — **Ъ-Ъ**, однако в библиографии, опубликованной И.Я. Словоцовым, эта статья числится как гуляевская. Содержание статьи полностью отвечает ее названию. Однако вкуче с другими сообщениями статья Гуляева позволяет представить, как происходило включение в ареал промысловых интересов крестьянства тех или иных промысловых угодий, а здесь переплеталось множество различных факторов. О Телецком озере русские узнали в самом начале XIX века. Сюда выходили на сбор кедрового ореха и «звериный промысел». Как пишет С.И. Гуляев, местное крестьянство мотивировало отсутствие интереса к рыбным богатствам озера якобы чрезмерной глубиной водоема и малым количеством рыбы. Между тем в озере, действительно не мелком, водилось большое количество ценных видов рыбы: телецкая пресноводная селедка, таймень, хариус, щука, лещ. По свидетельству В.В. Радлова (1861 г.), его люди, располагавшие короткой сетью, в очень непродолжительное время наловили в озере «...вполне достаточное для еды количество красивых серых рыб, которых татары называют «кызык», а русские телецкой сельдью. Кызык появляется в огромных количествах чаще всего в начале июля». По свидетельству С.И. Гуляева, при губернаторе Капцевиче на озеро была откомандирована группа линейных казаков для ловли и заготовки впрок телецкой селедки, но дело быстро заглохло. Причем, как свидетельствовала молва, казаки приложили для этого немалые усилия, практикуя откровенный саботаж. Ходили слухи, что они, например, добавляли в бочки с рыбой траву с неприятным запахом. В общем, они делали все, чтобы покинуть озеро как можно скорее и уже никогда на него не возвращаться, в чем и преуспели. Немногим лучше дело обстояло и позднее. Как пишет Радлов, в 1861 году во время хода сельди (июль) на озере появилось несколько купцов с немногочисленными артелями. Добыча в каких-нибудь 80 пудов считалась значительной. В 1861 году на всем побережье озера стоял всего один сарай, где некий рыбопромышленник хранил сети и лодки. По мнению В.В. Радлова, слабая рыбопромысловая активность на озере имела две причины. Во-первых, это крайне трудная дорога к нему и его удаленность от поселений, во-вторых, невозможность его непосредственного освоения: «...нигде не сыскать ровного берега, на котором могла бы поместиться хотя крошечная деревушка».

В статье И.Я. Словоцова имеется родословная Гуляева. Из нее мы узнаем, что сибирский энциклопедист происходил из крестьян. От себя добавим, что Гуляевы — это старинный сибирский

старожильческий род. И вот здесь начинается самое интересное. Оказывается, как убедительно доказала новосибирская исследовательница Т.С. Мамсик, на фронтире колонизационной волны XVII—начала XVIII веков в Сибирь с Русского Севера (основного района выхода) шли не столько русские переселенцы, сколько коми-зыряне и коми-пермяки, которые уже во втором поколении в Сибири осознавали себя этническими русскими (не путать с русскоязычными). Самое замечательное, что они были носителями традиционной русской культуры. Их ревность в утверждении нового этнокультурного статуса доходила до того, что русская традиционная культура ими была усвоена и культивировалась значительно полнее и шире, нежели, например, во многих регионах европейской части страны у русских. Так, былины были в основном записаны на Русском Севере и в Сибири, в частности, С.И. Гуляевым — на Алтае. Читатель, наверное, уже догадался, что Гуляев на этноментальном уровне был носителем именно этой сенкритической русской старожильческой культуры Сибири. Род Гуляевых по происхождению был коми-зырянским.

Здесь автор наступает на горло собственной песне, хотя напрашивается целый ряд историко-культурных и этнологических спекуляций. Оставим их журналистам и политикам.

История тюменской книги

После выхода указа Екатерины II о вольных типографиях по распоряжению сибирского генерал-губернатора Алябьева в Тобольске 4 апреля 1789 года открылась первая сибирская типография. Владельцем ее был тобольский купец первой гильдии Василий Иванович Корнильев. За время существования типографии в ее стенах увидели свет одиннадцать книг по истории, географии, экономике, медицине и три журнала, в том числе первый в России провинциальный журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Всего же за двести лет существования издательского дела в Тобольске местные полиграфисты изготовили свыше тысячи наименований книг, газет, журналов, продолжающихся изданий... И лишь в 1869 г., спустя 80 лет после вышеназванной даты, появилась типография в Тюмени. Издание «Устав приказчицкого клуба в городе Тюмени» считается первым и датировано годом создания полиграфпредприятия.

С тех пор прошло более ста лет. К сожалению, нам и сегодня неизвестен полный перечень изданий, напечатанных в типографии дореволюционной Тюмени.

Для ответа на этот вопрос областная научная библиотека совместно с Новосибирской публичной научно-технической библиотекой проводила работу по составлению библиографии местной печати Тобольской губернии. Огромную помощь при этом оказали книголюбцы, библиофилы, краеведы. Общими усилиями выявлено около двух тысяч названий книг, брошюр, которые выходили в городах Тобольске, Тюмени, Ишиме, Кургане, Ялуторовске. И лишь более ста названий из них составляют тюменские дореволюционные издания. Число незначительно, однако оно позволяет судить о характере местного книгоиздания.

Тюмень во второй половине XIX века была крупным экономическим центром Сибири. Здесь перекрещивались сухопутные и водные пути сообщения, развивались торговля, промышленность и ремесла. Развитие капиталистических отношений стимулировало культурную и общественную жизнь Тюмени. В этот период в городе растет число учебных заведений, расширяется сеть библиотек, соответственно, появляется и потребность в книге: учебной, справоч-

ной, научно-популярной, а также и научной, созданной на местном краеведческом материале.

Представители различных сословий города собирали домашние библиотеки, выписывали из Центральной России главнейшие периодические издания, приобщались к чтению краеведческой, исторической и политической литературы.

Известный революционер и крупный ученый П.А. Кропоткин, побывавший в Тюмени в 1862 году, писал: «Вот и первый сибирский город. Я остановился в нижней Тюмени; все деревянные дома... Но в мещанских плохоньких домиках живут очень порядочно... читают... и читают довольно много»¹. В 1864 году открылась первая публичная библиотека, которая по составу книжного фонда была «революционно-демократического направления»². Инициатива организации общественной библиотеки в Тюмени принадлежит Николаю Мартемьяновичу Чукмалдину (1836—1901)³.

На страницах «Тобольских губернских ведомостей» 1863 года он неоднократно настаивал на необходимости создания общественной библиотеки в городе. Предполагается, что основателями библиотеки в 1864 году были два ссыльных офицера — А.В. Эркичев и Зерчанинов⁴.

Библиотеку А.В. Эркичева ценили современники, о ней упоминается в переписке Н.М. Ядринцева и Г.П. Потанина⁵.

В 60-х годах в Тюмени активно действовал знаменитый кружок К.Н. Высоцкого, который «олицетворял собою центр умственной жизни города» и объединял политических ссыльных, местную передовую интеллигенцию⁶. На заседаниях кружка устраивались чтения новых книжек «Современника», «Русского слова», обсуждение романов Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева, а также проводились литературные дискуссии по острым проблемам современности. Тюменский купец Н.М. Чукмалдин в своей книге «За-

¹ Кропоткин П.А. Дневник. М.-Пг., 1923. С. 29.

² Роцевская Л.П. Повелада книга//Тюменская правда. 1986. 25 мая.

³ Лукьянова Л.С. Становление библиотечного дела в Тюмени (начало 60-х — середина 90-х гг. XIX в.)//Книжное дело в Сибири (конец XVIII—начало XX в.): Сб. науч. тр.//ГПНТБ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. С. 89; Лукьянова Л.С. Библиотеки дореволюционной Тюмени (вторая половина XIX в.)//Макушинские чтения (Тез. докл.). Новосибирск, 1988. С. 96.

⁴ Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени второй половины XIX в.//Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв.: Темат. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1986. С. 96.

⁵ Потанин Г.Н. Письма. Иркутск, 1977. Т. 1. С. 110.

⁶ Роцевская Л.П. Связь политических ссыльных Тюмени в 70-х годах XIX века//Исторический сборник/Тюм. пед. ин-т. — Тюмень, 1969. Вып. 2 (7). С. 87; Эртнер Е.Н. Николай Чукмалдин и его воспоминания//Урал. 1986. № 7. С. 154.

писки о моей жизни» отмечал, «с каким животрепещущим интересом ожидалась новая книга «Современника», которая ходила по рукам до тех пор, пока знакомые, интересующиеся литературным новшеством, не прочтут ее». Это продолжалось до тех пор, пока полиция не обратила внимание на этот нигилистический «кружок» и не ликвидировала его, как «неблагонадежное собрание». По словам Тюменского окружного начальника, члены кружка проводили «время в беседах о предметах, касающихся религиозной, государственной и общественной жизни, и эти рассуждения были проникнуты духом отрицания господствующих религиозных верований и существующего порядка в обществе и государстве»⁷. Члены кружка старались содействовать развитию образования, медицины, библиотечного дела, участвовали в научных исследованиях, а также поддерживали организацию печати и открытие типографии. И не случайно основателем первой типографии дореволюционной Тюмени стал идейный вдохновитель кружка, учитель, человек демократических взглядов и позиций Константин Николаевич Высоцкий (1835—1887 гг.).

⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 11: 1886. Д. 31. Л. 459.

⁸ Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни//Ред. и вступ. слово С. Шарاپова. М.: Тип.-литограф. А.В. Васильева и К°, 1902. С. 150—157; *Рощевская Л.П.* Демократическое издательство К.Н. Высоцкого//Урал. 1986. № 11. С. 172.

⁹ *Рощевская Л.П.* Демократическое издательство К.Н. Высоцкого//Урал. 1986. № 11. С. 172.

К.Н. Высоцкий «...носил польскую фамилию, но был на самом деле русским человеком, со всеми свойствами богато одаренной личности», — писал о нем Н.М. Чукмалдин.

К.Н. Высоцкий родился в 1835 г. в с. Тара Тобольской губернии (ныне Омская область) в семье участника польского восстания 1831 г. С 1857 г. преподавал в Тюменском уездном училище, но вынужден был оставить службу и «заниматься воспитанием детей в частных домах». Друзья прозвали его «ходячей гуманностью». «Ни один человек, сколько-нибудь выходящий из обыденного уровня в Тюмени, не миновал обаяния его бесед, не обошел его скромной кватирки», — вспоминает Чукмалдин⁸.

В 1866 г. Высоцким была открыта фотомастерская. На следующий год он завел литографию с одним станком, а в 1869 г. на ее основе была создана типография. В ней работали уже четыре станка и ежегодно выпускалось печатной продукции на 8 тысяч рублей⁹.

Первая работа типографии «Устав приказничьего клуба в городе Тюмени» была небольшой по объему, всего лишь 14

страниц. Брошюру отпечатали на хорошей бумаге. Оформление отличалось строгостью. К. Высоцкий понимал, что привлечь заказчиков и получать прибыль можно. Но возможно это лишь при постоянной «игре» на патриотических чувствах горожан. Поэтому книги тюменской типографии, особенно на первых порах, были преимущественно посвящены родному городу и самым значительным событиям в его истории.

5 сентября 1871 г. в Тюмени открылась публичная выставка сельского хозяйства и промыслов Тюменского округа Тобольской губернии. В связи с этим событием в типографии Высоцкого отпечатали «Объявление о публичной выставке в городе Тюмени, имеющей быть в сентябре 1871 года», затем был издан «Каталог произведений и изделий Западной Сибири, представленных на Тюменскую выставку 1871 года». Последнее издание было столь впечатляющим, что на следующий год послужило основой для переиздания в Омске¹⁰.

В типографии Высоцкого печатались книги различного содержания: карты Обь-Иртышского водного бассейна лоцманского типа, справочники типа «Справочной книжки

о Сибирском казачьем войске», отчеты и уставы различных благотворительных обществ в Тюмени, а также иллюстрированные издания.

Среди книг, отпечатанных в типографии Высоцкого, было его собственное произведение, написанное совместно с Н.М. Чукмадиным — «Записка о плавании по реке Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги» (1872 г.). На одних экземплярах имя авторов указано полностью, на других — только первые и последние буквы. Экземплярность вышедшего в свет издания неизвестна.

В «Записке...» «авторы дали подробный анализ развития водного транспорта Обь-Иртышского бассейна... Дана оценка основных проектов строительства железной дороги в Сибири. Эти сведения понадобились авторам для доказательства главной своей идеи: наиболее перспективен проект железной дороги через Тюмень, предложенный инженером Богдановичем»¹¹.

В типографии К.Н. Высоцкого в 1878 г. была отпечатана книга «3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки. Из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби», рукопись которой хранится в рукописном отделе Тобольско-

¹⁰ Описание публичной выставки, бывшей в городе Тюмени в 1871 году. Омск, 1872. С. 155.

¹¹ *Роцевская Л.П.* Демократическое издательство К.Н. Высоцкого // Урал. 1986. № 11. С. 173.

го историко-архитектурного музея-заповедника.

До последнего времени считалось, что автором этой книги был геолог Алексей Петрович Павлов, впоследствии академик АН СССР¹². Однако надпись, сделанная автором на форзаце рукописи, опровергает это: «Рукопись автора. Адрес автора: Андрей Арсеньевич Павлов, в Тюмени, Тоб. губ.». К сожалению, до сих пор не удалось установить его биографические данные. А.А. Павлов написал книгу интересную, обстоятельную, еще будучи студентом последнего курса. В ней он приводит данные об экономике, промыслах, ремесленном производстве, развитии торговли.

В предисловии Павлов писал: «Моя книга не претендует на картинность в художественно-литературном смысле. Я смотрю на нее без претензии литератора-беллетриста, как на сборник сырых материалов, из которых, может быть, хотя крупица пригодится для исследователя Севера Сибири. Я буду держаться ближе к истине, к факту и — что составляет мой идеал — буду ясен». Далее он свидетельствует: «Считаю нужным упомянуть, что... для определения расстояния по фарватеру судоходных рек Западной Сибири я пользовался недавно изданной картой И.И. Игнатова».

Упомянутая Павловым карта — это «Карта-дорожник по

рекам Западной Сибири: Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи» (1878 г.)¹³. Ее составил капитан парохода «П. Косатовский» Андрей Иванович Плотников. Карта имеет 23 листа и, как книга А.А. Павлова, была издана на средства тюменского купца, владельца судостроительного завода и нескольких пароходов (в том числе и «П.Косатовского») Ивана Ивановича Игнатова. Эти издания были настольной книгой для речников, незаменимым путеводителем по рекам Западной Сибири. Потому Игнатов, не жалея денег, всячески способствовал быстрому выпуску этих изданий.

Другой круг изданий Высоцкого — пособия для учителей. Среди них — «Русская азбука» А.П. Павлова (1873). Это было время, когда русская педагогическая наука вырабатывала основные дидактические принципы наглядности, доступности, демократизации образования, а растущие потребности в грамотных людях побуждали печатать многочисленные пособия для учителей и учащихся. Таким образом, издание «Азбуки» говорило о том, что Высоцкий не только отдавал дань своей учительской профессии, но и принимал активное участие в деле просвещения народа. В этом же русле находится и другое издание — «Историческая

¹² Там же.

¹³ Там же.

записка о 50-летию Ирбитского уездного училища» (1871 г.) И.В. Иконникова. Подобные издания были очень популярны в то время. Сегодня внимательный читатель увидит в них не только поименные перечни учителей и учеников, не только таблицы и программы. Это был своеобразно зафиксированный педагогический опыт провинциального учительства. Кроме того, подобные издания помогли воспитывать чувство гордости к своей альма-матер.

Среди изданий Высоцкого самую широкую известность получили альбомы карикатур одного из лучших рисовальщиков XIX века, сибирского художника и писателя тоболяка М.С. Знаменского под следующими названиями: «Моя поездка на кумыс. Клубные сонные грезы» (1875), «Обрыв. Роман классический, картинный, отменно длинный, и сатирический, и чинный» (1875). О них уже достаточно писали, и все исследователи единодушно отмечали высокий полиграфический уровень изданий Высоцкого. Издание этих книг стало одним из мотивов установления надзора за Высоцким, как за держателем типографии и фотографии, подозревавшимся в связях с политическими ссыльными и печатании в своей типографии революционных прокла-

маций¹⁴. Несколько раз в году по распоряжению жандармских властей у него производили обыск. Высоцкий, как и другие владельцы типографий дореволюционной Тюмени, выполнял в основном частные заказы. Однако некоторые книги были изданы им самим на средства тюменских купцов. И не случайно. Наиболее передовая часть купечества дореволюционной Тюмени своим капиталом помогла развитию просвещения и культурной жизни города. Выходу романов М.С. Знаменского в типографии Высоцкого помог тюменский купец 2-й гильдии Терентий Алексеевич Тимофеев, который, как и Высоцкий, в политическом отношении был на плохом счету у губернского и жандармского начальства и не раз находился под следствием. В 1875 г. во время обыска у него обнаружили 11 экземпляров запрещенного сочинения Н. Наумова «Сила солому ломит» и фотографию поэта-революционера М.Л. Михайлова¹⁵.

Анализ выявленных изданий Высоцкого подтверждает, что его деятельность преследовала не столько корыстные, меркантильные цели получения прибыли, сколько цели служения просветительным, прогрессивным идеалам и не ограничивалась только книгопечата-

¹⁴ *Рощевская Л.П.* Связь политических ссыльных в Тюмени в 70-х годах XIX века // Исторический сборник / Тюм. пед. ин-т. Тюмень, 1969. Вып. 2 (7). С. 87.

¹⁵ Там же.

нием. Интересы его были многосторонними. Не случайно сибиряки называли этого человека «тюменским гением». Он был также издателем и редактором первой в Тобольской губернии частной газеты, которая выходила в Тюмени с 5 января по 28 декабря 1879 г. (раз в неделю, по пятницам). И возникновение ее в Тюмени — явление не случайное. Как крупный промышленный город, находящийся в начале главного сибирского тракта, Тюмень в первую очередь нуждалась в торговой рекламе и информации. Кроме того, в Тюмени сложился достаточно прочный круг деятелей культуры, почти десять лет работала первая частная типография. Немалую роль играло еще и время появления газеты — это был период общественного подъема.

Газета называлась «Сибирский листок объявлений». Цель газеты, по мнению самого Высоцкого, заключалась в том, чтобы отражать «все интересы Сибири и ее деятельности на почве как крупной промышленности, так и ее главных отраслей». Утвержденная программа газеты включала в себя общекалендарные сведения, заимствованные из одобренных цензурой изданий, сводку погоды в разных местах Сибири, сведения о ярмарках в окрестностях Тюмени, товарах, местных

изделиях и продуктах. С самого начала предполагалось, что газета будет помещать объявления. Много лет спустя эта программа была охарактеризована как узкая¹⁶.

Уже современники видели в программе более широкое звучание. Вот какими словами сопровождал прошение Высоцкого об издании газеты тюменский исправник Игумнов: «Сибирь, богатая местными произведениями и крупною торговлею, весьма бедна печатным словом: не имеет до сих пор даже простых торговых объявлений, которые способствовали бы большому обмену известий о местных изделиях, торговых спросах и тем усиливали бы еще больше торговую и промышленную деятельность края, почему в этих видах печатным словом удовлетворение ходатайства Высоцкого принесло бы пользу краю»¹⁷. О том, что готовится первое частное издание, знала интеллигенция края. Тобольский художник и писатель М.С. Знаменский в одном из писем просил: «Поклонитесь от меня Чукмалдину и Высоцкому. Я их добром поминаю, и мне кажется, что это единственная пара, не поминающая меня лихом». Именно Знаменскому принадлежат и первые рассуждения о будущей газете. В недатированном письме Терентию Алексеевичу (Тимофеенкову — *Е.К.*) он благодарил за известие о газете и делился услышанным о ней: «Но-

¹⁶ 400 лет Тюмени. Свердловск, 1985. С. 63.

¹⁷ ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 8. Ед. хр. 3. Л. 3.

сятся слухи, что в Тюмени затевается издание газетки, обсуждается ее программа, после чего пойдет в надлежащее место надлежащая просьба о разрешении». Знаменский не сомневался, что внешне будущая газета «будет опрятной, т.к. тюменские типографии шеголяют своими работами и опережают губернские». Не сомневался Знаменский также, «какова будет душа в этом опрятном теле», ибо в Тюмени «найдутся сотрудники, которые отнесутся к делу серьезно и будут готовы и рады поддержать данную газету». Главным вопросом для Знаменского был вопрос о том, «кто будет стоять у цензурной купели и много ли дельного и справедливого выйдет из крещенного». Иными словами, Знаменский опасался, что цензурные преследования сильно исказят газету, ибо «провинция вообще на этот счет до безобразия труслива». Заканчивал свои рассуждения Знаменский утверждением, что Тюмень нуждается в честном руководящем органе¹⁸.

В целом идея газеты была поддержана. Предварительной цензуры избежать не удалось. Вначале газету проверяли в Казани, затем в Тобольске. Материалы значительно задерживались и устаревали, поэтому в большинстве случаев приходилось заполнять номера деловыми объявлениями, которые печатались без цензурного просмотра.

Каждый номер состоял из 4—5 разделов: помещали обще-

календарные сведения, а также данные о состоянии погоды в разных местах Сибири, преимущественно в Тюмени и Тобольске. Не следует забывать, что как раз в эти годы во всем мире получает развитие служба погоды, возникают первые метеорологические установки, изучаются не только атмосферные осадки, но и ветры, уровни воды в водоемах. Подобные исследования были очень нужны развивающемуся капиталистическому хозяйству страны. К.Н. Высоцкий пытался привлечь для этой трудоемкой и повседневной работы своих корреспондентов, предполагая войти «с редакцией в соглашение о вознаграждении». Это дает основание предполагать, что он был как-то связан с Русским Географическим обществом, которое и оплачивало подобные работы. Со временем содержание материалов в отделе термометрических наблюдений приняло в газете серьезный характер.

Второй раздел газеты — «Ярмарки и торжки» — информировал о ярмарках и торгах в окрестностях Тюмени, о том, какие товары продавались, в каком количестве и по какой цене. Этого рода информация была ориентирована на торгующих крестьян, мещан и купцов. Именно эта часть и представляла наибольший интерес для предпринимателей Тюмени и транзитных торговцев. Половину газеты за-

¹⁸ ЦГАЛИ. Ф. 765. Оп. 8. Ед.хр. 3. Л. 3.

нимали объявления. Здесь помещались объявления о продаже личных вещей, изделий кустарных промыслов, а также об открытии фотографий, магазинов, печатались распоряжения санитарной комиссии Тюменской городской управы, городской Думы. Иногда объявления печатались несколько раз.

К.Н. Высоцкий понимал, что немаловажное значение будет иметь поддержка собратьев-литераторов, и пытался установить с ними контакт, печатая объявления о выходе других газет. Но деловые связи с литературным миром налаживались трудно. По крайней мере в «Сибирском листке объявлений» появилось только уведомление о выходе ежедневной газеты «Русский курьер» и третьего издания романа В. И. Немировича-Данченко «Гроза».

Особый интерес представляют письма читателей. Высоцкий уделял этому отделу газеты большое внимание. В своих письмах читатели давали оценку газете, высказывали пожелания, касающиеся ее содержания, указывали на ошибки и опечатки. Некоторые жаловались, что газета малоинтересна, просили сообщать, «сколько в Тюмени... невест, с каким приданым, и точно также женихов». «Если бы Вы обратили на это внимание, — писал неизвестный, — то наверное бы более кавалеры и барышни пожелали выписывать «Сибирский

листок объявлений». Высоцкий достойно ответил на это пожелание: «Ужели только и дела на свете, что искание невест и женихов?». Он советовал употребить время «на шитье сапогов, на посадку картофеля», обещал поместить «почтенное и солидное объявление» «о явлении на свет нового продукта, увеличивающего благосостояние родины и человечества»¹⁹.

Такой человек, как К.Н. Высоцкий, не раз он упоминал о родине в своей газете; это была не игра словами, а глубокое убеждение человека передовых взглядов. Интересы родины и народа были для него превыше всего. И сотрудников для своей газеты Высоцкий подбирал со знанием дела. Среди них — его единомышленники тюменские купцы, которые отличались достаточно развитыми и передовыми взглядами: Т.А. Тимофеенков, В.И. Князев, Д.И. Лагин, А.К. Глазунов, И.В. Канонников, Н.М. Чукмалдин. В газете сотрудничали корреспондент многих газет А.А. Павлов, книги которого печатал Высоцкий; служащий В.В. Ефремов, учитель А.А. Себякин, художник И.А. Калганов, старшая дочь Высоцкого Мария. Они энергично собирали материалы литературного и специального характера. Пытались в газете печатать и обличительные статьи, но предварительная цензура не допускала этого.

¹⁹ Сибирский листок объявлений. 1879, № 5.

Внешний вид газеты был действительно симпатичен. Высоцкий использовал для заголовков и текстов объявлений разные шрифты. У него появились и иностранные шрифты, чего не было в 1875 г., когда он печатал художественные альбомы Знаменского. Все это улучшало восприятие текста и привлекало читателей. Здесь же он помещал объявления о работе своей типографии и об ее услугах.

Но все эти попытки улучшить газету упирались в главное препятствие — предварительную цензуру. Сотрудники потеряли всякую надежду на снисходительность цензуры, а подписчики получали ограниченное чтение. Газета была обречена. Выходила она очень небольшим тиражом — 150—200 экземпляров, имела 52 подписчика. Из-за убыточности 28 декабря 1879 года газета прекратила свое существование. 9 ноября 1879 года в 45-м номере газеты было помещено объявление, в котором сообщалось, что «в 1880 г. «Сибирский листок объявлений» не будет выходить и подписка на него не принимается». В последнем номере газеты помещено письмо читателя, который высказывал сожаление о прекращении издания и спрашивал: «Неужели редакция убедилась, что не надо было и начинать, что само свойство местных дел не нуждается в деловом органе? Грустно, если так. Или само обще-

ство не успело привыкнуть к неудобности делового органа и не сумело поддержать благое начинание». На эти слова Высоцкий ответил: «Мы очень благодарны за это письмо, но пускаться в подробности изложения причин прекращения находим неудобным и скажем только одно: «листок» начат преждевременно».

После прекращения выхода газеты стали издаваться периодически различные доклады по текущим вопросам сибирской жизни, в подготовке которых деятельное участие принимали и члены кружка. Но, к большому сожалению, до сих пор не удалось обнаружить ни одного выпуска. Несмотря на то, что газета издавалась всего один год, она способствовала накоплению опыта к выпуску периодических изданий в последующие годы. По словам редакции «Сибирской торговой газеты»²⁰, «Высоцкий был один из лучших, добросовестных, бескорыстных и энергичных людей в Тюмени»²¹. Его особенно часто вспоминала беднота, так как он оказывал ей как нравственную, так и материальную помощь. Чтобы дать рабочему дело, он имел устроенные мастерские: швейную, переплетную, линовальную — со значительным числом служащих. Краевед Л.Г. Беспалова в своей книге «Живое прошлое» (Свердловск, 1987 г.) добавляет: «В праздничные дни в типографии устраивались спектакли,

²⁰ «Сибирская торговая газета» выходила в Тюмени с 1897 по 1918 гг.

²¹ Сибирская торговая газета. 1897, № 1.

концерты, вечера как для интеллигенции, так и для рабочих. Т.А. Тимофеенков выступал с чтением своих публицистических опытов, В.И. Князев — со злободневными и остроумными стихотворениями, М.К. Высоцкая пела, наборщику Афонину очень удавались роли в сценках колоритных, типа Островского»²². В своей типографии Высоцкий печатал еще и театральные афиши.

Его современники отмечали хорошую техническую оснащенность типографии. Об этом свидетельствуют следующие факты. Так, книга А.А. Павлова «3000 верст по рекам Западной Сибири» была издана на «качественной бумаге, с разнообразным шрифтовым оформлением, виньетками, орнаментированными буквица-ми»²³. Еще в 1871 г. за представленные на выставку в Тюмени экспонаты типографских работ, которые отличались «разнообразием шрифтов» и «некоторою шеголеватостью», К.Н. Высоцкий был награжден похвальным листком от Министерства финансов. Энергичная деятельность, постоянные материальные трудности, связанные с содержанием его большой семьи, подорвали здоровье Высоцкого. Он умер в возрасте 52 лет (в 1887 г.) и был похоронен в Тюмени на Текутьевском кладбище. Через три года, в 1890 году, могилу Высоцкого посетил его близкий друг Н.М. Чукмалдин.

С глубоким чувством горечи писал он одному из близких:
 «Здесь твоя могила,
 бедный мой Высоцкий!
 Нет твоей могилы,
 нет креста, кургана,
 Что у всех умерших
 памятником служит.
 Вот следы поляны,
 вот следы обвала,
 Той земли и глины,
 где ты похоронен.
 Рядом две могилы,
 двух ввучат твоих же,
 Ласкою согретых,
 в надписи отцовской,
 Что блестят стихами
 на кресту могильном.
 Где же след любви горячей
 на твоей могиле,
 Бедный мой Высоцкий?
 Нет следа нисколько.
 Крест не осеняет
 впадины могилы,
 Насыпи кургана
 с зеленью дерновой,
 Памятника-камня
 с надписью любовной,
 Нет тебе по смерти.
 Точно ты не жил;
 Точно людям бедным мира
 не поведал,
 Правды не посеял?
 Где же, Боже Правый,
 Те следы морали,
 сеянным покойным
 В годы его жизни,
 вправо и налево,
 Чтобы люди жили
 с миром и любовью?»

²² Беспалова Л.Г. Живое прошлое: писатели XIX века о Тюмени. Свердловск, 1987. С. 85.

²³ Волкова В.Н. Сибирь // Книга в России 1861—1881. М., 1990. Т. 2. С. 190.

Пало ли то семя
в каменную почву,
Ветер ли развеял,
солнце ли спалило?
Глухо только всюду,
мрачно и угрюмо.
Бедный мой Высоцкий!».

С тех пор прошло немало лет. К большому сожалению, имя Высоцкого ныне почти забыто. Мечта Н.М. Чукмалдина о том, что «общество тюмен-ское почтит его память чем-нибудь и более существенным», так и не осуществилась. По-прежнему нет в Тюмени улицы имени Константина Высоцкого. Книги, которые он издавал, стали библиографической редкостью. Только в крупнейших библиотеках страны можно найти некоторые из них. Переиздание его книг было бы своеобразным памятником нашему земляку.

После смерти Высоцкого типолитографию унаследовала его дочь Людмила (умерла после 1943 г.) и с 9 марта 1887 г. стала ее полноправной владелицей. Сын Николай (1864—1932) стал геологом, работал на Урале, его труды о платине пользуются мировой известностью. За выдающиеся работы Н.К. Высоцкому было присвоено звание заслуженного деятеля науки. Вторая дочь — Мария (по мужу Князева) — умерла рано. Людмила продолжила дело отца. Своей семьей она не имела, воспитывала детей рано умершей сестры, в том числе племянника Василия, ставшего впоследствии известным поэтом революции.

80% изданий, вышедших с типографских станков Л.К. Высоцкой, составляли уставы и отчеты многочисленных благотворительных обществ Тюмени. Перечислим только некоторые из них: «Устав Александровского родильного дома в Тюмени (утв. 2 ноября 1890 г.)», «Устав Тюменского кружка любителей музыкального и драматического искусства (утв. 23 августа 1895 г.)», «Устав городского ломбарда (утв. 30 декабря 1891 г.)», «Отчет комитета Тюменского попечительного общества о бедных 1891—1892 гг.», «Отчет по любительскому спектаклю, данному 23 января 1889 г. в пользу ученицы тюменской женской прогимназии Натальи Марелиной с целью дать ей возможность продолжить образование в гимназии» (1889 г.) и др.

Перечисленные издания Л.К. Высоцкой служат доказательством оживленной общественной жизни города в конце 1880-х—начале 1890-х гг. На первый план выступают задачи культурного обслуживания населения, повышения уровня грамотности, а также полезные, воспитывающие развлечения. Создается впечатление, что внутренне Л.К. Высоцкая полемизирует с писательницей Н.А. Лухмановой, которая видела среди тюменцев преимущественно купцов-толстосумов и низменные, не облагораживающие личность развлечения типа кулачных боев. Нет. Подлинная и действительная общественно-

культурная жизнь Тюмени определялась не кулачными боями, а созданием обществ попечения о бедных, содействием народному образованию, развитием начальных школ, театральными постановками, музыкальными концертами, работой библиотек и книжных магазинов музея (при реальном училище).

Недаром одними из первых книг, выпущенных Высоцкой, были «Каталог книг библиотеки Тюменского приказчицкого клуба» (1888 г.) и «Систематический каталог книгам Тюменского 2-й гильдии купца Терентия Алексеевича Тимофеевкова, находящимся во временном пользовании библиотеки Тюменского приказчицкого клуба. Составлен мая 3 дня 1888 г.» (1888). Как раз в это время близкий знакомый семьи Высоцких Т.А. Тимофеевков пожертвовал 3000 книг в библиотеку клуба. Издание катало-

га было своеобразной формой признательности граждан города за благородный поступок²⁴.

Несколько лет спустя Высоцкая издала аналогичный «Каталог Тарской городской общественной библиотеки». Каталог издан на средства другого тюменца — Н.И. Давыдовского, принадлежавшего к семье тюменских купцов-меченатов. В секторе редкой краеведческой литературы Тюменской областной научной библиотеки хранится книга с любопытным названием «Письмо из Тюмени претендента на должность городского головы» (Тобольск, 1894). На титульном листе книги черными чернилами размашистым почерком выведена дарственная надпись автора: «Николаю Ивановичу Давыдовскому. Автор 94-ХП-2». К большому сожалению, имя автора книги неизвестно, оно зашифровано в конце книги*.

Окончание следует

²⁴ Лукьянова Л.С. Становление библиотечного дела в Тюмени (начало 60-х—середина 90-х гг. XIX в.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII—начало XX в.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 91—94; Лукьянова Л.С. Библиотеки дореволюционной Тюмени (вторая половина XIX века) // Макушинские чтения: (тез. докл.). Новосибирск, 1988. С. 97.

* «Слагатай сия человек **не гласный** (*выдел. издат.*), отчина ж его познается от осми букв: сторицей сугубоу начинается и единою же сугубо ер скончается; прочая же шесть — трехчисленная десятирица, с десятирицею семичисленною и вторицею, паки сторица девятичисленною с тою же семичисленною десятирицею и вторицею». — Литературные фантомы [И.Я. Словцов, Е.Л. Милькеев, Е.В. Кузнецов]. Тюмень: СофтДизайн, 1997. С.113. Имя расшифровывается достаточно просто: Словцовъ. Иван ли Яковлевич это? Текст подсказывает, что принадлежит Словцову-**не гласному**. Под таким псевдонимом (**Не гласный**) Иван Яковлевич публиковался в «Тобольских губернских ведомостях». См. также: В.Е. Копылов. И.Я. Словцов — директор реального училища//Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1992. С. 59. — (*примеч. издателя*).

Въездные, или парадные, ворота старой Тюмени

А были ли они? В прошлые века в солидных городах Западной Европы и России их присутствие было столь же привычным, как, скажем, здание ратуши или думы. Неужто провинциальная Тюмень, первый русский город Сибири, в промышленном отношении всегда опережавшая соседние Тобольск или Омск, но лишенная статуса губернского города, не обладала столь престижным знаком солидности? Теперь, после многолетних поисков, на эти вопросы можно уверенно ответить: ворота не только были, но и частично сохранились до наше-

го времени. Вот только знают о них немногие...

В судьбе каждого коллекционера изредка возникают счастливые ситуации, когда материал по избранной теме идет, как говорится, навалом — непрерывным потоком. Естественный в таких случаях обширный набор положительных эмоций может, увы, сыграть с исследователем злую шутку: нередко количественная сторона поиска начинает существенно уступать качественной. Нежданно и в обилии свалившийся материал не только лишается тщательной

Так выглядело завершение Царской улицы во второй половине прошлого века. Справа, на фоне Единоверческой церкви, и слева от центра магистрали видны однотипные двухэтажные дома — ворота старой Тюмени.

обработки и облумывания, но и, оказавшись в архиве, быстро забывается. И только спустя годы, перебирая по разным причинам папки полузабытого архива, неожиданно для себя (разве все упомнишь!) обнаруживаешь интереснейшие документы, когда-то тобою недооцененные.

Как-то на досуге мне довелось полистать альбом художественных открыток с видами Тюмени начала века. На фотоизображениях улицы Царской (Республики) в месте ее пересечения с Голицынской (Первомайской) мое внимание привлекли две пары зданий, в зеркальном отображении повторявших по архитектуре друг друга по обеим сторонам центральной улицы (см. фото с открытки).

Архитектурный повтор сооружений легко наблюдался и со стороны Голицынской улицы, слева, и справа от оси симметрии Царской (другой снимок). Комплекс этих домов на упомянутом перекрестке частично сохранился до нашего времени.

Два зеркально отличающихся Г-образных крыла, отделенных друг от друга центральной магистралью и объединенных в единый комплекс необычным архитектурным решением, весьма напоминали въездные ворота в город с сибирской стороны от Омска. В те годы, когда здания строились, а это вторая половина прошлого столетия, здесь была окраина города. Дальше, в сторону Ялуторовска, Царская улица переходила в не обустроенную Тор-

Те же сооружения в правом в верхнем углу снимка, слева от них виден сохранившийся аналогичный дом по Голицынской улице.

говую площадь, на краю которой одиноко стояло сиропитательное заведение Трусова. Так что нестандартный замысел безмятного архитектора о совмещении торгово-жилого комплекса с парадным въездом в город был вполне оправдан. Конечно, это не Триумфальная арка, столь распространенная в европейских городах, и не традиционные арки-ворота (такие, скажем, как Тарские (Тобольские) ворота в соседнем Омске — бывшей резиденции генерал-губернатора, но все же! Можно предположить, что соображения субординации, не позволяющие перешагнуть центр генерал-губернаторства, заставили местные власти отказаться от более торжественных намерений.

Так или иначе, но въездные ворота в Тюмени появились, и, заметьте, не где-нибудь, а с той стороны, откуда наиболее вероятен приезд генерал-губернатора... Событие произошло спустя почти три века, когда целиком деревянная средневековая Тюмень впервые обзавелась воротами при строительстве оборонительных сооружений. Те ворота в башнях деревянного кремля просуществовали недолго: материал из дерева всегда служил благодатной пищей для тюменских пожаров.

Какова судьба замечательного комплекса, о котором идет речь? Давайте, читатель, станем мысленно на перекресток Республики и Первомайской лицом к Центральной площади. Слева от

Дом А. Ф. Брюхановой (бывший «Детский мир»), за ним бывшее пожарное депо (здание — копия дома на Голицынской улице), улица Республики располагается параллельно нижнему краю снимка.

нас остатки бывшего «Детского мира». Это здание когда-то было одним из элементов упомянутого комплекса. В конце прошлого века оно принадлежало купчихе А.Ф. Брюхановой. В нем на первом этаже размещались торговые заведения чайного магната Алексея Губкина («Тов-во А. Губкина, А. Кузнецова и К^о», позже «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов») и купца Макария Шмырова. В сороковых годах нашего столетия здание неизвестно перекроили, надстроили дополнительный этаж, и оно стало «Детским миром», а в наше время — развалинами. Как дом выглядел до его перестройки и разрушения, можно видеть на примере сохранившегося близне-

ца напротив — по другую сторону Республики. В 1900-х годах нижний этаж здания арендовала под собственный магазин предпринимательница К. Козлова.

К сожалению, снаружи первоначальный архитектурный облик этого здания-близнеца искажен хозяевами ювелирного магазина, недавно в нем размещенного (куда смотрит городской архитектурный надзор?). Любопытно, что перед тем, как замазать цементом оригинальную кирпичную кладку, владельцы магазина решили проконсультироваться у меня с намерением узнать первоначальный вид этого дома. Умиленный благородными намерениями своих посетителей, я подготовил для них несколько

*Магазин Панкратьева (слева) рядом с типографским цехом,
вид зданий почти современный
(все фотографии датируются 1897—1903 годами).*

старых фотографий. То ли из-за боязни новых предпринимателей перед возможной оплатой моей консультации, то ли, скорее, из патологической неприязни к сохранению тюменской старины, но здание «отреставрировано» на уровне безвкусицы...

Слева от бывшего «Детского мира» находится многократно перестроенный дом, принадлежность которого к комплексу вообразить очень трудно. Когда-то в нем располагались пожарное депо и его команда, а сейчас здесь квартируют различные организации. Имеется, однако, уникальная возможность увидеть этот дом таким, каким он был первоначально, по еще одному близнецу, счастью сохранившемуся между упомянутым ювелирным магазином и зданием старой типографии (см. фото). В здании-близнеце в начале века размещались мануфактурная торговля Панкратьева и Московский магазин. Только по этому зданию (архитектура, внешняя

кирпичная отделка, этажность) можно судить сейчас в целом о внешнем облике бывшего комплекса — своеобразных тюменских городских ворот прошлого века. До сих пор на торце бывшего магазина можно видеть кованые железные двери, «здравствующие» более века.

Как и многочисленные их собратья в других городах, тюменские въездные ворота пережили сходную судьбу: спустя какое-то время после возведения они оказались почти в центре города. Достаточно вспомнить, например, сходную ситуацию с Триумфальными арками, когда-то сооруженными у въезда в город, в Москве, Санкт-Петербурге и других местах.

Итак, на вопрос о том, располагала ли старая Тюмень, подобно другим солидным российским городам, въездными парадными воротами, можно дать утвердительный ответ. Нам, современникам, надо сохранить хотя бы то, что еще осталось.

Тюменская ярмарка. Взлет и падение

Ярмарки являются в России наиболее древней формой общения продавцов и покупателей. Слово «ярмарка» кажется исконно русским словом, хотя проис-

ходит от немецкого Jahrmarkt — ежегодный рынок. По определению В.И. Даля, ярмарка (ярмонка) — большой торговый съезд и привоз товаров в сrouch-

ное в году время, годовой торг, длящийся неделями.

Прежде ярмарки были приурочены к местам временного скопления народа: богомолье, храмовые праздники. На них привозили собственные произведения и обменивались ими с другими. Торговля в таких местах имела преимущественно меновый характер, т.е. каждый посетитель ярмарки являлся одновременно и покупателем, и продавцом. Он или обменивал свои товары на необходимые ему, или, продав свои за наличные деньги, покупал нужные ему товары. С течением времени вследствие неудовлетворительных путей сообщения некоторые ярмарки приняли характер важных торговых центров, куда к определенному сроку свозились из разных мест, иногда очень удаленных, даже из других стран, самые разнообразные товары, отсюда перераспределявшиеся в другие места. Товаром запасались обыкновенно от ярмарки до ярмарки, и к этому времени были приурочены расчеты торговцев между собой.

Наиболее крупные размеры в силу исторически сложившихся обстоятельств приняли в России две ярмарки: Макарьевская, учрежденная в 1641 году и перенесенная в 1817 году в Нижний Новгород. Наибольшего размера обороты Нижегородской ярмарки достигли в 1881 году — 246 млн. рублей по привозу товаров и 243 млн. руб-

Генерал-губернатор Западной Сибири князь Петр Дмитриевич Горчаков

лей по продаже их. Вторая по величине — Ирбитская ярмарка была учреждена на 2 года позже Макарьевской — в 1643 году и проводилась с 1 февраля по 1 марта ежегодно.

В Тюмени же, кроме еженедельного торгового дня субботы, по указу «Тобольского наместнического правления от 25 октября 1787 года последовавшего господину коменданту Гебоуеру в общем собрании им Градским Главою и обществом 1788 года апреля во второй день положена годовая во время проезду иногороднего купечества в Ирбит с 1-го генваря по 1-е февраля ярмонка»¹. В народе она называлась Васильевская, начало ярмарки приходилось на

¹ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1000. Л. 21.

1 января — день Василия Великого.

Однако уже к 1817 году ярмарки уже практически не существовало — «купецких транспортов и проезжающих купцов но и то не для торговли иногда останавливающихся в Тюмени. Единственно для торгу никогда не бывает»². Что касается еженедельной торговой субботы, то она осталась лишь для торговли «ситными припасами, и продажа производится не на значительную сумму» на открытом месте подле гостиного двора.

Интерес к созданию своей сибирской ярмарки, причем именно в Тюмени, как наиболее подходящем сибирском торговом городе, проявляли сибирские генерал-губернаторы, в том числе и М.М. Сперанский. В литературе описан случай, когда М.М. Сперанский, будучи сибирским генерал-губернатором, при посещении Тюмени в 1819 году предложил тюменцам перевести Ирбитскую ярмарку в Тюмень. Но тюменское городское общество, послав депутацию в составе городского головы Проскуракова, купцов Кожевникова, Барашкова и Прасолова, категорически воспротивилось, объясняя это

тем, что не только «падут цены на местные произведения, но и кожевенные заводы разстроятся от привоза изделий и товара лучшего качества, чем тюменския, и от недостатка рабочих, которые во время ярмарки начнут пьянствовать»³.

Сперанский действительно был в Тюмени 23 мая 1819 года, вскоре после своего назначения генерал-губернатором Сибири, и действительно встречался с тюменским городским обществом, что нашло свое отражение в документах: «Сего числа в присутствие сей Думы входило для обозрения его Высокопревосходительство господин Сибирский Генерал-Губернатор, тайный советник и кавалер Михаил Михайлович Сперанский»⁴. Но что касается предложения Сперанского и реакции тюменского городского общества на него — факт этот остается не подтвержденным документально.

В 1843 году сибирской администрацией во главе с генерал-губернатором Западной Сибири князем Петром Дмитриевичем Горчаковым была предпринята попытка возобновить Тюменскую ярмарку. «Сибирская администрация тех времен ранним против г. Ирбита открытием ярмарки в Тюмени предполагала «оттянуть» центр торговли из Ирбита и тем самым привести дававшую миллионные обороты Ирбитскую ярмарку к упадку»⁵.

² ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1000. Л. 22.

³ Русская старина. 1896. Т. 87. С. 294.

⁴ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 252. Л. 140.

⁵ *Ксаевский Г.Н.* Тюменская ярмарка// Сибирский наблюдатель: Кн. 9. Томск, 1901. С. 73.

Основания, на которых отдавалось предпочтение Тюмени перед Ирбитом, изложенные в ходатайстве администрации тех времен, были следующие: Тюмень, находясь при судоходной реке Туре, имеет свои пристани и пароходное сообщение с Томском, тогда как доставка кладей через Ирбит, находящийся в стороне от большого тракта, возвышает фрахт от Нижнего к Томску до 30 коп. с пуда; кроме того, Ирбит, заключающая в себе лишь до 1000 домов, в продолжение 11 месяцев в году лишен не только торгового, но даже и обыкновенного жизненного движения, тогда как Тюмень, заключающая в себе до 3000 домов, имеет при значительных собственных капиталах свою самостоятельную торговлю и обладает промышлен-

ностью, оборот которой простирается до 1500000 рублей.

На основании этих данных нельзя было не признать, что ярмарка в Тюмени, кроме общих коммерческих выгод, оказала бы значительное влияние на развитие самого города, тогда как столетний опыт доказал, что Ирбитская ярмарка не принесла никакой пользы своему городу, остающемуся по сие время безжизненным и пустынным. При этом обращено было внимание и на то, что с учреждением ярмарки в Тюмени многие товары, не подвергаясь излишней перевозке, понизились бы в цене, как, например, сало, масло, бухарские товары и предметы семипалатинского ввоза, наконец, сибирские купцы не делали бы лишних 360 верст от Тюмени до Ирбита в

Гостиный двор. Вид с западной стороны. Фото начала XX в.

передний и обратный путь, что, разумеется, также падает на ценность товаров.

Ходатайство сибирской администрации было уважено, и Тюменская ярмарка открылась 15 января 1845 года, правда, Васильевской она уже называться не могла, хотя в большинстве краеведческой литературы Тюменская ярмарка 1845 года ошибочно называется Васильевской.

Подготовка к ярмарке велась настолько основательно, что генерал-губернатор Западной Сибири сам приезжал в Тюмень для решения организационных вопросов по Тюменской ярмарке. Советом Главного Управления Западной Сибири 14 июля 1844 года был учрежден Временный комитет по устройству ярмарки, который решал организационные вопросы на месте. Возглавил комитет Александр Космарев, члены комитета Евлампий Котовщиков, Николай Решетников, Василий Трусов, Иван Иконников.

Генерал-губернатором было предписано городской Думе назначить «из мещанского сословия благонадежных людей к отправлению при комитете должностей по разным поручениям»⁶. Избранным от общества из мещанского сословия Елисею Васиньеву и Матвею Иванову Шапошникову было составлено специальное, на время проведения ярмарки, наставление по

⁶ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1028. Л. 28.

надзору за гостинодворским караулом, состоящим из 20 человек. С Елисеем Васиньевым и Матвеем Шапошниковым был заключен контракт, по которому им ставилось в обязанность вести непрерывное наблюдение за караульщиками; следить, чтобы караульщики не оставляли свои посты до тех пор, пока не сдадут «хозяевам всех печатей и замков»; нести ответственность за охраняемый товар.

Вот как описал свои впечатления о Тюменской ярмарке известный тюменский купец и меценат Н.М. Чукмалдин в книге «Мои воспоминания»: «Всего же хуже и труднее было спать ночами в холодном балагане в продолжение января, когда в Тюмени открылась Васильевская ярмарка и нужно было на это время перемещаться из гостиного двора во временные лавки. Балаганы, где мы торговали, наружно охранялись сторожами, но так как в балаганах не было дверей, а только западни, из которых на день одна нижняя половина служила прилавком, а другая на шарнирах поднималась кверху, то и надо было ночью сторожить товар внутри за плохо замкнутыми западнями. Эта служба приходилась и на мою долю. Бывало, в сумерки идешь домой напиться чаю и поужинать, а потом в сопровождении дворового человека отправляешься ночевать в дырявый балаган, в котором и запирают меня сна-

ружи висячими замками, унося ключи домой. Утром около 7 часов тот же дворовый человек приходил отворять замки для выпуска меня оттуда и замыкал их снова до полного рассвета. Вставая из-под шубы и кочмы, бывало, дрожишь от холода напропалую, одеваешься наскоро и полной рысью бежишь домой, чтобы сколько-нибудь согреться. Как я это выносил в течение месяца, не схватил горячки, до сих пор не понимаю! И никому не приходило в голову, что случись пожар в этих временных рядах, построенных из тонкого теса и досок, где люди спали, запертые висячими замками, ключи от которых унесены в квартиры, мы все погорели бы заживо. Мороз по коже пробирает меня даже теперь, когда я вспоминаю время этой ярмарки».

Несколько раз, начиная с 1843 года и в течение 1844-го, в «Московских ведомостях» публикуются объявления о Тюменской ярмарке. Например, в апреле 1844 года в Московскую газетную экспедицию были отправлены деньги «серебром шесть рублей двадцать шесть копеек с половиною и составленные в два ряда объявления о учреждении в городе Тюмени с 15-го генваря по 15-е число февраля каждогодно ярмарки, начало коей воспримется с будущего 1845 года. Просит о распубликовании оной в Московских ведомостях по прило-

женным объявлениям учинить»⁷.

«По личному совещанию тюменского градского общества с г. Генерал-губернатором избрано для ярмарочной торговли место, на коем устроен каменный гостиный двор с отдельными деревянными корпусами, как самое удобное и находящееся в центре города, чем вместе обеспечивается и квартирные помещения для приезжих на ярмарку»⁸.

На первый случай признано достаточным поместить ярмарочную торговлю в упомянутом гостином дворе и деревянных корпусах, «в коих находится 295 лавок и кладовых, сверх того для постройки балаганов под бакалейные и другие товары назначены на находящиеся около гостиного двора площади: Полицейская, Рыбная, Александровская и Спасская»⁹.

При подготовке дополнительного для ярмарочной торговли места выяснилось, что необходимо снести несколько частных домов, примыкающих к гостиному двору. С кем-то из хозяев вопрос был решен мирно и спокойно, т.е. дома под снос были оценены по обоюдному согласию и куплены градской думой. Но не обошлось без конфликтов, слух о которых дошел до Омска, и генерал-губернатору Западной Сибири князю П.Д. Горчакову пришлось вме-

⁷ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 8.

⁸ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 115.

⁹ Там же.

шаться и приостановить очень уж ретивых местных исполнителей. После его вмешательства вопрос был решен. 11 домов, предназначенных для сноса, были оценены в сумме на 176 рублей 28 с половиной копеек, причем «строительство домов отдается в пользу хозяев»¹⁰.

Купцам Трусову, Кормачеву и Шешукову, отправлявшимся на Нижегородскую ярмарку, было поручено пригласить купечество на Тюменскую ярмарку, а по их отзывам, которые они привезут от российского и сибирского купечества, сделать соответствующие распоряжения.

За порядком и пожарной безопасностью в городе Тюмени, насчитывающем 1845 домов; постоянных жителей обоего пола 8113 человек; временно проживающих 2500 человек, следили из полиции: городничий, 3 квартальных надзирателя, 21 будочник, в числе которых один унтер-офицер, 8 полицейских служителей, письмоводитель и 7 писцов, из которых шесть вольнонаемных. Особо обращено внимание на пожарную безопасность, обеспечивать которую были обязаны 18 пожарных, в числе которых один унтер-офицер да 12 лошадей при них, 5 «давнего заготовления огнегасительных

машин». Генерал-губернатором дано разрешение думе «купить, вместо находящихся налицо ветхих, шесть новых больших огнегасительных машин»¹¹.

Генерал-губернатор добился высочайшего разрешения на то, чтобы «дозволить иностранным азиатцам торговать без взятия торговых свидетельств не только на трех главных ярмарках: Ирбитской, Нижегородской и Коренной, но и на Тюменской»¹².

А также предписание «о приглашении жителей г. Тюмени всех сословий к изготовлению для имеющих прибыть на Тюменскую ярмарку в будущем 1845 году купцов квартир и об удалении от себя людей неблагонамеренных и сомнительных»¹³.

Генерал-губернатор «изъявил волю свою на прибытие в Тюмень ко время открытия ярмарки»¹⁴.

Успех первой ярмарки превзошел всякие ожидания: привезено было товаров на 3860000 рублей и продано на 1030000 рублей.

На Тюменскую ярмарку съехались московские, шуйские и владимирские купцы с шелковыми, золотокружными, пуговичными, ленточными товарами и мануфактурой; клинские с ситцами; павловские с железными товарами; екатеринбургские с галантереей, виноградными винами и железными изделиями; невянские с сундуками; итальянцы и прусские подданные с

¹⁰ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 110.

¹¹ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 116.

¹² ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 355

¹³ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 392

¹⁴ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1027. Л. 141.

картинами; шадринские с крупчаткой и мукой; иркутские и кяхтинские с чаями; арзамасские и ярославские с табаками; казанские с сигарами и аптекарскими товарами, причем сигар было продано на 600 рублей; семипалатинские с китайскими товарами; костромские с бронзой; ростовские с сахаром; тульские с оружейными, медно-скобяными товарами, а также с гармониями; от фабриканта Петра Гарднера с фарфором, причем продано на 2000 рублей; от московского купца Петра Свешникова с книгами, причем продано на 500 рублей; от московского купца Петра Бармина с фарфоровой посудой, причем продано на 1000 рублей; вятские и великоустюжские с серебром; кинешинские с бумажным товаром, а также нижегородские, юрьевские, перемышльские и другие купцы¹⁵.

Из тюменских торговцев: 2-й гильдии купец Яков Щетинин, мещанин Федор Молодых, купец Иван Дмитриев Лапшин, мещанин Иван Свечкин, Владимир Шапошников, Степанида Калмакова, Семен Патрушев и другие. Разных кожаных товаров предложено на 30000 рублей, а продано на 15000 рублей¹⁶.

Ирбитская же ярмарка в 1845 году прошла заметно тише минувших лет, причиной чему, несомненно, было неудобное сопоставление дня открытия ярмарки с днем окончания таковой в Тюмени.

Тотчас же после Ирбитской ярмарки 1845 года губернская пермская администрация внесла ходатайство начальству о переносе срока ярмарки с 15 февраля на 1 февраля — 1 марта, мотивируя его всевозможными резонами и доводами. Ходатайство было уважено. Изменение срока Ирбитской ярмарки в 1846 году тотчас же отразилось на Тюменской — привоз товаров в этом году был уже на 2183264 рубля¹⁷. Многие купцы, издавна ездившие на Ирбитскую ярмарку и уже принявшие на себя там взаимные обязательства, по невозможности быть в одно и то же время и в Ирбите, и в Тюмени, должны были или вовсе отказаться от поездки в Тюмень, или же, прибыв туда и не дождавшись конца ярмарки, спешить в Ирбит.

Тюменцам это, конечно, понравиться не могло, и они опять обратились к «своему» начальству с ходатайством. Сибирские власти вновь хлопочут о возобновлении для Ирбитской ярмарки прежде существовавшего срока — с 15 февраля по 15 марта, совершенно игнорируя интересы «российских» торговцев.

В 1848 году на Тюменскую ярмарку привезено было товаров на сумму 1049500 рублей серебром¹⁸.

¹⁵ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 60.

¹⁶ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 61.

¹⁷ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1029. Л. 65.

¹⁸ ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1031. Л. 37.

В этом же году Ирбитская ярмарка по распоряжению властей снова переносится на прежние сроки — с 15 февраля по 15 марта, но это длится недолго. Начинается настоящая война экономических интересов. В 1850 году московское купечество представляет мотивированное ходатайство, опирающееся крепко на «российские интересы», прося видоизменить сроки ярмарки опять на 1 февраля — 1 марта. В 1851 году один из главных вдохновителей и организаторов Тюменской ярмарки П.Д. Горчаков был переведен из Сибири, и вопрос о ярмарке в конце концов все же решился в пользу московского купечества. С 1852 года Ирбитская ярмарка уже окончательно установилась в сроках с 1 февраля по 1 марта, так она и просуществовала до советского периода.

А Тюменская ярмарка с 1852 по 1868 гг. опять стала называться Васильевской, представляя собой фактически всего лишь торжок предметами местного производства. И опять тюменцы начинают год за годом хлопотать о перенесении ярмарки в более удобное время, мотивируя неудобства срока ярмарки с 1 января по 1 февраля следующим:

1. В Восточной Сибири после осенней распутицы зимний путь устанавливается довольно поздно, и потому отправленные оттуда в Тюмень товары к 1

января большей частью при-
быть не имеют возможности.

2. Замерзание рек, особенно Иртыша, нередко задерживает товары, идущие из киргизской степи.

3. Пушной товар, выменяемый у северных инородцев, также не может быть доставлен к 1 января в Тюмень, потому что в это же самое время бывает и Обдорская ярмарка.

И, наконец, еще одна из причин упадка Тюменской ярмарки в том, что с 1 по 11 января проходила довольно значительная Мензелинская ярмарка в Оренбургской губернии, и российские купцы не имели возможности в течение двух месяцев быть на трех больших ярмарках.

В течение нескольких лет ходатайства терпели неудачу, и лишь в 1868 году срок ярмарки был перенесен на 20 июля — 15 августа, и стала она называться Тюменская Спасская ярмарка. Первые два года приезд торговцев был значительным, и многие возлагали надежды на «прогресс» Тюменской ярмарки. На деле же оказалось иначе: с третьего года ярмарка опять начала хиреть, давая ничтожные обороты, что вновь побудило Тюменское городское управление хлопотать о перенесении срока ярмарки на 15 января — 5 февраля. Это ходатайство было уважено, и с 1880 года Тюменская ярмарка официально

была открыта с 15 января по 5 февраля, но и этот новый срок оказался лишь «иллюзией праздного мечтателя, каковым оказалась Тюменская городская управа, олицетворивши собою белку в колесе в постоянной погоне за новыми и новыми сроками»¹⁹.

Новое ходатайство, но теперь Тюменская городская дума возвращается почти к срокам семидесятих годов, излагая в мотивированном ходатайстве просьбу о сроках с 20 июня по 20 июля. Губернская администрация и на этот раз согласилась с доводами Тюменской городской думы, разрешив с 1894 года открывать ярмарку с 20 июня по 20 июля.

Дела пошли лучше, открытие ярмарки совпадало с самым разгаром навигации и тем ее временем, когда реки Западной Сибири, а главное Тура и Тобол, не успевали обмелеть. Благодаря этому наблюдался значительный приток товаров и приезд торговцев и покупателей из Восточной Сибири и степных областей. Торговля шла бойко, давая значительные обороты.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в материале о Тюмени есть строки: «...значительная ярмарка с 20 июня по 20 июля (в 1898 г. привоз 2672000 руб., продажа 1906455 руб.)...».

Много приезжало торговцев и покупателей из Евро-

пейской России и даже из-за границы. Неудобство являлось только в том, что срок окончания Тюменской ярмарки совпадал с открытием Нижегородской ярмарки. Поэтому торговцам приходилось собираться раньше окончания Тюменской ярмарки и ехать в Нижний. Особенно это отразилось на торговле сырыми кожами.

Торговцы-кожевники, высказав указанное неудобство Тюменской городской думе, в 1890 году просили ее хлопотать об открытии ярмарки на 15 дней раньше настоящего срока. Дума представила свое ходатайство начальству. Тобольский губернатор в апреле сообщил о разрешении перенести срок открытия Тюменской ярмарки с 20 июня на 5 июня и продолжать ее, как и ранее, до 20 июля.

Постепенно Тюменская ярмарка приобрела негласный статус значительной кожевенно-сырьевой ярмарки, обороты которой в 1901 году достигли 2000000 рублей²⁰. По ведомости 1909 года на ярмарке было продано около 350 тысяч пудов кожи, 32 тысячи пудов шерсти и 10 тысяч пудов хлопка. Через руки одного только тюменского купца

¹⁹ *Кгаевский Г.Н.* Тюменская ярмарка//Сибирский наблюдатель: Кн. 9. Томск, 1901. С. 75.

²⁰ *Кгаевский Г.Н.* Тюменская ярмарка//Сибирский наблюдатель: Кн. 9. Томск, 1901. С. 85.

*Цены на некоторые товары на Тюменской ярмарке 1901 года*²¹

Наименование товара	Цена
Пимы мужские черные	от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 20 коп.
Пимы мужские белые	до 3 руб. 60 коп.
Пимы женские черные	от 80 коп. до 1 руб. 40 коп.
Пимы женские белые	от 1 руб. 60 коп. до 2 руб. 60 коп.
Тулупы	от 10 руб. до 12 руб. 50 коп.
Рукавицы бараньи	от 40 коп. до 45 коп. за пару
Холст льняной отборный	135 руб. за 1000 аршин

Антон Колмаков, переотправлявшего шерсть главным образом в Тамбовскую губернию, проходило свыше 100000 пудов²².

Вот как описывается Тюменская ярмарка в Справочнике и адрес-календаре по г. Тюмени на 1913 год: «Особенно заметно большое оживление на товарных пристанях во время Тюменской ярмарки с 5-го июня по 20 июля; сибиряки привозят сюда сырье (зерно, кожи), разгружают его и меняют все это на фабрика-ты, мануфактуру, продукты кустарной и заводской промышленности, и вот снова идет нагрузка пароходов и баржей, но уже не сырьем, а изделиями промышленной Европейской России».

Тюменская ярмарка существовала до тех пор, пока ее главные действующие лица — купцы — не бежали на восток в результате гражданской войны,

а оставшиеся не были ликвидированы как класс.

Тюмень, изначально имея все данные (местоположение, значительное торговое сословие, развитую промышленность) для того, чтобы стать местом проведения крупной ярмарки, так и не смогла им стать в полной мере. Ярмарка, конечно, существовала, то оживляясь, то затухая, но уровень имела значительно ниже, чем задумывалось.

Причиной тому стало противопоставление ее Ирбитской ярмарке, имевшей 200-летний стаж, ярмарке со сложившимися традициями, связями, договорами. И если бы для Тюменской ярмарки сразу были выбраны сроки ее проведения, не пересекающиеся со сроками других ярмарок и удобные для большинства приезжих купцов, она могла бы не только прославить свой город, но и принести ему немалую пользу.

²¹ Кгаевский Г.Н. Тюменская ярмарка//Сибирский наблюдатель: Кн. 9. Томск, 1901. С. 84.

²² Флоринский А. К восстановлению Тюменской сырьевой ярмарки// Красные вехи. Тюмень. 1924. № 15. С. 17.

* * *

В «Восточном обозрении» (1889. №№24–25) опубликована работа М.С. Знаменского «Кое-что о театральном деле в Тобольске».

* * *

В ходе работы над предисловием к «Обрядам, обычаям, поверьям» из серии «Невидимые времена» (Тюмень: СофтДизайн, 1997) краевед В.К. Белобородов подсказал, что И. Шимаев — это псевдоним священника И.С. Голошубина. По вине издательства в издание не попала ссылка на источник информации.

Н.А. Рогачева благодарна В.К. Белобородову за помощь в работе и вместе с издательством приносит ему свои извинения.

* * *

В «Сибирском листке» (1893. №№4–5) опубликована работа И.Я. Неклепаева «Самоедская ярмарка в Сургуте»

***

В редакции журнала «ЛУКИЧ» имеется прижизненное издание С.К. Патканова «Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: В 3-х томах».

В минуты безденежья готовы продать в надежные руки.

* * *

К.М. Голодников окончил курс в Тобольской гимназии. Работал Ялуторовске учителем русского языка с 1839 по 1846 гг. — Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии//Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 2. Тобольск, 1894. С. 66.

Моор Светлана Михайловна родилась 18 июля 1951 г. в п. Гарь Амурской области. Окончила экономический факультет Новосибирского электротехнического института (1974), аспирантуру Московского экономико-статистического университета (1984), защитила диссертацию. С 1978 г. работает в Тюменском государственном университете на экономическом факультете (ныне — Международный институт управления, финансов, бизнеса.)

Увлекается поэзией с 16 лет. Публиковалась в местной периодике. Готовится к изданию сборник стихов.

Волкова Е.Н. — редактор газеты «Зеркало» (издатель администрация пос. Винзили.)